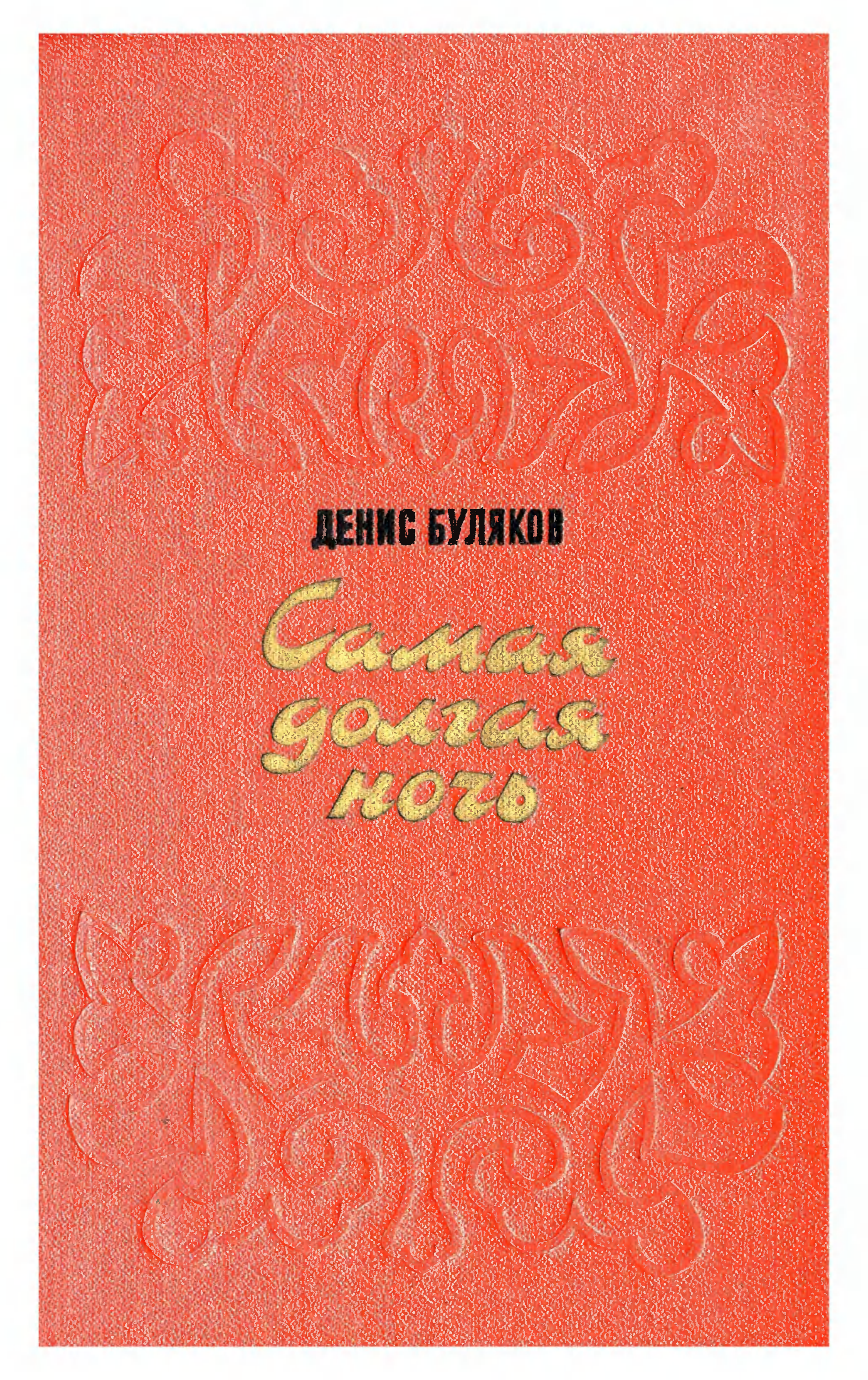

ДЕНИС БУЛЯКОВ

Самая
долгая
нога

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

Денис Буляков

Самая
долгая
НОЧЬ

Повести
и рассказы

Перевод с башкирского
А. Кончица и С. Панасяна

«Современник»
Москва
1979

С(Башк)

Б90

Буляков Д. М.

Б90 Самая долгая ночь: Повести и рассказы. (Пер. с башк. А. Кончица и С. Панасяна. — М.: Современник, 1979.— 269 с. (Новинки «Современника»).

Герои повестей Дениса Булякова — люди бескомпромиссные, сильные, активно борющиеся с теми, кто преступил социально-нравственные законы общества, стремящиеся к искренности и чистоте человеческих чувств.

Рассказы молодого башкирского писателя зачастую грустны, лиричны по настроению, но пронизаны верой в возможность настоящего счастья,

Б $\frac{70303-182}{M106(03) - 79}$ 198—79 4702110000

С(Башк)

Повести

Самая долгая ночь

1

На сугробе лежала пышная сосновая ветка с густой зеленой хвоей. Наверное, она обломилась недавно, потому что ее еще не успело занести.

Здесь, на опушке леса, было почти тихо, снег не так залеплял глаза, как на открытом со всех сторон пространстве, и дышалось легче.

Гафур стоял по пояс в снегу. У него не осталось сил даже пошевелиться. Промокшие ноги от попавшего в мерзлые валенки снега как будто немного отогрелись. Он попытался пошевелить пальцами, но ощутил неприятную сырость, и по спине от этого пробежал озноб. Саднили икры ног, натертые войлоком. Гафур расслабился и принял позу поудобнее. «Ладно, что хоть догадался надеть стеганные брюки»,—подумал он. Но брюки тоже промокли и отяжелели от воды, стояли колом. Они-то, наверно, и отняли у него остатки сил.

Впереди, между соснами, метрах в ста пятидесяти проглядывали тусклые огни. Резкие порывы ветра долетали и сюда, на опушку леса, но здесь они уже теряли половину своей силы и были не страшны Гафуру. Да и места эти он знал как свои пять пальцев. Впрочем, даже здесь в относительном затишье снег валил стеной, так что ничего нельзя было разглядеть.

Все-таки Гафур с облегчением вздохнул и подумал: «Наконец-то дошел».

Он расстегнул пуговицы фуфайки, которая стесняла движения. Под фуфайкой у него был белый, как снег, свитер, почти совершенно сухой. Это он сохранил ему благодатное тепло. Гафур потрогал свитер рукой и с благодарностью подумал о Самаре, которая связала его в первые же месяцы после их женитьбы.

Самара вообще любила рукоделие. В свободные минуты по вечерам руки у нее всегда чем-нибудь заняты. То кофту вяжет для себя, то вышивает что-нибудь.

Гафур готов был часами сидеть напротив жены и не отрываясь смотреть на нее. Обычно, почувствовав его взгляд, Самара краснела густо, даже мочки ушей рдели у нее. Она понимала его взгляд по-своему. И правда, Гафур тихонько переходил на диван, где, поджав ноги, она занималась своим вязаньем, и руки его невольно опускались на ее круглые белые колени. Она вздрагивала, столько было нежности и страсти в его жесте. Тело у Гафура как будто занималось огнем, начинало гореть, но, наткнувшись на ее терпеливый, выжидающий чего-то взгляд, он убирал свои руки.

Все было дорого Гафуру в Самаре. Летом, когда она в прозрачных капроновых чулках и белых туфлях шла по улице, он не мог наглядеться на нее. Какие стройные длинные ноги, гибкая, упругая походка. И стать, и гордо поднятая голова, и открытый взгляд, и волосы, как черная осенняя ночь — все в ней казалось ему самым совершенством. Гафур не раз видел, как все мужчины, даже идущие рядом со своими женами, и те с восхищением поглядывали на Самару. Ревность вспыхивала в нем в такие минуты, но он не мог не признать, что внимание к его Самаре приносит ему бесконечную радость. Он только крепче сжимал ее руку. Она все это понимала и глядела на него долгим взглядом своих черных глаз, в которых, как ему казалось, хранилась некая тайна, которую он должен отгадать.

Глаза у Самары узкие, но в минуты радости или удивления они у нее широко раскрываются, а тонкие брови взлетают вверх, но не ломаются пополам, как у некоторых женщин, а выгибаются изящной дугой.

На левой ноздре у нее маленькое родимое пятнышко. Оно почему-то привлекает к себе, делает ее лицо более милым.

Бывало, сидит Гафур, любясь своей женой, ее красивым лицом, вдруг обнимет ее за талию и станет жадно целовать сначала мочки ушей, потом нос с родимым пятнышком, наконец, потянется к ее полуоткрытому рту, она начинает шутливо сопротивляться, бороться с ним. Он нарочно сдается. Самара прижимает его к ди-

вану, и он чувствует упругость ее тела, от которого можно сойти с ума...

В те времена и был связан этот свитер, поэтому о многом вспомнил сейчас Гафур, трогая рукой нежный ворс. Вязала его Самара долго из шерсти, которую вместе покупали на базаре, и получился он пушистым, мягким и теплым, будто тепло ее рук и нежность передались вещи.

— Вот, это мой первый подарок тебе,— сказала она, протягивая ему свитер и довольно улыбаясь.

Гафур надел его и был приятно удивлен, увидев на груди пару голубей, связанных из черной шерсти.

— Это талисман,— объяснила жена.— Этот голубок — ты, а вот этот — я...

Сейчас Гафур попытался разглядеть голубей, потом погладил рукой то место, где они находились. Расслабил шарф. Прохладный воздух пробрался за пазуху, и как-то легче стало утомленному, взмокшему телу. Он положил варежки на сосновую ветку и смахнул с лица мокрый налипший снег. На ресницах и бровях выросли льдинки, от тепла руки они растаяли. «Теперь пора двигаться»,— подумал он. Вытащил одну ногу из сугроба и встал коленом на сосновую ветку, вытащил вторую и обернулся назад. Там тянулась глубокая тропа, похожая на медвежий след. «Были бы лыжи»,— подумал он, не решаясь шагнуть с сосновой ветки, довольно шаткой, ненадежной опоры. Но впереди опять мелькнули желтые огни, и он рванулся вперед, провалившись в сугроб по пояс. Но это его не остановило. Медленно, с трудом он продвигался к жилью.

«Ребята скажут, что ж ты вернулся? Бросил трактор?»—подумал он. Если бы не буран, разве оставил бы он трактор посреди поля? Снег-то ведь до радиатора доходил. И так замучился. А тут еще обуза — сани. Если бы не сани, подал бы назад да в объезд попробовал пробиться. А в таком месиве поди назад подай. Только вперед. Вот и выгребал из-под радиатора снег лопатой, в час по чайной ложке, пока силы были.

Между тем буран бушевал уже третьи сутки. Трое суток он в дороге, почти не спал. Да и до сна ли было. Хотелось побыстрее добраться и увидеть Самару.

Он воображал, как ввалится в комнату уставший, мокрый, как она удивится: «Гляди-ка, пропавший конь...

вернулся наконец». Потом не вытерпит, и, не дожидаясь, когда он разденется, бросится к нему на шею. И он услышит знакомые запахи ее теплого тела, которые всегда опьяняли Гафура. И этот запах перемешается с запахом сосновой смолы. Одежда его всегда пахла сосновой смолой, потому что все время они топили печь сосновыми поленьями, которые он приносил из поленницы полными охапками.

Их небольшая, как баня, избушка частенько наполнялась дымом, оттого что тяга в трубе железной печки сначала, как только затапливали, была неважная. Из всех щелей и из дверцы в избу синими кольцами тянулся дым. Потом, когда дрова как следует разгорались, железная печка начинала весело гудеть и потрескивать,— дымить переставало.

Самара вставала рано. Она всегда старалась ступать осторожно, но половицы у них предательски скрипели. Самара оглядывалась на Гафура, дескать, не разбудила ли нечаянно. Гафур, который уже проснулся, торопливо закрывал глаза, притворялся спящим. Самара довольна и старалась двигаться еще осторожнее, приготавливая утренний чай.

Свет, проникающий сквозь два крошечных окошка, добавлял всей обстановке в доме некую таинственность и уют. Гафур любил эти утренние минуты, наблюдая за хлопочущей с чайником женой.

Гафур вспомнил, как однажды, примерно за неделю до этого путешествия, он проснулся очень рано. Он лежал, нежась под одеялом, смотрел на жену и не заметил, как снова задремал. И ему приснился сон, как он бредет по снегу, бесконечно уставший, а дом еще далеко. В изнеможении он сел прямо на снег. И вдруг увидел, навстречу ему бежит Самара. В одном платье, на ногах у нее белые туфли на высоких каблуках, капроновые чулки. Гафур замахал рукой и закричал:

— Самара-а!

Но она не видит его.

— Гафу-ур!— разносится ее голос по лесу. Так и не увидев его, она пробежала мимо. И тут с веток деревьев, там, где она пробежала, белой тучей обрушился снег. Раздвинув ветки, Гафур тщетно пытался увидеть Самару. Но она засыпана снегом. А над его головой рысь с оскаленными зубами, выгнув спину дугой, при-

готовилась к прыжку. В глазах у него потемнело от ужаса. Он закричал и вскочил... с постели. А рядом испуганная жена в одной ночной рубашке, мелко дрожит от страха и крепко обнимает его. На железной печке мирно дребезжала крышка вскипевшего чайника.

— Что случилось?— спросил Гафур, протирая глаза и пытаясь улыбнуться. Он стал ласкать жену, успокаивать, шутить, и наконец она пришла в себя.

— Там кто-то есть,—пролепетала она.—Я хлопчу у печки, а он через окно смотрит на меня...

— Да ну, не может быть, тебе показалось,—сказал он. Но тут и правда около чулана заскрипел снег, и кто-то постучал в дверь.

— Ну и что, глупенькая,—сказал Гафур невольно вздрогнувшей жене,—это кто-нибудь из наших.

У Самары испуганно раскрылись глаза.

— Это же лес, да к тому же зима,—прошептала она.—Кто знает, кто там бродит.

Гафур улыбнулся и кивнул на двустволку, висевшую на стене.

— Не бойся, есть чем защитить тебя.

В дверь постучали настойчивее. Самара торопливо опустила занавеску, закрывавшую кровать, а Гафур со скрипом раскрыл дверь:

— Кто там?

— Это я, Хазигали! Открой!

Гафур узнал голос бригадира и подумал: «Что-то рано он сегодня». И потянулся за валенками. Из-за занавески показалась голова Самары.

— Кто это?

— Хазигали. Скороход.

— А-а...

Дверь снова раскрылась, впустив облако морозного тумана.

— Скорей заходи,—сказал Гафур.—Что-то ты слишком рано.

Сначала лица бригадира не было видно в облаке тумана, он стоял неподвижно, привыкая к полумраку. Потом хлопнул кожаными рукавицами, поискал кого-то взглядом и, не обнаружив, видимо, сказал:

— Здравствуйте! Вот какие дела, браток Гафур...

Хазигали был крупным мужчиной, широкий в кости и на голову выше Гафура. Лицо у него было красное,

припухшее, острые глаза, холодный взгляд, изломанные брови, в общем, весь его вид внушал уважение, дышал силой, которая на первый взгляд, по словам односельчан, внушала доверие.

Гафур вопросительно посмотрел на него, желая узнать, с чем пришел тот, с каким делом. Но бригадир не торопился. Не снимая шубы, придвинул к себе скамейку, стоявшую у стены, сел на нее и стал внимательно изучать обстановку в доме. Осторожно покосившись на тень Самары, мелькавшую за ситцевой занавеской, сказал:

— В общем, живете вы не хуже, чем в городе. Давно здесь не бывал. Раньше, когда еще был жив Насибулла-агай, и ночевать приходилось в этом доме другой раз. Пусть земля ему будет пухом...

Насибулла работал лесным объездчиком. В колхозе земли много, по реке Агидели тянулись обширные леса. Если заглянуть на карту, то можно увидеть, что их колхоз по занимаемой площади был почти равен какому-нибудь небольшому району. Развернуться хозяйству было где.

Летом в самую лесную глушь, на джяйляу, что лежала километрах в тридцати на отшибе, гоняли скот. И в этом был смысл, потому что травы сколько хочешь, природа здесь в силе.

Вместе со скотом приезжали сюда пастухи и доярки. Некоторые семьями жили на джяйляу до самой поздней осени. Молока сколько хочешь, деньги платили большие, кино, газеты, журналы доставляли регулярно.

На каждом пастбище была срублена добротная баня из сосновых бревен, хоть каждый день мойся. Правда, женщины иногда наведывались в деревню, конечно, не пешком, а на машинах, что возили молоко. У женщин всегда найдутся дела дома, то им надо чаю купить, то сахару, то табаку мужикам.

Ребятишкам тут раздолье, все лето на воздухе бегают, но их любимое место около косяков коней или где делают кумыс.

А те кто постарше, кто по лесным дебрям отваживался в далекий путь, ходили к объездчику Насибулла-агаю. Когда тот начинал рассказывать сказки, ребята рты раскрывали. После сказок возьмется за курай и начнет наигрывать. Тоже интересно.

Старик провел в лесу около двадцати лет. Здесь и старуху свою похоронил. Правда, в деревне у него был хороший добротный дом, но сколько ни старались сын и сноха вернуть его туда, старик продолжал жить по-своему. Однажды он так рыкнул на сына, который приехал к нему на лошади, чтобы увезти в деревню, что тот уж больше и не заикался об этом деле. Никуда, мол, не поеду, у меня тут старуха похоронена.

И правда, после старухиной смерти он еще шесть лет жил в своей избушке, немало досаждая всем тем, кто норовил тайком разжиться колхозным лесом. Он не глядел ни на имя, ни на звание, никому не давал спуска. Ему ничего не стоило за день проехать верхом семьдесят километров. Ну а если уж кто попадал ему на глаза с незаконным делом и продолжал рыпаться, он не стеснялся всадить заряд соли в мягкое место любителю дармовщинки.

Старик был крутого нрава, твердой руки. И поэтому за те двадцать лет, в течение которых он сторожил лес, тот так разросся, так похорошел, что цены ему не стало.

Теперь все по-другому, рубили направо и налево. Гафур часто огорчался, вспоминая старика Насибуллу: «Не думают о будущем, о тех, кто будет жить после нас».

Ему было непонятно, почему они с осени перебрались сюда. Впрочем, знать-то он знал, а какой толк от этого знания?

Якобы сосновые леса, которыми владел колхоз, передают в распоряжение леспромхоза, а взамен дают болотистые земли, которые надо осушать и где лес уже вырублен.

Как только до людей в деревне дошло такое известие, Хазигали повел пропаганду:

— Ведь из рук уплывают леса, которые мы столько лет бережно выращивали да хранили. Надо и для себя какую-то пользу извлечь, раз придется отдавать леспромхозу.

Некоторые возражали ему:

— Но ведь, Хазигали, лесхоз тоже наш, государственный. Для общей же пользы стараются, чтобы народ жил богато.

Но где уж там! И сам председатель оказался на стороне бригадира. Вопрос был вынесен на заседание правления. Но мнения там разделились. Гафур выступал в самом начале, говорил горячо, с душой:

— Лес не только украшение земли, но и богатство народа. Зарубежные государства покупают его у нас на чистое золото, товарищи! Давайте сохраним сосновый бор, вырубать его — преступление. Не забудем о трудах Насибуллы-бабая. Ведь он был умный старик, знал, что делал. И умер, охраняя лес. А мы за топор...

Но Хазигали тут же вскочил и попросил слова. Нахмутив и без того хмурые брови, он стал говорить:

— Гафур, браток, мыслит неправильно. Ошибаются и те, кто его поддерживает. Мы должны прежде всего исходить из наших, колхозных интересов. Должны учитывать, что колхоз часто страдает от нехватки стройматериалов. Я-то, как бригадир, знаю. Собираешься отремонтировать двери на ферме или лари в амбаре, что надо? Доски. Начали вон строить овчарню.

А почему бы нам не убить двух зайцев сразу? Мы не будем рубить весь бор, там его сто пятьдесят гектаров одной сосны. Возьмем одну лишь четверть. Ипользуем момент, пока лес еще в наших руках. Это разумно. Сами видите, колхоз не вылезает из долгов. Не сделаем, как я говорю, свой же собственный лес придется покупать за деньги.

Тут кто-то выкрикнул с места:

— А не привлекут нас за это к ответу, товарищ Хазигали?

Председатель, видимо огорченный этим вопросом, сказал:

— Пока земля наша. Обмена еще не было. На все наша воля, что бы мы ни сделали.

Начались бурные прения, слышались голоса:

— Это же народное богатство, джигиты.

— Весь доход пойдет в карман лесхоза.

— Папаша «за так» давно подох...

— Правильная мысль.

Шум разрастался.

— Товарищи, мы же совершим преступление перед молодым поколением, — доказывали сторонники Гафура. — Уж если и брать лес, то надо брать выборочно. А то ведь соснам по пятьдесят лет.

Но сторонники Хазигали еще больше разошлись, надо использовать лес, пока он еще в руках колхоза. На Гафура и его друзей махнули рукой. Проголосовали, и дело решилось. Победила жадность.

Таким образом, началась рубка в одном из уголков джяйляу — у Молочайного родника. С осени около двадцати колхозников обосновались в доме фермы. Среди них был и тракторист Гафур, ибо лес вывозили на тракторах. Руководил всеми Хазигали.

Молочайник было редкое урочище, стоило копнуть лопатой, как начинал бить родник. Лучшего места для пастьбы скота не сыскать. Поэтому покойный Насибулла-бабай и берег урочище как зеницу ока, прежде всего имея в виду его сочные травы. А Хазигали первым делом направили лесорубов именно сюда. Секрет этого был известен Гафуру.

Сейчас, когда в их маленький домик пожаловал бригадир по прозвищу Скороход, он все вспомнил. Тот посидел немного и, скривив губы, повторил:

— Живете не хуже, чем в городе. Тут, оказывается, осталось и имущество старика.

Он кивнул на телефонный аппарат, который стоял на полке. Это не понравилось Гафуру.

— Что, больше не о чем говорить? — резко сказал он. В это время Самара за занавеской как раз причесывалась, и сквозь тонкий ситец просвечивала вся ее фигура. Хазигали тоже увидел Самару и ухмыльнулся. На какое-то мгновение глаза его вспыхнули.

— Плохо встречаешь гостя, — сказал он. — Может, ты обиделся, что я вспомнил о телефоне Насибуллы?

Гафур промолчал. Он вообразил себе Насибуллу-бабая с длинной, седой бородой, со спокойным умным взглядом и вечной тюбетейкой на голове. «Ты что это позволил рубить этот лес?» — как бы укоризненно вопрошал старик.

Гафур хорошо знал бабая еще с мальчишеских лет. Он часто прибегал к старику с джяйляу. Тот водил по лесу, рассказывал о разных полезных травах, насекомых, животных, будто сам был повелителем всего живого в лесу. У него Гафур научился любить природу. Да и они ли один?

Хазигали, впрочем, тоже все крутился около старика и даже нравился тому. Но когда вырос и стал муж-

чиной, превратился в Скорохода, получив меткое, прилипчивое прозвище опять же из-за Насибуллы-бабая. Все люди за глаза стали называть его Скороходом, а мальчишки-несмышлениши, те прямо обращались: «Эй, дядя Скороход, дай лошадь». Хазигали от злости другой раз так и позеленет и начнет проклинать в душе: «Черт бы побрал этого старика Насибуллу».

У каждого прозвища своя история. Хазигали, с молодых лет привыкший к легким заработкам, долгие годы жил на стороне, в городе. Развелся со своей женой, женился второй раз на русской и привез ее на постоянное жительство в деревню к матери. Видно, надоело бегать.

Подражая некоторым горожанам, отпустил себе бороду, усы и стал разговаривать только по-русски. Односельчане старались не обращать на эти причуды никакого внимания, учитывая, что жена у него русская. «Видно, крепко любит свою жену», — решили они.

Однажды Хазигали, он тогда еще не был Скороходом, поехал в лес и тайком, без разрешения, повалил десятка два сосен. А Насибулла-бабай тут как тут, застал на месте преступления. Он еще не знал, что в деревню вернулся Хазигали. А в этом бородатом и усатом где же признаешь своего односельчанина.

— Бросай топор! — приказал Насибулла. Хазигали махнул в чащу, старик соскочил с коня и за ним. Но силы уже не то что у молодого, стал отставать. Раздосадовался дед да и бабахнул из ружья, которое было заряжено солью. Догонять не стал взывшего порубщика, просто пошел на другой день пораньше в медпункт и стал дожидаться. Мягкое место у Хазигали в это время жестоко страдало от соли, и он направился к фельдшеру за помощью. Вот тут-то его и сцапал Насибулла-бабай, потребовал отдать топор и назвать фамилию.

— Я человек посторонний, я... Скороходов, — ляпнул с перепугу Хазигали, назвав фамилию своей жены.

— Хоть ты и Скороход, да не ушел от меня, — торжествующе сказал старик. В медпункте они были не одни. Так и прилипло прозвище — Хазигали Скороход. Некоторые для смеха даже величают Харитоном Ивановичем. После порубки Хазигали пришлось отсидеть

шесть месяцев. И вполне понятно, что он возненавидел Насибуллу-бабая, но больше всего за кличку Скороход.

Потом, когда выбился в бригады, прирожденный «организатор» пытался и старику дать прозвище «телефон Насибулла». Однако ничего из этого не вышло.

Вот и сейчас, кивая на телефон в углу, он вкладывал в этот жест оскорбительный смысл. А старик, когда на джяйляу стали проводить телефон, настоял, чтобы линия проходила мимо его избушки, мол, объездчик леса человек государственный и ему без телефона никак нельзя.

Гафур оделся, умылся, вытер стол и расставил чайные приборы. К этому времени Самара причесалась и одетая вышла из-за занавески, поздоровалась с бригадиром и, не дожидаясь ответа, прошла в закуток, который служил им кухней. Там занялась обычными делами. Ее поведение понравилось Гафуру.

— Давеча я тебя не слишком напугал, невестушка?— спросил Хазигали.

Он хотел закурить, да передумал.

— Нормальный человек не заглядывает в окна,— холодно ответила Самара и поставила на стол еду. Сама, чтобы убедиться, какое впечатление произвели на него ее слова, посмотрела на бригадира. Но тот смотрел на нее в упор, и она невольно покраснела.

— Идем пить чай,— пригласил Гафур бригадира. Тот как будто только и ждал этого приглашения, проворно скинул шубу и сел за стол.

— Эх, пить чай, так уж пить с вареньем, правда, невестушка?

Но за жену ответил Гафур:

— Можно и с вареньем.

Все-таки он не любил Скорохода, хоть и приходилось по обычаю выказывать гостеприимство.

Некоторые колхозники жили тут с женами. Как мужику быть без женского ухода да ласки? Вот и Гафур тоже привез свою жену. Кроме того, поженились они недавно и сильно скучали вдали друг от друга. Да и что делать Самаре одной в деревне? Она работала в колхозном детском саду, но на зиму его закрыли на ремонт. Другой подходящей работы для Самары в колхозе не было, надо ждать, пока закончится ремонт. В деревне она почти никого не знала, потому что при-

ехала из другой, из соседней. Лучшего выхода, чем перебраться в лес к мужу, для нее не было.

Сначала они жили вместе со всеми, отгородив себе угол занавеской. Затем, послушавшись совета друзей, взяли да и переехали в пустовавший дом Насибуллы-бабая, который был километрах в двух от джяйляу. Избушка показалась молодым настоящим раем. Правда, сначала Самара побаивалась могил Насибуллы-бабая и его старушки, которые были неподалеку. Но затем, слушая рассказы мужа о стариках, которых он вспоминал с большой любовью, она постепенно успокоилась, перестала бояться.

На работу Гафур ходил теперь прямо отсюда, возвращался иногда на тракторе.

Их навещали друзья: Галиулла, сын Насибуллы, и его жена Зулейха, которые и сами могли бы жить в доме отца. Оба работали на валке леса, но дом все же предложили Гафуру:

— Переезжайте да живите, мы-то уж десять лет вместе, надоели друг другу, а вы молодые...

Добрые люди Галиулла с женой. Когда случается прийти сюда, чтобы почтить память родителей, наговориться не могут. Иногда и ночевать остаются, в общем, люди свои...

«Зачем все-таки пожаловал этот Хазигали?» — подумал Гафур, потягивая чай с блюдечка. Глядя на бригадира, на его отвислый подбородок, покрытый каплями пота, он приходил в ярость.

Как-то в пьяном виде тот проговорился: «Не торопись, браток Гафур, увидишь... Жизнь, это такая штука. Старик Насибулла пытался упрятать меня в тюрьму. Но я вернулся, никуда не исчез. А вот их могилы могут исчезнуть с лица земли».

— Хороший чай, невестушка, — похвалил Хазигали, с шумом прихлебывая чай с блюдечка.

«Чего он приплелся в такую рань? — настороженно подумал Гафур. — Не станет он таскаться попусту».

— Ну так что же, Хазигали? — спросил он. Тот, поймав холодный взгляд Гафура, стал говорить о работе, почему-то стараясь не смотреть на Самару:

— А вот какое дело привело меня так рано, браток Гафур. Всю древесину надо вывезти до весны на берег Белой. Если лесхоз возьмется за дело, можем не успеть.

Колхоз получил новый трактор, и председатель обещал его нам. На одном твоём тракторе много не вывезешь. Оставь пока эту свою таратайку и съезди пригони новый.

Гафур внимательно его выслушал, подумал и потом сказал:

— Ведь есть же среди лесорубов и другие трактористы. Для меня и старый мой хорош. Тянет великолепно.

— Да это так,— на минуту задумался Хазигали, потом поднял голову. — Но, во-первых, трактор все-таки новый. Во-вторых, класс у тебя выше, закончил не курсы, а училище. Значит, ты специалист на уровне механика, а это немаловажно.

Гафуру пришлось согласиться. Он очень беспокоился о Самаре, которая оставалась дома совсем одна.

— Ладно уж, если станет страшно, уйду ночевать к Зулейхе,— успокоила она мужа.— Ты только постарайся поскорее вернуться...

И вот сейчас он возвращался, ухлопав на дорогу вместо одних трое суток. В дороге застиг сильный буран. Немалое расстояние он прошел, распахивая радиатором сугробы. Сам выбился из сил, время от времени разбрасывая лопатой снег, который нагруживало перед трактором. В конце концов пришлось остановить трактор, на нем не добраться до дому даже сегодня. Решил идти напрямик пешком по летней тропке, добраться до людей, отдохнуть, выпить горячего чаю, а потом с кем-нибудь вернуться к трактору.

Огни, мерцавшие смутно на джяйляу, медленно приближались. Не так уж много осталось идти. Еще рывок, и он дома, в тепле. И все же надо было отдохнуть. Гафур сел на снег и прислушался. Лес тревожно шумел. Иногда в этом шуме чудился ему какой-то стон, плач ребенка, женские стенания. Гафур испуганно вздрагивал и мотал головой, да нет, все это ветер.

Интересно было, что делает в это время, в эту минуту Самара? Сидит, ждет его, напуганная бураном, ждет не дождется. Впрочем, Зулейха с мужем не могли оставить ее одну. Наверное, привезли ее сюда, на джяйляу. Значит, сейчас они встретятся. Так оно, наверно, и будет.

Представив себе встречу с Самарой, он улыбнулся. На душе стало веселее. Он отдохнул и двинулся дальше. Как незаметно идет время, когда о чем-то думаешь. Он удивился своему открытию и пошел быстрее, не обращая внимания на саднящие икры. Раздумья Гафура оборвал лай собаки. Он узнал Акбая, ласково окликнул его и, когда собака подбежала, стал гладить по голове, по спине. Акбай, благодарный за ласку, все норовил лизнуть его в лицо, прыгал на грудь.

— Узнал меня, Акбай, ты что, уже успел соскучиться?— сказал он, трепля собаку за уши.— А тут такой буран— и глаз не продерешь. Соскучился, говоришь? И Самара моя соскучилась, не ты один. Ждет меня не дождется. Да ты ведь ее тоже хорошо знаешь. Это она угощала тебя самыми вкусными кусками. Ее здесь нет? Что ж ты молчишь? А-а, заскулил, потому что услышал знакомое имя. Значит, она тут. Вот видишь, задержался. В такой день хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу.— Гафур полез в карман, но Акбай напрасно облизнулся и посмотрел на него преданными глазами. В кармане ничего не оказалось. Тогда Гафур вспомнил, что и сам не ел целые сутки.— Ладно, не унывай, старина, что-нибудь прихвачу из дома. А теперь иди в свою конуру, а то занесет.

Гафур как следует отряхнул от снега одежду и шагнул на крыльцо.

Все помещение пропахло табачным дымом. Около десятка мужиков резались в карты на широких нарах, которые тянулись вдоль стены, другие просто предавались раздумьям. Во внутренней комнате тоже были люди. В этом доме жили одни холостяки. Хазигали должен был быть здесь. Гафуру первым делом надо повидаться с ним.

Мужики при свете десятилинейной лампы остервенело дулись в карты, дымили дешевыми сигаретами и не сразу узнали вошедшего. Потом один из них взгляделся в него, прикрыв от света глаза, и воскликнул:

— Так ведь это же Гафур!

Все разом бросили карты и вскочили с нар.

— Жив, браток!

— А мы тут все беспокоились за тебя. Ведь такой буран. Грешным делом, думали, не замерз ли ты со своим трактором. Искать выходили.

Гафура затормошили, помогли раздеться. Кто-то поставил на плиту чайник. Но тут же раздался разумный голос:

— Пока он закипит у нас... Беги-ка, браток, к соседям, к Марьям-апай, пускай даст горячего чаю! Да заодно и лапши.

Гафура заставили снять и стеганные брюки, повесили их над печкой сушить. Он стоял посреди комнаты в одних кальсонах, а на языке у него вертелся вопрос, где его жена.

— Ребята, моя жена здесь?

Некоторые захихикали, вопрос вызвал немало шуток:

— Не успел брюки снять, про жену вспомнил!

— А что ж, Гафур молодой, ему положено,— сказал пожилой колхозник Нигматьян. Гафур улыбнулся Нигматьяну, который ему всегда нравился своей деловитостью, какой-то основательностью. На фронте он воевал танкистом. Медалей и орденов и него полная грудь, но сам очень простой человек по своей натуре.

— А ты, плешивая голова, как сам-то вчера все порывался к Марьям-апай,— пошутил кто-то, и все рассмеялись. Между прочим, повариха Марьям была женщина строгая и никаких вольностей не допускала, будь то хоть и сам Нигматьян. Но говорят, что они когда-то в молодости любили друг друга. Судьба оказалась против того, чтобы им быть вместе, каждый обзавелся собственной семьей, и, боясь пересудов, они стали избегать встреч наедине.

Теперь же Марьям-апай старалась подкладывать Нигматьяну самые вкусные куски. Тому, кто пробовал вмешаться в это или пошутить, она резонно отвечала:

— Он пожилой человек, единственный фронтовик среди вас.

И теперь вот как раз на это и намекали, мол, Марьям-апай равнодушна к Нигматьяну.

— Ты не гляди, что Марьям вдовушка... Жажду твою найдет чем утолить.

— Скалкой!

— Ладно, братцы,— Нигматьян бросил карты на нары.— Играйте кто-нибудь за меня.

— Что ж ты расстроился, Нигматьян? Шуток не понимаешь?

И снова дружный смех, веселье. Гафур невольно

любовался жизнерадостностью товарищей, совершенно позабыв о своих невзгодах.

Между тем Нигматьян начал разбирать свою постель и вдруг вытащил из-под подушки бутылку водки. Все ахнули, а некоторые с откровенной завистью:

— Глядите-ка на него! Ну и старый черт, что делает!

— Хитер, хитер.

Нигматьян торжествовал, десятки глаз повернулись в его сторону и уставились на бутылку.

— Ах, вода зем-зем, живая вода!—прищелкнул языком тракторист с колодой карт в руке. Он собирался сдавать.—Давай-ка, дядя, мы с тобой быстренько подружимся.

— Нет уж,—возразил Нигматьян.—Ты играл против меня.

— Чистая слеза, божья роса!—сказал один из парней, который уже успел притащить стакан.

— Не торопись, это не для тебя,—сказал Нигматьян, налил в стакан и протянул его Гафуру, который все еще никак не мог согреться.—Пей, сынок, им бы ни за что не показал.

— Агай, я же... не стоит.

— Пей, пей, а то весь мокрый. Чтобы не заболеть.

Остальные поддержали Нигматьяна:

— Слушайся старших, парень. Дело тебе говорят.

— Да ведь я же не пью,—пытался возражать Гафур, но его заставили. Потом усадили на нары и закутали в одеяло. Гафур почувствовал, как ослабел за эти три дня. По телу разливалось приятное тепло, голова немного кружилась. «Ну и ну, опьянел совсем,—подумал он.—Если бы меня в таком виде увидела Самара, что бы и подумала. Зря я не зашел прямо к Галиулле, жена, наверно, у них».

Потом пили чай, и он рассказывал о своих злоключениях.

— Вот оно как,—сказал Нигматьян.—Бригадир нет, значит, за трактором надо идти самим. Дело это первостепенное.

— А где же бригадир?—спросил Гафур и внимательно посмотрел на односельчан.

— Да ведь он же еще вчера ходил встречать тебя. Вернулся поздно. Говорит, заблудился. А сегодня опять ушел. Видно, вы разминувшись.

— Как бы не заоченел где-нибудь в такой буран. Нельзя одному ходить в такую погоду.

— Пешком ушел?— спросил Гафур.

— Нет, верхом.

— Не беспокойтесь за него,— усмехнулся Нигматьян.— Хазигали не из тех, кто может заблудиться. Вы его еще плохо знаете.

Он многозначительно взглянул на Гафура и погладил свою плешь.

Гафур сидел в раздумье. У него даже появилось какое-то доброе чувство к Хазигали. Может, он ошибается, думая о нем плохо? Но здравый рассудок тут же возразил: «Ты его не знаешь еще. Это ж кукушка. Только и делает, что разводится с женами. Лиза бросила его. А ведь она женщина неглупая и хорошая. Значит, он плохой».

От этих мыслей он мигом протрезвел, поблагодарил товарищей за заботу и стал одеваться. Ему дали сухие брюки. Надо было идти выручать трактор. Если он заглохнет, то вода в радиаторе замерзнет, и тогда дело плохо. Надо торопиться. С ним стали собираться Нигматьян и еще несколько человек. Один из трактористов пощупал свитер Гафура.

— Хорошая вещь. Он-то тебя и спас, браток. Иначе бы тебе пришлось худо. Жена вязала?

— Жена.

— Такую жену иметь, и ничего не надо. Сразу видно, что городская. Наши всю жизнь среди навоза да детей.

Гафуру приятно было слушать хорошие слова о своей жене.

— Не совсем уж она городская. Из районного центра.

— Гм, районный центр тоже город, браток.

— Какой там город.

Нигматьян уже давно одет. Но ребята собираются медленно, не очень-то приятно выходить из теплого помещения в буран. Нигматьян, чтобы избавить Гафура от соленых шуток товарищей, взял инициативу в свои руки.

— Город есть город, ребята,— сказал он.— Женщины там без дорогих духов да помады не могут обойтись. В своей молодости, бывало, братишка Гафур, и мне

приходилось влюбляться в городских девчат. Возили мы на рынок со стариком отцом мясо. Такая картиночка встанет перед тобой, боже мой! Да и говорит, едва касаясь ручкой с покрашенными ногтями к мясу: «Отрежьте, пожалуйста, вот отсюда». Да и посмотрит тебе в глаза, что аж мороз по коже. И не хочешь, да отрежешь самого лучшего мяса без костей.

Мужики расхохотались.

— Ты что же, Нигматьян-агай, не женился на одной из них? Как вон наш Гафур. Самара и глазом моргнуть не успела, как он ее увез из города. Такая краля да за тракториста замуж. Где тут справедливость?

— Любовь это, ребята.

Но Гафуру было не до шуток. Он знал, что мужики могут точить ляды до полуночи. А надо было торопиться. Да и Нигматьян уже надел шубу, подпоясался широким ремнем и пошел к двери. Один из остряков прихватил его за полу.

— Подожди-ка, Нигматьян-агай, — хитро улыбнулся он. — Потерпи немного.

— А что такое?

— Признайся наконец, а то мы не уснем всю ночь. Говорят, и у тебя была одна с крашеными губами? Чего ж ты на ней не женился? А?

Гафур догадался, что речь опять о Марьям-апай. Когда-то в свои девичьи годы она сделала губную помаду из бузины, нарасилась сама да и всем подружкам раздала.

Нигматьян сделал вид, что не слышит. Лицо у него было озабоченное.

— Гафур, я приготовлю лыжи, — он открыл дверь, но тут же захлопнул и обернулся к шутнику. — Придется тебе все рассказать, а то действительно не уснешь. Война началась очень некстати, вот и не женился.

Когда за ним закрылась дверь, в комнате вдруг стало тихо. Все вспомнили, что из армии он вернулся только через восемь лет.

— Зря мы старика-то обидели, — сказал кто-то.

— Восемь лет — срок немалый. Ведь даже похоронная пришла. Что ж тут удивительного, что не стала ждать. И сейчас они по-настоящему любят друг друга, отношения у них чистые... Тахир и Зухра.

Гафур вообразил себе Самару и улыбнулся. Он по-

думал, что сначала надо было забежать к Галиулле повидаться с женой. Но, с другой стороны, дело прежде всего, необходимо выручить трактор. Все-таки он понимал, что пытается оправдаться перед собой. Самара беспокоится. И он решил зайти сейчас к ней перед тем, как идти за трактором.

Притихшие односельчане наблюдали за ним.

— Если Хазигали придет, скажите, что я на минутку заглянул к соседям.

И он выбежал на улицу.

Галиулла и Зулейха встретили его с удивлением. Самары у них не оказалось. Зулейха всплеснула руками:

— Господи, неужели она сидит одна? Ну и ну!

Гафур чуть не задохнулся, сердце тревожно забилось, взгляд поник.

— Печь-то хоть есть чем истопить?— спросил Галиулла.

— Этого добра сколько хочешь. Дров я заготовил месяца на три,— сказал Гафур.— Только вот спичек маловато оставалось. Забыл купить. Может, потому что сам некурящий. Но перед отъездом я сказал Хазигали, чтобы он вам напомнил о спичках.

Гафур невольно пощупал в кармане несколько коробков спичек, которые берег всю дорогу.

— Господи, вот беда-то,— заволновалась Зулейха.— Ведь позавчера седлал тут коня. Едва меня увидел, ускакал галопом. Наверно, забыл, непутевый. Да ведь только скажи, енга, мол, еду в лесхоз, по пути в магазин заеду, так не надо ли чего купить. Ну и непутевый.

— Жди от Скорохода добра,— обеспокоенно сказал Галиулла.— Думает только о себе. Заставь-ка его выйти в буран, не помани его лакомым куском. Лес ведь отпускает на сторону, нанял трактористов из лесхоза. Надо быть начеку. Каждая сосна теперь стоит пятьдесят рублей.

Гафур вроде бы слушал Галиуллу, но мало что доходило до него. Он представил себе Самару, замерзающую в избушке лесника. Дрожит от холода, зуб на зуб не попадает. Печка давно остыла, под ней лед, на окнах тоже лед с палец толщиной. А буран вот-вот сорвет ветхую крышу. Самара плачет и плачет, ждет его.

Гафур вскочил вдруг с места. Зулейха, поняв его намерение, тихонько ахнула. Но духу ей не хватило ска-

зять, чтобы тот не ходил в буран да в ночи. Кинулась на кухню и вынесла оттуда большой сверток пасты из калины.

— Выпейте чаю с калиной. Может, она, бедняжка, простудилась. Да и ты сам. Как только рассветает, обязательно приходите к нам. Спички-то есть?

— Есть.

Гафур сунул сверток в карман. На тракторе у него тоже кое-что осталось в подарок для Самары.

— Как в такой буран-то пойдешь?— жалостливо сказала Зулейха.— Заметет ведь.

— Не заметет.

Гафур почти бегом бросился к двери. На улице холодный ветер обжег его лицо. За ним выскочил Галиул-ла, застегивая на ходу пуговицы шубы.

— Пойдем вместе!— прокричал он сквозь рев бури. Гафур покачал головой.

— Не надо. Тут ведь недалеко.

— Что ты говоришь?!

— Сам дойду!

— Да ведь скоро полночь.

Галиул-ла не отставал. Пригнувшись, они добежали до соседнего дома, где прятались Нигматьян и остальные.

— Задержался ты, браток,— озабоченно сказал Нигматьян Гафуру.— Буран все усиливается.

— Да, видно, прохудился мешок с ветром. Даже тут, за ветром, и то не дает дышать. Ладно еще, если наш Скорострел живой.

Увидев с Гафуром не Самару, а Галиул-лу, Нигматьян изумился:

— А где же твоя Самара? Да что это с тобой, Гафур? Что ты молчишь?

Гафур дрожащими пальцами завязывал шапку, потом хотел надеть лыжи, но Нигматьян его остановил.

— Если устал, не ходи, мы сами пригоним трактор.

— Её Самары здесь нет,— вместо Гафура ответил Галиул-ла.

— Как так нет?— Нигматьян посмотрел пристально на Гафура.— А ты ведь говорил, что она здесь.

Гафур опустил голову. Когда Галиул-ла обстоятельно все объяснил, Нигматьян задумался, потом тронул Гафура за плечо:

— Вот как мы сделаем,— голос его слегка дрожал. Он стал закуривать.— Ты, браток, сейчас же рвани к жене. Галиулла пускай с тобой идет. Раз уж такое дело, что она без спичек осталась, да одна, женщина. Мужчины, конечно, другое дело. На фронте, бывало, по трое суток ползали в сугробах... Но меня вот что пугает больше всего. Как бы она не надумала идти к нам. Тут недолго и заблудиться. Ну, а за трактор не беспокойся, сами доставим. Я знаю то место, о котором ты говорил. Пошли, ребята!

— Дядя Нигматьян!— сказал Гафур с признательностью к этому доброму человеку.— Пускай Галиулла идет с вами. Я и один доберусь. Да, лопата у меня там в санях, увидите. Понадобится.— И он стал торопливо надевать лыжи.

— Может быть, мне действительно с вами идти?— неуверенно сказал Галиулла.

— Смотри сам,— ответил Нигматьян.

— Ну тогда я с вами.

А Гафур уже сломя голову рванулся вперед, во мрак. Свет, падавший из окна, быстро потускнел, и он попал в ревущую тьму. Вдруг сзади окликнули, его догонял Нигматьян.

— Постой-ка, браток,— он, тяжело дыша, наклонился к Гафуру.— Может, вам лучше вдвоем идти? Все-таки ведь ночь.

— Да нет, дядя Нигматьян,— бодро отозвался Гафур.— Тут же ведь недалеко. В лесу тихо.

— Ладно, как знаешь. Только вот что...— Нигматьян закашлялся.— Ну ладно, сынок. До свиданья... Ты мне близкий человек, как и твой отец. На войну уходили вместе, только вот не суждено ему было вернуться...

2

Гафур бежал широким шагом, пригнув голову и далеко вперед выбрасывая лыжные палки. До бурана в этих местах проходила дорога, теперь ее замело начисто. По своим расчетам он сейчас должен был выйти на поляну и не ошибся... Дальше двинулся по сосняку, который, впрочем, они беспощадно вырубili еще на прошлой неделе. Хазигали, якобы по приказанию председателя, сначала заставил валить самые крупные де-

ревья и вывозить их на дорогу, которая вела в сторону лесхоза. Гафур сам вывозил на тракторе.

Ну, а если подтвердится, что сказал Галиулла? Может, Скороход действительно собирается продать лес на сторону, а денежки в карман? Погода сейчас для этого дела подходящая, увезет лес на лесхозных тракторах, а буран заметет все следы. И все шито-крыто. Если это не так, то где бродит Хазигали вот уже третьи сутки?

Нет, этого допустить нельзя. На следующем же заседании правления Гафур поднимет вопрос о его бригадирстве. Погубил лес, такие сосны, с любовью выращенные Насибуллой-бабаем.

Кстати, Гафур писал об этом в районную газету, но ничего не вышло. Председатель, которого попросили объяснить причину вырубki сосняка, сослался на расширение посевов, да и вообще, мол, колхоз волен делать на своей земле что хочет, лишь бы это было на пользу хозяйству.

Хазигали, видимо, собирался из всего этого извлечь для себя пользу. Такой случай когда еще представится. А тут есть чем поживиться. Но Гафур хорошо запомнил, сколько бревен выволок на дорогу, каждое на учете. Пусть только Хазигали попробует, шила в мешке не утаишь.

Гафур замедлил шаги. Он вдруг вспомнил, как странно вел себя Нигматьян. Почему он заговорил о его отце? «Ты мне близкий человек, как и твой отец», — все время стояли у него в голове слова Нигматьяна. Но, с другой стороны, ничего удивительного в этом нет, просто он любит его. Да и сам Гафур видел в Нигматьяне близкого человека. Ну и как не тянуться к искренней, честной и доброй душе? Может, и Нигматьян почувствовал, что Скороход замыслил недоброе дело, вот и беспокоится.

Гафур вдруг налетел на что-то твердое, из глаз брызнули искры. Да и не мудрено тут на что-нибудь налететь, такая темень, хоть глаз выколи. Даже снег на дороге едва-едва угадывался. Гафур потрогал саднящий лоб, там уже успела вскочить шишка. «Ладно хоть глаз не выколол», — подумал Гафур и пошел осторожнее, щупая лыжной палкой дорогу впереди.

На минуту буран как будто затих, но яростный вихрь вдруг снова хлестнул его по лицу. Гафур остановился

и прикрыл глаза рукой. «Вот уж Самара пройдет на-счет моей ссадины,—подумал он и улыбнулся.— Но сначала поцелует, конечно».

И Гафур предался сладким своим мечтам. Как он сейчас осторожно приблизится к дому. Только светится ли там окошко? А если спичек нет, а печка погасла? А вдруг она и правда вышла из дома и пошла к Зулейхе, да заблудилась?

Нет, это невозможно, даже и думать об этом не надо. Наверняка Самара ждет его. Может, немного обиделась, мол, где ты пропадал трое суток? Как тут не обидеться, вся испереживалась, бедняжка.

Гафур улыбнулся. Конечно, его шаги она услышит сразу, у нее острый слух. А вдруг она испугается? Чьи шаги в такую ночь? Как она испугалась Хазигали, который заглядывал в окно. Все-таки этот Хазигали темная личность. Только бы дождаться Гафуру следующего заседания правления, тогда уж берегись, бригадир...

Гафур двинулся дальше. Ветер то придавливал его к земле, то пытался оторвать от нее и унести, как щепку. Но он упорно продвигался вперед, сильно пригнувшись к земле. Даже если буран усилится и он не сможет шагу сделать на лыжах, бросит их и будет добираться ползком. Самара ждет, как она там, Самара?

Вон говорит Нигматьян, на фронте и не такое бывало. А тут не стреляют. Пойдет от дерева к дереву, перебежками, цепляясь за стволы и ветки сосен, выращенных Насибуллой-бабаем.

Гафур представил себя на миг вцепившимся в сосновую ветку, ветер треплет его тело, как тряпку, мотает туда-сюда. Но Гафуровы руки уже приросли к дереву, и сам он стал частью сосны. Попробуй вырви сосну, повали ее. Не так-то это просто.

Детские фантазии, но даже почему-то от них Гафуру стало спокойнее на душе, и он повеселел.

Нет, он не будет пугать Самару. Осторожно постучит в окно. Самара спит чутко.

— Кто там?—спросит она настороженно. А сама сидит, закутавшись в одеяло, как будто малый ребенок.

— Это я, Дед Мороз,—крикнет Гафур.— Подарки тебе принес.

— Это ты, Гафур?!

И она побежит встречать его. На что-то наткнется

впотьмах, что-то загремит. И вот дверь распахнется... Самара!

Гафур вдруг расстроился. Ведь все подарки остались в тракторе, в кабине. Как бы они не затерялись. Впрочем, Нигматьян в этом отношении всегда внимателен. Присмотрит. Но остальные, конечно, могут развернуть сверток, а вдруг там водка. Они ведь хоть и знают, что Гафур равнодушен к зеленому змию, но так уж человек устроен. А ведь в свертке... И Гафур четко вообразил всю эту сцену, как они разворачивают сверток.

— Смотри-ка, старина, смотри. Ну Тахир и Зухра, вот уж правда.

— Это что? Это штанишки для ребенка, который не родился.

— Да ведь родится. Шапочка, одеяльце...

— Пеленки, соска...

— Бутылочка для молока... А это для жены.

— Для Самары.

— Бесстыдники, вам бы только глотки рвать,— урезонивает их Галиулла.

Но его останавливают:

— Галиулла, дорогой, живут уже больше года, а ребенка нет. Как это понять? До сих пор не завели ребенка.

— Заведут еще.

Такие сплетни действительно ходили, но Гафур не обращал на них внимания. Хотя их слова не могли на него не подействовать. Односельчанам же, хлебом их не корми, только дай пошутить. Гафур, впрочем, знал, что все они добрые люди и шутка у них в крови. Поэтому совершенно не обижался.

Больше всего ему сейчас хотелось увидеть Самару. Деревенские женщины не понимают, они просто не могли первое время иметь ребенка, а те не понимают этого.

Гафуру попалась опять поляна, и снова его подхватил буран. На открытом пространстве ветер свирепствовал. Гафур знал, что через триста метров снова начнет сосновый бор. Только бы не потерять дорогу. Собьется с нее — дело плохо. Забредет куда-нибудь в чащу, не дай бог, не выберешься.

В этот момент какой-то странный звук оборвал мысли Гафура. Он замедлил шаги, прислушиваясь, но ничего не слышал, кроме свиста ветра. «Показалось», — по-

думал он, но не успел пройти и несколько шагов, как протяжный звук повторился.

— У-у-у! У-у-у!— теперь отчетливо услышал он сквозь рев бурана. Тоскливый вой заставил сжаться его сердце. «Волки,— подумал он, вспомнив, что волков недавно видели рабочие лесхоза.— Надо было прихватить двустволку».

Преодолев минутную слабость, он решил идти дальше, не обращая внимания ни на волчий вой, ни на рев бурана, который угнетал не меньше. Впрочем, неплохо бы вооружиться какой-нибудь дубиной, но он тут же оставил эту мысль. Мешали лыжные палки, да и где в такой темноте найдешь дубину?

Ощупал свои карманы и радостно сказал вслух:

— Ага, спички есть! Значит, не сдадимся.

Потом его окоченевшие пальцы наткнулись на что-то твердое, и он догадался, что это паста из калины. Гостинец для его Самары. Сегодня он отдаст ей эту пасту, а завтра сходит за остальными подарками, которые привез на тракторе. Калина, калина, вобравшая в себя аромат и живительные соки родной земли, нежное тепло солнечных лучей. У него в кармане — завернуты в бумагу сгусток солнца, кусочек лета. «Даже когда воображаешь солнце,— подумал он,— невольно делается теплее. Значит, надо вспоминать только радостные события, самые дорогие для тебя случаи. В трудные минуты эти воспоминания помогают. Конечно, помогают, как вот и ему сейчас».

Довольный своим открытием Гафур легко бежал вперед. Теперь он мысленно разговаривал со своей женой. И это тоже помогало ему.

— Ты чем-то расстроена, Самара? Почему ты держишься за поясницу.

— Потому что ноет.

Гафур обнимает ее, крепко прижимает к своей груди. А она так и льнет к нему.

— Что же все-таки с тобой?

— Глупый,— шепчет она, глядя на него широко раскрытыми глазами.— Ты так ничего и не понял?

Щеки ее вспыхивают.

— А что я должен понять?

— У нас... будет ребенок.

Гафур подхватывает ее, целует и кружит по комнате.

— Самара...

И он высказал ей все самые ласковые слова, какие мог придумать, какие знал.

Все это действительно было месяц назад, и уже целый месяц он живет как блаженный. И сейчас, вспомнив все, он не мог не улыбнуться.

Забыл и про буран, и про волчий вой, и про свою усталость. Одна Самара у него в сердце.

Наконец он добрался до соснового бора, но прямой дороги, которую ожидал, не было. Со всех сторон его окружал лес. Гафур немного передохнул и прошелся в разных направлениях, в надежде набрести на дорогу. Вернулся обратно и тут почувствовал, как он устал, да еще вдруг разболелась натертая нога.

Ему показалось, что он находится в пути уже целую вечность. Сколько же сейчас времени? Часы Гафур забыл дома. Может быть, уже скоро рассвет? И когда же кончится эта бесконечная ночь? Он надеялся, что когда рассветет, то сумеет сориентироваться, несмотря на буран.

Поплутав порядочно времени на поляне, Гафур вдруг наткнулся на телефонный столб. Когда-то эта линия была протянута на джяйляу, но теперь заброшена, провода кое-где пооборвались. Все же Гафур с радостью обнял столб, словно встретил близкого человека. Прильнув к нему, он немного отдохнул. Провода, натянутые между столбами, на этом участке были целы и ровно гудели. Прислушиваясь к этому гудению над головой, Гафур двинулся вперед. Движения его обрели уверенность. Он знал, что столбы проходят мимо избушки Насибуллы. Если идти по звуку, то домой он попадет наверняка.

Настроение у Гафура улучшилось, он уже не замечал, что промок почти насквозь и совсем стер ногу. А мысль о том, что он скоро увидит Самару, придавала ему новые силы.

Лыжи тонули в снегу, руки отяжелели, палки казались пудовыми. Сначала он считал шаги, но вскоре сбился со счета. Бессмысленное занятие. Сердце его чувало, что скоро он увидит Самару. Осталось пройти совсем немного.

Ему показалось, что буран немного затих. Потом он сообразил, что эта относительная тишина — благода-

ря лесу. От бурана его защищали сосны, плотной стеной окружавшие его. «Неужели их вырубят? — с тревогой подумал он. — Хазигали во всем виноват. Злой и корыстный человек».

Он вспомнил случай, происшедший с ним, когда он еще учился в училище.

Был предновогодний вечер. Гафур с товарищами решил встретить праздник у себя в комнате. На рынке купили маленькую елочку, украсили ее, как умели. На вечер в гости пригласили девушек, у каждого была своя знакомая.

Гафур помнил все до мельчайших подробностей, как будто это произошло вчера. Самара в тот вечер была в шелковом платье с синими горошинками. Свои длинные черные волосы тогда она еще не укладывала в тугой узел, как сейчас, а заплетала в косы.

Когда она вошла, в комнате будто стало светлее. Он познакомил Самару с гостями.

— Будущая жена Гафура! — объяснил кто-то из парней.

— Почему только будущая? — зашумели девчонки. — Через полгода кончается учеба. Женитесь сегодня же.

Гафур и Самара переглянулись, и оба покраснели. Предложение было приятное, хотя и высказано в шутку.

— Придет время, — проворчал Гафур. Все зашумели:

— А зачем ждать, когда оно придет, это время?

— На самом деле! Убьем сразу двух зайцев: и свадьбу сыграем, и Новый год встретим.

— Эх, если бы у меня был такой парень, — сказала одна из девушек, взглянув на Гафура. Уловив в ее голосе легкую насмешку, Гафур помрачнел. Он знал, что, как говорят, лицом не вышел. А то что плотно сбит, а в руках силы хоть отбавляй, кому это надо? Курносое, невыразительное лицо, как он мог понравиться Самаре?

Гафур, впрочем, не знал, что у него обаятельная улыбка, добрые спокойные глаза, да и весь его несколько простодушный вид вызывал доверие. Но о себе всегда трудно судить.

В тот вечер они приготовили стол, который был не так уж и богат, но всем очень понравился. Девчонки подшучивали над Гафуром и Самарой, видя, как те смущаются.

— А что?— расхрабрился Гафур, пожимая руку Самары.— И поженились бы хоть сейчас, только вот нет родителей из деревни. Правда ведь, Самара?

Пробило десять вечера, собрались сесть за стол, приготовили радиолу, и тут кто-то постучал в дверь.

— Можно?

В дверях стоял мужчина, весь занесенный снегом. Гафур сразу его узнал:

— Хазигали? Давай, проходи! Ребята, это мой односельчанин, бригадир.

И Гафур встал с места навстречу гостю, радуясь ему.

— Вот закрутился здесь и опоздал домой,— сказал Хазигали, раздеваясь.— А тут праздник. Не хочется в одиночестве встречать Новый год. Да ведь тут учится Гафурьян, земляк, подумал я, не зайти ли к нему? Наш будущий механизатор...

— Проходите, проходите,— в один голос зашумели ребята.— И очень хорошо сделали, что надумали зайти.

— А я дядю приняла за Деда Мороза,— пошутила толстушка.— Думала, что гостинцы принес.

— Хоть и не Дед Мороз, а гостинцы есть.

Хазигали острыми глазами осмотрел всех девушек, подошел к Самаре.

— Не я ведь просила гостинцев,— возразила та, отступая.

— Не все ли равно,— сказал Хазигали, подошел к столу, поставил бутылку коньяку, выложил коробку шоколадных конфет.— Вот, больше ничего не нашел.

Щедрость гостя, видимо, понравилась девушкам, посыпались комплименты, шутки. Досталось и Гафуру:

— Вот ты, Гафур, только что сокрушался, что нет родных. Этот дядя с конфетами лучше всякого родственника. Ну что, сыграем свадьбу?

Хазигали, сразу уловивший суть дела, молча смотрел на Самару. Под его пристальным взглядом ей стало неловко, она встала и перешла на другое место. Гафур все это видел, и сердце его защемило от ревности. Хазигали, кажется, понял его состояние и, вспомнив, что он гость, да к тому же незваный, положил руку на плечо Гафура:

— Ну что, земляк, если речь об этой красавице,— он кивнул на Самару,— надо играть свадьбу. Что хоть я не родственник, зато односельчанин, давай не робей.

И снова смех да шутки по их адресу. С этого вечера Хазигали опротивел Гафуру. Тот намекнул, что Гафур—это его механизатор и после учебы вернется под его начало. Потом опьянел и стал все говорить, что со временем сделает из Гафура настоящего человека.

Гафуру удалось скрыть свои чувства, но нервы были взвинчены, и он чем-то обидел Самару. Она несколько раз танцевала с Хазигали, когда ставили любимую пластинку Гафура.

Впрочем, Новый год встретили хорошо. Хазигали вернулся в гостиницу, выразив надежду, что они еще встретятся не раз. Его тоже просили заходить к ним, как удастся.

Потом Гафур и Самара до утра гуляли по улицам, и всю ночь падал крупный лохматый снег. На улице полно народу. Была настоящая новогодняя ночь.

Гафур и Самара совсем уже забыли про мелкие обиды, которые возникли у них в тот вечер. Самара ласково прижималась к нему и шептала:

— Гафур, слышишь, Гафур, пусть новый год принесет нам самое большое счастье.

— Я люблю тебя, Самара!— отвечал тот.

— Я тоже...

— На всю жизнь.

— Я тоже...

Ночь быстро промелькнула. Им трудно было расставаться, ни одной минуты не хотелось быть вдали друг от друга.

Но на другой день Гафур был сражен. К Самаре идти еще рано, и он не знал, как убить время. Неожиданно дверь открылась, и вошел Хазигали, а вместе с ним Самара.

— Встречайте гостей,— сказал Хазигали.— Вот так, узнаешь дорогу один раз и будешь ходить, пока не прогонят. Мы не помешали?

— Да нет, ничего,— пробормотал Гафур. Ребят тоже удивило появление Хазигали, которого, честно говоря, никто не ждал. Гафур, видя их сдержанность и нахмуренные лица, подумал: «Не худо бы тебя выгнать. Нечего шататься по утрам».— Давай, земляк, хоть мы тебя и не ждали, но заходи.

— Давай, барышня, разденемся,— Хазигали потянулся к Самаре помочь снять пальто, но та отказалась

от его услуг, подошла к Гафуру и присела рядом на стул.

— А я и сама собиралась к тебе,— сказала она, посмотрев на него.

— Вот как,— пробормотал Гафур.— Может, разденешься?

Хазигали вмешался:

— А я подумал, вдруг у ребят болит голова после вчерашнего. Дай, думаю, зайду. И вот по дороге встретил барышню, она тоже шла к вам. Ну, а вместе веселее.

Бригадир решительно разделся и пошел к столу, вынимая на ходу бутылку водки.

— Вот это да,— иронически хмыкнул кто-то.— Новый год продолжается.

— Давайте, ребята, не стесняйтесь,— сказал Хазигали, широким жестом приглашая к столу. Но никто из ребят даже не пошевелился.— Вы что, не хотите пить?

— Ладно, дядя, нам учиться надо,— сказал один из друзей Гафура. Хазигали в растерянности обернулся к Гафуру и пожал плечами:

— В самом деле, земляк?

— В самом деле,— сказал Гафур и торопливо стал одеваться. Он знал, что если так сидеть, то Хазигали целый час будет донимать ребят пустыми разговорами.— Пошли, Самара, покажем земляку дорогу, а сами сходим в кино.

Хазигали, не ожидавший, что так повернется дело, обиженно замолчал и стал одеваться. По дороге он прихватил со стола свою бутылку, и они вышли на улицу. Там он снова оживился:

— Идемте, я вас приглашаю в ресторан. Пусть те парнишки учатся, раз они враги своим желудкам. Тут денег хватит.

Он самодовольно похлопал по карману. Гафур сказал Самаре, чтобы она прошла вперед, а ему надо потолковать с земляком.

— Товарищ бригадир, по какому делу вы пожаловали сюда?— решительно спросил он, чувствуя, как закипает гнев.— До сих пор не догадался спросить.

Хазигали сверкнул на него рысьими своими глазами, но, поняв, что тот не шутит, деланно рассмеялся:

— Ты не спрашивай, земляк, не скажу.

— Значит, секрет?

— Секрет.

И Хазигали снова стал уговаривать зайти в ресторан, мол, неудобно перед барышней, он уже ей обещал. Чтобы не осложнять отношения, Гафур поблагодарил его за приглашение, сославшись на дела, и быстро распрощался. Самара ждала его, прохаживаясь взад и вперед. Когда он подошел, она сказала:

— Не обижайся, Гафур, но твой земляк нехороший человек. Предлагал мне идти без тебя в ресторан. Я, конечно, не согласилась. Но разве так ведут себя друзья? И откуда он только взялся на нашу голову, этот темный человек?

Впоследствии Гафур убедился, что Самара была права. Оказывается, Хазигали перед Новым годом привез стельных колхозных коров сдавать на мясо. Он договорился с приемщиком «Заготскота», наверно, таким же мошенником, как сам, прирезал коров, а мясо втридорога сбыл на базаре. А в канун праздника свежее мясо просто расхватали. Но ведь шила в мешке не утаишь. Как-то в колхозе дознались про эту махинацию, и Хазигали и приемщику пришлось вернуть все деньги колхозу, чтобы избежать сурового наказания... Вот какой был Хазигали.

Не зря вспомнил об этом Гафур, идя по просеке, прорубленной в сосняке. И тут, видно, замышлял Хазигали что-то нехорошее, предвидел какой-то барыш. Иначе бы зачем ему так агитировать за вырубку урочища Молочайные ключи. Ему, конечно, наплевать, что место превратится в пустыню, высохнут ручьи, иссякнут ключи, уйдут дикие звери. Все это следствие его алчности, наверняка он преследовал какие-то свои планы насчет того, как бы поживиться за счет колхоза...

Гафур между тем стал уставать, руки замерзли, и он подумал, не бросить ли лыжные палки. Но где-то вдали по-прежнему тоскливо выли волки. Лыжная палка, конечно, ненадежное оружие и даже вообще никакое не оружие, но все-таки с ними он чувствовал себя увереннее.

Идти, по его расчетам, оставалось уже немного. Один рывок, и он у цели. Если бы у него были свежие силы, то этот буран для него пустяк, но он боролся с ним в течение трех суток, и, видно, силы незаметно уш-

ли: Хотя ему казалось, что их еще у него достаточно и он может продержаться довольно долго.

Гафур остановился и, затаив дыхание, прислушался. Над головой монотонно гудел одинокий провод. Снег слепил глаза, прилипал к лицу. Он вытер лицо озябшими руками и сунул их за пазуху, под свитер, чтобы хоть немного отогреть. Кончики пальцев начало покалывать, они заныли в тепле. Уж не отморозил ли их он? Нет, раз чувствует, то не отморозил.

Гафур решил немножко отдохнуть и двинуться дальше. Привалившись к телефонному столбу, он думал о Самаре. Как она возьмет его замерзшие руки в свои теплые ладони и станет отогревать их своим дыханием. А сама будет смотреть на него такими влюбленными глазами, и столько в ее взгляде радости и нежности, будто он только что объяснился ей в любви. И она ему ответила взаимностью на эту любовь. И столько тепла от ее дыхания, ее рук и взгляда веет на него, что никакой мороз ему нипочем, никакой буря не остановит, и он сам растопит снега своим горячим телом... и зацветут цветы.

Гафур стал вспоминать, где он впервые увидел Самару. Как же все это произошло? И воспоминания так ярко вспыхнули в его голове, что он перестал ощущать, как озябли у него руки и окоченели ноги.

Это был первый год его учебы в училище механизаторов широкого профиля.

Тут надо сказать, что Гафур с детства любил музыку, даже выучился играть на курае и на гармони. Но когда он посмотрел два-три спектакля приехавшего на гастроли театра, то возмечтал стать артистом. Но мечта мечтой, а жизнь диктовала свои условия. Надо было зарабатывать на хлеб, и после окончания семилетки он пошел в колхоз. Косил сено, сеял, подвозил горючее, работал помощником комбайнера. В училище он попал поздно, после армии. В районном центре он с другими ребятами стал ходить в Дом культуры и как-то услышал, что там организуется драматический кружок. Вот бы попасть в него!..

Руководитель встретил его приветливо и попросил спеть. Послушав Гафура, он сказал:

— Голос у тебя приятный. А ты никогда не играл в спектаклях?

— Два или три раза играл, у себя в деревне.

— Какие же пьесы вы ставили?

— «Сакмар», «Черноликие».

— Это хорошо,— сказал руководитель. Он вынул из стола книгу и протянул Гафуру. Это была пьеса Мирхайдара Файзи «Галиябану». — Попробуй спеть песню Исмагила.

Гафур уже несколько раз читал пьесу, видел ее на сцене в постановке городского театра. Помолчав чуть-чуть, собираясь с мыслями, он запел.

— Так, так,— испытующе посмотрев на него, сказал руководитель.— А песню Халиля смог бы исполнить?

Песня Халиля Гафуру нравилась больше, ибо в словах ее и в мелодии были чувства чистой любви. Петъ эту песню для Гафура истинное наслаждение, и он так хорошо спел, что руководитель не поверил своим ушам. Его поразил голос, приятный, звучный. А Гафур, видя по лицу руководителя, что ему нравится, как он поет, запел еще старательнее. Увлеченный пением, он не заметил, что дверь открылась и несколько человек внимательно его слушают. Едва он кончил петь, его тут же уволокли на сцену, где шла репетиция. Оказывается, давно уже искали человека на роль Халиля.

— Вот, друзья, нашли Халиля,— с этими словами руководитель подтолкнул его на середину сцены.— Давайте начинать репетицию. Спектакль должен быть готов к Октябрьским праздникам. Теперь нашего Халиля зовут... Как тебя зовут, братан?

— Гафур.

— Ну вот, теперь нашего Халиля зовут Гафуром.— Руководитель поманил к себе девушку, сидевшую в стороне:— Галиябану, иди сюда, познакомлю.

— Иду,— отозвалась «Галиябану». Как только она подошла, руководитель соединил их руки:

— Давайте привыкайте друг к другу, а то ведь вам придется и обниматься.

— Самара,— чуть слышно сказала девушка.

— Гафур,— ответил тот. Они так и стояли на сцене, не зная, что делать дальше. Потом их взгляды встретились. Черные глаза Самары показались ему загадочными и таинственными. Самара покраснела, быстро отдернула руку, перекинула свои длинные косы на грудь и стала их теребить. Затем ушла к своим подругам.

«Самара... какое красивое имя»,—думал Гафур, тайком разглядывая девушку. Та тоже, он заметил, украдкой посматривала в его сторону.

Когда началась репетиция, Гафур растерялся, Самара, видимо, тоже. Участники спектакля стали подшучивать над ними, но дело не шло.

Прошло время, Гафур и Самара постепенно привыкали друг к другу. Но в глазах обоих, в их движениях была какая-то особая нежность и деликатность, понятные только им самим. И скоро репетиции превратились для них в минуты счастья. А когда по сценарию они дошли до места, где Галиябану бросается в объятия Халиля, молодые артисты совсем оробели.

— Ну что вы так смотрите,—с досадой уговаривал их руководитель.—Неужели до сих пор не научились обниматься?

— Неудобно как-то,—прошептала Самара, опустив глаза и краснея.

— Искусство требует жертв, друзья,—нервно прошелся по сцене руководитель.—Но знайте одно: эти события в пьесе не выдуманы. Они взяты из жизни. Из той реальной жизни, в которой и мы живем. Слышите?

Самара обвела взглядом всех участников репетиции, те как будто нарочно пялились на нее во все глаза.

— Не могу.

Руководитель понял ее состояние и сказал тепло:

— Я тебя понимаю, сестричка. Но не надо их стесняться, ибо через неделю выйдешь на сцену перед всеми зрителями. Вот уж тогда...

Настроение у Самары резко переменилось, она непринужденно улыбнулась Гафуру, и они стали репетировать эту сцену.

Но когда Гафур прижал девушку к своей груди, он сам чуть не лишился языка. Одна мысль блуждала у него в голове: «Пусть все это будет не на сцене, а в действительности». А сам все сильнее и сильнее прижимал к себе дрожащую Самару...

Подошел праздник, вывесили афиши. Спектакль удался. Самодеятельные артисты играли от души, но особенно понравилась зрителям игра Гафура и Самары. После окончания спектакля их несколько раз вызывали на сцену.

Но счастливые дни скоро кончились. Руководитель

Дома культуры после праздников ушел в отпуск, и репетиций больше не было, все разбрелись кто куда. Самара работала воспитательницей в детском саду, уехала на какие-то курсы. Гафур все свободное время отдавал теперь учебе, но как будто свет померк в его глазах. Ему не хватало Самары, он очень тосковал по ней. Хоть бы раз увидеть ее глаза, полные любви и нежности, пусть хоть и на сцене. Но никаких обещаний они друг другу не давали, ни о чем не договаривались. Расстались как-то обыденно, просто.

— Ладно, Халиль, прощай, ты был хорошим партнером,— сказала Самара.— Спасибо тебе за все.

— Тебе спасибо,— ответил Гафур, не находя других слов. Так и стояли молча, как немые, хотя у обоих было что сказать, но никто из них не мог преодолеть робость.

Самара наконец протянула ему свою маленькую руку:

— Желаю тебе удачи, Гафур!

Почувствовав тепло ее ладони, он что-то невразумительно промычал, кивнул головой, и Самара ушла. Сначала она шла очень медленно, потом обернулась на секунду и ускорила шаги. Лишь ровно поскрипывал свежий снег под ее ногами. Гафур побрел домой.

Все силы с этого времени он отдавал учебе, но тоска по Самаре часто гнала его на улицу, и он шел туда, где, по его расчетам, жила девушка. Но та как будто в воду канула. Пойти к ней на работу и расспросить о ней не хватало смелости.

Прошло время, но Гафур так и не смог забыть Самару, наоборот, в его жизни она занимала все больше и больше места.

Тут из отпуска вернулся художественный руководитель, и начали готовить новый спектакль. Гафур отправился на репетицию с большой надеждой в душе, но, не увидев там Самары, сильно приуныл. Стал расспрашивать у ребят, где она могла быть, но никто толком ничего не знал. И мир потускнел для него, утратил все свои яркие краски. Ему не хотелось ни петь, ни разговаривать. И сцена теперь мало привлекала. Новый спектакль, другие люди...

Была уже середина зимы. Без особого успеха прошел спектакль. Свою роль Гафур исполнял вяло, без

подъема. Но зрителям почему-то понравилась его игра. Долго аплодировали.

Обычно он уходил домой не дождавшись конца вечера. Он знал, что если задержится, то ему придется провожать кого-нибудь. А ему надо было побыть одному, он мысленно разговаривал с Самарой, которая все сильнее и сильнее завладевала его сердцем.

Как-то раз, едва закончился спектакль, он быстро оделся и сошел в зрительный зал. Публика еще разошлась не вся, многие улыбались ему, и он улыбался в ответ.

Выйдя в фойе, вдруг увидел он такие знакомые, такие дорогие ему глаза, что чуть не остолбенел от неожиданности. Самара!

На Гафура как будто обрушилась гора, и каким-то чудом он удерживает ее на своих плечах, не падает, и не сгибаются ноги, только бешено колотится сердце. Всем своим существом он потянулся к ней:

— Самара!

В этот миг во всем свете для него существовала только она одна, он не мог оторвать от нее глаз.

— Здравствуй, Гафур!— И ему показалось, будто в ее голосе зазвенели маленькие колокольчики. Она же улыбнулась ему тепло, искренне.— Хорошо играл, как настоящий артист. Мы восхищались тобой.

Тут он заметил мальчика и девочку лет пяти-шести, которая держалась за руку Самары и с любопытством поглядывала на него, заметил широкоплечего мужчину с лохматыми бровями.

— Вот это и есть тот самый Гафур, о котором я вам много рассказывала,— сказала Самара, доверчиво взглянув на мужчину. Тот с видом знатока кивнул головой.

Сердце у Гафура упало. «Муж,— подумал он.— А я-то, дурак, ничего не знал».

Стало обидно и горько. Он круто повернулся и заторопился к выходу, повторяя про себя одно и то же: «Все кончено, все кончено!» Ему даже показалось, что луна сорвалась и покатилась с неба.

Сзади слышались шаги. Гафур, боясь, что его увидят в таком жалком состоянии, спрятался за дерево. Это была Самара. Она поспешно приближалась к нему, как будто собиралась сообщить ему важную новость.

— Гафур!

— Не подходи ко мне!

— Гафур!..

— Там тебя ждут, иди...

— Кто же меня ждет?— И вдруг она весело улыбнулась, догадавшись обо всем.— Глупый, это же мой брат. Его жена не смогла пойти на спектакль, и вот мне пришлось идти с ним. Я же у них в гостях, глупенький. Только что вчера приехала.

Гафур увидел взгляд ее, теплый и нежный, и обнял ее, ни о чем не думая. Впрочем, и Самара готова была кинуться к нему на шею.

— Люблю я тебя, Самара... Люблю! Не могу без тебя ни одной минуты!

— Я тоже... я тоже люблю тебя, мой Халиль,— прошептала она, крепко обнимая его.

После этой встречи они уже не расставались. Кажется, разлучи их, и они заболеют. И вот уже третьи сутки он не видит Самары и ничего не знает о ней, как там она, что?

Гафуру почудился какой-то дикий крик, он вынул руки из-за пазухи и приложил к ушам, чтобы лучше слышать. Но крик не повторился, и он подумал, что ему померещилось от усталости. Буран по-прежнему заывал, провод над головой тонко гудел.

В лесистых горных районах обычно внизу метет поземка, вверху же буран пригибает к земле деревья. Надо было торопиться. Гафур кое-как натянул покореженные морозом варежки и двинулся дальше.

Неясная внутренняя тревога в душе заставила его ускорить шаг. Гафур подумал, что теперь уж он не остановится, будет идти, пока не упадет. Широко размахивая палками и прокладывая в глубоком снегу две борозды, он спешил домой.

Он вспомнил Нигматьяна и своих товарищей, ушедших искать его трактор, перед его мысленным взором вереницей прошли занесенные снегом домики на джяйляу, люди, живущие там: Зулейха и Марьям-апай, и еще кто-то, даже Акбай, виляющий приветливо хвостом, Скороход, обделявающий свои темные делишки в лесхозе. Все эти образы возникли на одну секунду и тут же растаяли. Он попытался снова вызвать их, но ничего не получилось.

Зато опять перед ним появилась Самара, сидящая в холодном нетопленном доме одна, без спичек.

От резкого студеного ветра на глазах выступали слезы, к ним прилипали снежинки и тут же замерзали. Гафур прикрывал веки, оттаивал их и снова напряженно всматривался в темноту. И сквозь слезы он видел свою Самару, которая с упреком глядела на него. Она вообразилась ему в одном легком платье. Он бежит к ней, а она растет, вот уже ростом с дерево, глаза большущие, а в них упрек, и любовь, и мольба...

Лес уже поредел, он вышел на открытое место. Здесь буран гулял на свободе, гулял дико и злобно. Он остервенело набросился на него: хлестал по щекам, пытаясь подмять под себя, но Гафур не свернул со своей дороги, он стоял на лыжах твердо, как дуб.

Тревога на душе росла, неясное чувство томило сердце. Теперь он уже не шел шагом, а бежал изо всех сил. Смахнет иней с ресниц и бежит дальше.

Снова раздался чей-то дикий голос сквозь рев бурана. Чей-то стон почудился ему. Что это? По телу Гафура пробежала дрожь, и он закричал:

— Самара-а!.. Самара-а!

Но никто ему не отвечал. Зато теперь он услышал, что это не стон, а скрипит от натуги дерево, которое вот-вот рухнет. Треск усилился, и совсем рядом повалилось дерево, вздымая фонтаны снега. Гафур знал, что здесь торфяные места, корни уходят неглубоко, а промерзший торф сделался хрупким. Вот поэтому ветер и валит сосны. «Слава богу, что меня не накрыло верхушкой,— запоздало обрадовался Гафур.— Еще бы несколько шагов...»

Гафур обошел сосну, и тревога снова завладела им. Он побежал вперед. И вдруг различил знакомую гору, у подножья которой стоял их маленький домик. Там Самара! Совсем рядом.

Но с каждой минутой, по мере того как он приближался к дому, беспокойство все росло. Неужели произошла беда?

Наконец он остановился у знакомого дуба, прижался к нему, чтобы успокоить дыхание, нежно погладил кору дерева. Вдруг правая нога скользнула в сторону, и валенок сорвался с крепления, которое, видно, лопнуло. Гафур тут же освободился от другой лыжи и побежал

к дому, надсадно дыша. Легкие покалывало от морозного воздуха. И опять ему померещилась фигура жены, но неотчетливо, какой-то бесплотной тенью. И он провалился в сугроб. В ноздри ему ударил горьковатый запах дыма. Значит, огонь в доме не погас, Самара не дала ему угаснуть. А он несет ей спички, вот они, в кармане.

Лежа в снегу, Гафур потянулся к карману брюк и нащупал спички. После этого он вдруг успокоился, улыбнулся, тревога исчезла.

Теперь он дома, не страшны ни расстояние, ни тьма. Оставалось только спуститься к подножью горки, а там весь снег выдувается ветром.

Гафур вообразил, как тихонько подойдет к дому. Осторожно, чтобы снег не скрипел под ногами, приблизится к окошку и прислушается, чем там занимается Самара. Наверно, топит железную печку, кипит чайник, варится картошка. А может, Самара тихонько напевает? Она всегда напевает, когда ей грустно. Пусть поет. Он дослушает ее песню, потом тихонько постучит в окно.

«Открой, это я,— скажет он.— Твоя песня помогла найти мне дорогу».

В доме вдруг станет тихо, потом что-то загремит на полу, скорее всего, ведро с углем. Оно все время падает под ноги. А без угля никак нельзя. Если его добавить к дровам, горит целый день...

Гафур поднялся на ноги и встал. Почти по пояс проваливаясь в снег, перевалил через горку. Затем побежал бегом по твердой дороге и стал спускаться по склону. Дом совсем рядом, внизу, можно даже прыгнуть на крышу.

В это время раздался сухой скрип дерева. Гафур поднял голову, звук повторился. «А что, если сейчас повалится большая сосна?»—мелькнуло в голове. По телу поползли мурашки. В отчаянии он кинулся в сосняк, который скупился немного выше избушки. Но прямо подняться не смог, было слишком круто. А скрип доносился как раз со стороны крутого склона. И тут он вспомнил старую в два обхвата сосну, которая стояла на маленькой площадке. В эту сосну ударила молния в год смерти Насибуллы-бабая. В отличие от других деревьев, Гафур называл ее «большой сосной».

Осенью он даже принес и поставил под ней стул и

стол и в свободные минуты любил отдыхать там. Отсюда было все видно, что делается у них в доме, как ходит по комнате Самара.

И сейчас он подумал, не скрипит ли это «большая сосна». За день до их переезда сюда Хазигали собирался спихнуть сосну с обрыва трактором, но Гафур воспротивился.

А люди даже говорили, что сосна замороженная, потому что молния ударила в нее именно после смерти старика Насибуллы. Но Хазигали не интересовали эти суеверия, ему надо было уничтожить память о Насибулле. Старик уже давно помер, а Хазигали все никак не мог простить его.

Гафур не ошибся. Сосна действительно раскололась в том месте, куда ее ужалила молния. Половина ствола с мощными сучьями нависла над домом. Гафур в ужасе глядел на нее. Что же делать? Если она рухнет на дом, то от избышки ничего не останется. А ведь в доме Самара.

В это время сосна, издав ужасающий треск, угрожающе наклонилась, с ветвей посыпался снег. Со всей реальностью перед ним возникла картина близкой катастрофы, и он прыгнул вниз, в снежную круговерть, с криком:

— Самара-а!

Но ветер унес его хриплый голос. Сверху снова посыпался снег, и теперь он срывался целыми глыбами.

«Скорее, надо вывести из дому Самару», — стучало его сердце. Ничего не различая перед собой, он рвался к дому. Вдруг ударился обо что-то головой и остановился, оглушенный: «Сосна. Их тут много, надо быть осторожнее».

Буран как будто поутих, но теперь от этого было мало пользы. Катастрофа неумолимо приближалась, до нее оставались считанные секунды. Сосна все потрескивала, с ее ветвей продолжал сыпаться снег.

Гафур опять провалился в сугроб и подумал: «Так не успеть, надо что-то придумать». В отчаянии он рванулся направо, предполагая, что снега там меньше. Дорога длиннее, но надежнее. Лишь бы добраться до сарая, где хранились дрова, а там уж рукой подать.

Глухое рычание зверя остановило Гафура, и две тени метнулись мимо него. «Волки», — подумал он. Бли-

зость опасности придала ему новые силы, он перемахнул через сугроб и скатился к сараю.

Чья-то лошадь испуганно отпрянула в сторону и жалобно заржала. Она была привязана, переступала нервно ногами, всхрапывала и прыдала ушами. «Так вот за какой добычей пришли волки,— понял он.— Но чья же это лошадь?»

На ее спине лежал толстый слой снега, местами он свалился, и лошадь стала похожа на зебру. «Но чья же это лошадь?»— мучительно соображал он, отвязывая окоченевшими руками повод. Он глянул на нее спереди и увидел, что на лбу ее белела звездочка. Лошадь Скорохода!

На этом рысак ездил сам бригадир Хазигали. Но зачем он здесь?! Ведь он, говорили, уехал навстречу ему? А он здесь. Он вспомнил чьи-то слова: «Он и позавчера не ночевал дома, из лесхоза вернулся пьяный. Значит...»

Гафура будто оглушили дубиной, в глазах потемнело.

— Нет, не бывать этому!— прохрипел он.

А в глазах все кружились черно-белые шары, среди них проглядывала оседланная лошадь. Беззаботный хозяин оставил лошадь. Гафур потрянул головой, пытаясь прогнать туман, заставший ему глаза. Ему показалось, что вокруг лошади мечутся волки, а самый матерый, припав на брюхо, вот-вот прыгнет на круп бедного животного. Но где же хозяин? Почему он не спасает лошадь от беды?

Хазигали наплевать на лошадь. Ему тепло и дела нет до бурана, сидит да попивает чаек в его доме. Но ведь там Самара!

Прыгающие шары перед его глазами стали рассеиваться, потом совсем пропали, лошадь испуганно ржала, хотя и не было никаких волков. Она просто чуяла беду. Животные всегда предчувствуют. Гафур из последних сил отогнал лошадь от сарая. Сам присел на корточки и стал смотреть кверху. Взгляд его, как магнитом, притягивала сосна, едва различимая на белесом некрасивом небе. Будто топор палача, она медленно начинала падать. Бог знает какие силы еще удерживали ее.

А Гафуру словно подрезали сухожилия, он не мог сдвинуться с места и как зачарованный смотрел на

сосну. Мозг медленно обволакивало холодом. Вспомнил опять Нигматьяна и Галиулла.

«Сынок... ты мне близкий, как и твой отец... На войну пошли вместе, только он не вернулся»,— будто бы говорил Нигматьян. Галиулла тоже печален: «Ты от Скорохода, сынок, ничего хорошего не жди». Зулейха и Марьям-апай тихо плачут, склонив головы.

Потом появляется сам Хазигали и говорит, ощупывая жадным взглядом Самару: «Живете не хуже, чем в городе».

Все это сильно расстроило Гафура.

— Нет, нет, не верю я,— прошептал он в отчаянии. Но рассудок твердил ему о другом: «Скороход подумал, что ты из-за бурана сегодня не вернешься. Вот и решил навестить Самару. Яснее ясного».

Тут он услышал и ее голос: «За меня не беспокойся, Гафур. Если станет боязно, пойду ночевать к Зулейхе».

«До чего же ты наивен, Гафур. Не видишь разве, сколько дней твоя Самара грелась у чужого огня. А ты ей еще спички привез»,— издевался над ним рассудок. От всех этих мыслей, путавшихся у него в голове, Гафур был потрясен.

Вдруг на него обрушился целый сугроб снега. Воздух сотрясло, будто от взрыва, и до его слуха донеслось тяжелое падение вековой сосны. Какая-то сила придавила его к земле...

3

Гафур не мог бы сказать, сколько он пролежал на снегу в беспмятстве. Вдруг он стал различать чьи-то голоса. Но о ком шел разговор, никак не мог сообразить.

— Руки сильно замерзли?— спрашивал чей-то знакомый голос.

— Отморозил, наверно, да не так уж сильно. Его свалила ветка большой сосны,— отвечал кто-то басом.

— Видимо, хотел спасти. Бежал вон оттуда, следы остались.

— Кого спасти-то? Скорохода? Да... нет уж больше Хазигали, пускай земля ему будет пухом.

— Жалеешь?

— Все-таки человек же. Зверя и то другой раз жалко.

— Да, человек... Только, браток Галиуллу, люди-то разные бывают. Не надо было ему так делать. Не хорошо.

— Судьба, Нигматьян-агай. Почем зря хотел уничтожить сосновый бор. Да ведь все равно не допустили бы. Райком партии услышал нас.

— Тоже, говорят, дело Гафура. Он заезжал.

По голосам Гафур теперь четко определил Нигматьяна и Галиуллу.

Но глаз открыть не мог, дышал с трудом. Заботливые руки подложили ему под голову что-то мягкое, чем-то накрыли.

— Скоро придет доктор?— спросил Нигматьян.

— Да вот, кажется, кто-то едет. Звук мотора, слышишь?— сказал Галиуллу.

— Да, действительно. А когда Самара прибежала к вам?

— Около трех ночи. Как раз перед нашим приездом. Они с Гафуром где-то разминулись. Зулейха говорит, что у нее зуб на зуб не попадал, волосы смерзлись, чуть жива, дрожит. Хазигали приходил к ней и прошлой ночью, да отпугнула ружьем. А вчера не успела, пришел пьяный и накинулся на нее. Едва убежала.

— Да-а. Пусть будут счастливы. Они ведь очень любят друг друга. За такую любовь, браток, и умереть не страшно.

Услышав имя Самары, Гафур хотел приподняться, но не смог.

— Лежи, Гафур, лежи, вон уже трактор идет,— Нигматьян-агай погладил его по волосам. От его руки пахло сосновой смолой.

Скоро шум трактора раздался совсем рядом. Гафур снова попытался приподняться, но не хватило сил.

— А вон и сама бежит,— сказал кто-то. Все притихли. Скоро к лицу Гафура прикоснулись мягкие, знакомые до слез ладони. И он вдруг ощутил, как закололо в каком-то уголке его утомленного сердца. И вот оно ожило, забилося во всю мощь.

Гафур с усилием открыл глаза. Было светло. По синему небу плыли рваные облака. Он чуть повернул голову и увидел Самару, ее глаза, полные любви и страдания...

КОЛОКОЛЬЧИКИ

1

Жарко... Воздух до того накален в это июньское утро, что и дышать трудно. На бледно-синей чаше неба нет даже подобия облака. Повисшее над Уфой солнце, словно раскаленная докрасна сковорода, пышет на землю жаром. Оттого кажется, что природа и все окрест спит мучительным сном. Выстроившиеся вдоль тротуара тополя замерли без движения, их широкие листья бессильно обвисли.

Впрочем, жаром пышет не только небо, но и земля. Горячий, как печной кирпич, кое-где потрескавшийся бетон обжигает ноги. А нагретая и немного размякшая дорога, отражая солнечные лучи, шелестит под колесами машин...

Хабир Назиргулов, высунув голову в окно троллейбуса, слушает вздохи асфальта. На душе стало спокойно. Прохладный встречный ветер сушит капельки пота на лбу. Хорошо ему так ехать, только вот рубашка прилипла к потной спине. «Эх, окунуться бы сейчас в Белую!» — мечтает парень. В такие минуты густые черные брови Хабира круто выгибаются, а в прижмуренных немного озорных глазах начинают играть искорки. Но когда он улыбается, вспомнив Залифу, разглаживаются морщинки на крутом лбу, на щеках появляются ямки. Именно над таким Хабиром и смеется Залифа. Дескать, совсем не похож на парней, словно девушка. Что делать, таким уж родился...

Зато Залифа — прямая противоположность Хабира. Не склонна улыбаться по любому поводу, любит все делать, заранее обдумав и взвесив. Бывает, встретив де-

вушку на улице, Хабир предлагает: «Пойдем, Залифа, в кино». — «А у тебя все дела сделаны? Ты говоришь это обдумав?» — вот ее первый ответ. Когда он кивнет утвердительно, только тогда возьмет Хабира под руку. Но не ждите, что она повернет к кинотеатру.

«Дай мне собраться с мыслями», — скажет она и начнет исподтишка изучать внешность парня: все ли на нем в порядке? Если не найдет к чему придраться, согласится. Такая уж девушка Залифа. Не легкомысленна, как Хабир. Даже когда день ясный и на душе радостно, она умеет радоваться как-то по-своему, солидно, основательно...

На вид Залифа не такая уж красавица. Широкое лицо, крепко сжатые губы, на подбородке родимое пятно с зернышко проса. Нос и лоб обыкновенные, как и у всех обычных девчонок. Одевается просто, скромно. Но зато когда глянет пристально на тебя черными, словно ягоды черемухи, глазами, хоть ложись и помирай. Хабир так и вспыхивает в такие минуты. И сердце его начинает часто-часто биться. Ее легкий и чарующий взгляд тянет парня к себе, словно магнит.

...Вот и сейчас он старается представить ее себе. И в день своего рождения она не станет задаваться. Спокойно примет цветы, принесенные Хабиром, но, оставшись вдвоем, обнимет за шею и опьянит его горячим дыханием. «Хабир, я люблю тебя... — тихо прошепчет она, и ее длинные ресницы так и будут трепетать. Разве останется спокойным сердце парня в такие минуты? Хабир весь вспыхнет и, решившись, обнимет, и, подняв ее, начнет кружить по комнате. «Хабир, глупенький, отпусти, увидят», — станет Залифа отбиваться, а сама осторожно прижмется головой к его груди.

Хабир, расчувствовавшись, выглянул в окно троллейбуса. «Скорее, скорее купить цветы, взять такси и — к ней!» Сегодня воскресенье, и многие пассажиры едут на пляж. У каждого в руке сумка с продуктами, лимонадом или пивом. Есть и такие, которые спешат в свои пригородные сады. Все стремятся на лоно природы. И Хабир с Залифой быстренько соберутся и тоже поедут на берег ближней речушки Демы. Может, и на берег Белой решатся?.. Что скажет Залифа?

С такими планами Хабир вышел из троллейбуса. «В такой жаркий день небось и цветочницы отдыхают до-

ма», — вдруг подумал Хабир и невольно ускорил шаги. Да, не зря он беспокоился. Торгуют лишь три-четыре цветочницы.

Хабир не стал выбирать, встал в первую же очередь и открыл книгу, которую решил подарить Залифе. Кто-то, а Залифа знает толк в хороших книгах. То ли с детства живет у девушки любовь к книгам, или же она пристрастилась читать в библиотечном техникуме... Во всяком случае Хабир знает, что она верна своей профессии. И на работе у нее книги, и в общежитии. Хабир не перестает удивляться, когда приходит в ее комнату. Над кроватью в несколько рядов тянутся полки, на которые Залифа смотрит с нескрываемой гордостью. Впрочем, девушка заразила книголюбием и Хабира. Еще года два назад он и знать не хотел эти самые книги. Работает на заводе, живет в общежитии. Ребята приходят с работы усталые и тут же бегут в столовую, а потом уж надо приодеться и идти куда-нибудь в поисках развлечения. Человек обычно привыкает к такому порядку. Когда же в холостяцкой жизни наступают грустные дни, организовывается и веселое застолье... А день проходит за днем, год за годом. Когда наступает пора женитьбы и переезда в отдельную квартиру, трудно расстаться со старыми привычками. Правда, в общежитии есть и ребята, которые ведут совершенно иной образ жизни. Они ходят в вечернюю школу или же заочно учатся в техникумах и вузах. Хабир на них смотрел с превосходством. Дескать, молодость дается только один раз...

Как-то раз один из его товарищей Зуфар (они работают в одном цеху) попросил сходить Хабира в библиотеку. У Зуфара приближались экзамены в вечернем техникуме. И пошел Хабир за учебниками в городскую библиотеку. И встретил Залифу! Сначала разговаривали просто так. Но миловидное лицо девушки стало преследовать парня. Пришел Хабир и на следующий день, и на третий... Каких только книг не прочитал... Стали с Залифой ходить в кино. Девушка любила слушать о заводской жизни, о рабочей молодежи. Хабир рассказывал все, что знал и видел. Потом понял, что и о себе наговорил предостаточно... Осенью он подал заявление в вечернюю школу. Немало просидели они с Залифой, решая ту или иную задачу по математике.

...Увидев, что подходит его очередь за цветами, Хабир закрыл книгу. Улыбнулся, поняв, что не прочитал ни одной страницы. Виновата опять-таки Залифа, никак не выходит из головы.

Хабир видит большую корзину, полную цветов. Пожилая женщина расхваливает свой товар. Хабир взглянул на соседнюю продавщицу. Там очередь еще больше. Но какие цветы — не нагладишься. Они бы очень понравились Залифе.

Не успел он подумать об этом, как заметил, что и хозяйка с улыбкой поглядывает на него. Их взгляды встретились. Хабиру показалось, что молодая цветочница даже подмигнула.

— Мои цветы нравятся больше? — смеется она, показывая белые зубы.

Хабир машинально кивнул. Льняные волосы девушки заколыхались над маленькими сережками, сверкавшими на солнце, тонкие брови взлетели вверх. Синие глаза вспыхнули таинственным светом.

— Красивые? — не давая Хабиру прийти в себя, девушка протянула букет алых цветов.

Все вдруг уставились на Хабира. Он же, смущенный и растерянный, желая быстрее спастись из неловкого положения, торопливо протянул деньги. Схватив пылающие, нежно пахнущие цветы, кинулся к выходу.

— Молодой человек, постой-ка!

Обернулся — молодая цветочница. Гибкая и красивая, излучая из глаз синий свет, стояла она перед Хабиром.

— Книгу забыл!..

— Спасибо. Спа-си-бо!.. — ответил Хабир, глядя на нее во все глаза.

— Память плохая! — рассмеялась девушка. — Смотри, не потеряй голову...

— Не потеряется. Ну а если и потеряется, то верю, что ее найдет такая же красавица, как вы, — расхрабрился Хабир, поняв искренность и дружелюбие девушки.

— Как знать... Как знать... Теперь девушки злые. Но все же желаю, чтобы цветы в целости и сохранности дошли по назначению.

«До Залифы, значит», — подумал Хабир, а сам сказал:

— Маме сегодня — шестьдесят...

Девушка отступила на шаг и сказала с легкой усмешкой:

— Парни, встретив девушек, сразу вспоминают матерей. Или сестер...

— Не верите?

— Сам решай, верю или... До свидания, нужны будут цветы, приходите еще,— и девушка, круто повернувшись, побежала назад, к своим цветам.

2

Выйдя из автобуса, Хабир глазами поискал окно комнаты, где живет Залифа. В общежитии нет балконов, одни окна. И все на один лад. Но парень быстро узнал заветное окно. Залифа любит выращивать цветы. Вон на подоконнике на третьем этаже алеют цветы. Его мать выращивала такие же цветы в узких ящиках. Как только они доходили до цветенья, мать прокалывала стебельки иглой. Якобы они так растут пышнее, не вытягиваясь в рост. Некоторые их зовут «цветами с поясом». В местах прокалывания на стебельках появляются утолщения. Залифа тоже делает их с «поясами». Но эти цветы не любит Мафруза, девушка с веснушками, которая живет вместе с Залифой. «Разве это цветы? Так себе — деревенщина»,— не забывает она уколоть при удобном случае.

— Мафруза влюбилась в тебя,— сказала однажды Хабиру полушуткой Залифа.

— Кроме тебя мне никого не надо,— только и ответил Хабир.

Вот и сейчас в общежитии, поднимаясь по лестнице, Хабир встретил Мафрузу.

— Привет, Хабирчик,— она вприпрыжку прошла мимо него и остановилась.— На день рождения идешь?

— Иду, хоть и не пригласили. А ты куда?

— В магазин. Иду, Хабирчик, что мне остается делать,— девушка весело засмеялась. Глянула на него широко раскрытыми глазами. Увидев, что Хабир вновь начал подниматься, сказала:

— Не ходи туда!..

— А?!— остановился Хабир, не поняв.

— Идем в магазин, поможешь нести покупки.

Хабир посмотрел на цветы.

— Не беспокойся, потом вместе поздравим,— настаивала Мафруза.— Слишком много покупок надо купить. У меня у одной сил не хватит.

— Эге, если у такой красавицы сил не хватит!— парень хотел отшутиться. А сам тянулся вверх. Мафруза сошла еще на несколько ступенек. Остановилась. Лицо изменилось, голос прозвучал жалобно.

— Хабир, не ходи... Ты лишний в той комнате.

Парень насторожился. Сверху посмотрел на девушку. У нее дрожали губы. И, прикрыв глаза ладонью, Мафруза побежала вниз.

Решив не обращать внимания на слова Мафрузы, Хабир постучался в дверь комнаты девушек. Из глубины донеслось: «Войдите!» А ведь раньше Хабиру стоило постучать трижды, как Залифа тут же открывала:

— Долго будешь жить. Только что о тебе думала.

Брала за руку парня, топтавшегося у порога, и увлекала за собой...

Голос, раздавшийся сейчас из комнаты, показался Хабиру беззаботным. Он сразу почувствовал, как холод сковывает душу. Постоял в нерешительности и, переборов сомнения, потянул на себя тяжелую дверь.

— Можно войти?

Некоторое время ответа не было. Потом показалась Залифа с бигудями в волосах, спрятанными под косынку. Лицо покраснело, ходит быстро-быстро, словно невестка в доме свекрови, надела фартук, короткое платье с открытым воротом. Глаза светятся. Все эти изменения сразу подметил Хабир. И особенно удивило то, что она накрутила волосы на бигуди. Ему же всегда нравились ее черные волосы, гладко зачесанные назад.

— Проходи, Хабир, что остановился у порога?— сказала Залифа более веселым, чем обычно, голосом.— Проходи, садись!..

Хабир увидел солдатскую фуражку на вешалке, по спине пробежали мурашки. Протянул книгу и цветы.

— Залифа, я... Я не надолго, по пути на работу,— сам того не замечая, соврал он.— Поздравить зашел с днем рождения.

Залифа взяла цветы. Она заметила, что с Хабиром творится что-то неладное.

— У тебя же сегодня выходной,— сказала она, по-серьезнев.— Сам сказал прошлый раз.

— За одного приятеля... В деревню уехал...

— Как жаль. И день жаркий. Сходили бы вместе на пляж...

Открылась входная дверь, и зашла Мафруза. Сумку протянула Залифе, а сама подала руку Хабиру, как будто они еще не виделись.

— Здравствуйте!— и многозначительно посмотрела на солдатскую фуражку.

— Вот и Мафруза вернулась,— Залифа быстро взяла себя в руки.— Оставайся, Хабир, хоть немного посиди...

Во второй половине комнаты, разделенной занавеской, у стола сидел солдат. Китель и галстук лежали на кровати.

— Я — Ягафар,— представился солдат, встав.

— Хабир...

Ягафар слегка кивнул головой и быстро взглянул на Залифу, как бы спрашивая: значит, это и есть тот самый Хабир?

Девушки стали накрывать стол. Между парнями никак не завязывался разговор.

— Где служили?— спросил наконец Хабир.

— В ракетных войсках,— ответил Ягафар несколько высокомерно.— Раньше не отпустили.

Если на то пошло, то и Хабир мог бы похвастать. Он служил во флоте, и ему дважды давали отпуск, уйму грамот привез. Он взглянул на погоны Ягафара и поморщился: «Ефрейтор... Я, по крайней мере, вернулся старшиной второй статьи».

По манере разговаривать и держаться Ягафар смахивал на бывалых парней. Как только сели за стол, завладел бутылкой с водкой. Наполнил рюмки.

— Ну, друзья,— сказал он, посмотрел на Мафрузу и Хабира,— выпьем за здоровье Залифы. Пусть живет вечно!..

Ягафар не стал ожидать, когда скажут другие, то ли от радости возвращения домой, то ли привычка такая, сразу же опрокинул рюмку в рот и вонзил вилку в соленый огурец.

Залифа густо покраснела и опустила голову. Хочет вилкой выловить из тарелки помидор, но не может... Ресницы опущены вниз. Хабир ждет, когда эти ресни-

цы вновь взлетят вверх. Подняла бы она глаза и посмотрела как прежде ясным взором на него. Посмотрела бы и сказала понятными лишь ему жестами, что она любит его, она — его... Этого хотелось Хабиру. Он ждал этого, держа в руке полную рюмку. А Мафруза в эти минуты пыталась взглянуть ему в глаза. Лишь Ягафар, кажется, не понимал переживания трех человек в комнате.

— Хабир, дружок, ты что не пьешь?— сказал он с обидой.— Здесь сразу два праздника. Мое возвращение и день рождения Залифы... Она — хорошая девушка, сдержала слово и два года ждала меня. Я поэтому от радости прямо сюда и заехал...

— Да, она твои письма читала вслух,— голос Мафрузы прозвучал холодно.

«Вот как!» — пронеслось в голове у Хабира.

— Дружок, ты что стесняешься?— Ягафар вновь обратился к нему.— Не гляди на меня. Репетицию этого праздника мы еще вчера провели.

«Парень не промах,— подумал Хабир с бешенством.— Смотри-ка, приехал еще вчера и с тех пор гостит. Значит... Значит...»

Он встал на ноги. Дрожащими руками поднял рюмку.

— С днем рождения, Залифа!— сказал и неожиданно весело добавил:— За общие праздники, Ягафар, дружище!— Расстегнул воротник. И понял, что день стал еще жарче. Если выпить водку, можно опьянеть.

Хабир поставил рюмку на стол и вышел из-за стола.

— Мне на работу... Мне нельзя!..

— Почему так торопишься, дружище?— Ягафар деланно засуетился.

На пути Хабира встала Залифа. Она побледнела. В ее черных глазах Хабир увидел пугающую пустоту.

— Ты... Ты не уйдешь, Хабир!— девушка задышала часто-часто.

Он даже и представить себе не мог раньше, как она может измениться, сделаться такой резкой и смелой. Ему нравилась прежняя Залифа — спокойная, со стыдливым взглядом... Хоть и понял Хабир, что девушка хотела ему сказать, он мягко оттолкнул ее руку.

— Прости меня,— и крупными шагами направился к выходу.

После дня рождения Залифы Хабир две недели не показывался на улице. Возвращаясь с работы, читал книги или просто валялся на неразобранной кровати.

— Плюнь!— говорили товарищи по комнате.— Нашел из-за чего изводиться. Да посмотри, сколько девушек вокруг! Одна красивее другой!

Но Хабир тяжело переживал измену Залифы. Лежал он, думая о своей несчастной любви и тогда, когда кто-то осторожно постучал в дверь. Предчувствие заставило его вскочить и привести в порядок кровать. «Может, Залифа?»

За дверью стояла... Мафруза. Улыбается, сияет, словно полная луна. Глаза прикрашены, губы полуоткрыты, сверкают зубы, щеки полыхают жаром. Веснушек явно поубавилось под слоем пудры и крема. Гибкий стан обхвачен белым поясом.

— Заходи, что стала,— лицо Хабира расползлось в широкой улыбке.— Садись. Я... я сейчас чай поставлю...

Но Мафруза отказалась от чая. Она с интересом рассматривала комнату, где жили парни.

— Чисто живете, аккуратно. Зашла проведать тебя. Адрес видела у Залифы.

— Как я живу...— Хабир приуныл, услышав это имя.— Живу так себе.

— И не видно тебя...

— Времени не хватает...

— Да, видно, так,— Мафруза понимающе усмехнулась.— Как сегодня парит...

— Больше тридцати...

И оба замолкли. Затем Мафруза встала.

— Сиди еще, сиди,— Хабир не понял, почему она вдруг заторопилась.

— Нет, надо идти,— Мафруза показала свой сверток.— Иду на Белую купаться. В автобусе невозможно дышать, поэтому пошла пешком. Смотрю — твое общество...

— Оказывается, на свете есть и люди, которые интересуются мной...

Тут Мафруза стала серьезной.

— Проводи меня до пляжа.

Хабир согласился.

Они пошли, придерживаясь тени ив, насаженных вдоль тротуара. Мафруза взяла Хабира под руку.

— Некому, наверное, ревновать,— заглянула она в глаза парню.— Залифа собирается замуж...

Хабир резко остановился.

— Ну-ка повтори!

— Залифа собирается замуж за Ягафара. Ты что застыл?— она потянула Хабира вперед.— Думала, что ты понял еще тогда... Они ведь два года переписывались... До тебя еще познакомились...

Хабир не заметил, как они вышли из спасительной тени, как солнце начало припекать их всю. Пришел в себя, лишь когда под ногами зашуршала галька.

Впереди, играя на солнце мелкой рябью, виднелась Белая. И поверхность воды, и побережье пестрит полуголыми людьми. Отдыхающие играют в волейбол или загорают, много и тех, кто плещется в воде.

— Хабир, иди сюда! — крикнула Мафруза, найдя укромное место.— Тут людей поменьше.

Оба, радуясь чему-то, начали раздеваться. Парень старался не смотреть на плотное тело, на голые круглые руки девушки.

— Отвернись!— командует девушка, и он выполняет охотно эту просьбу.

— Теперь можно...

Он поворачивается— Мафруза стоит в купальнике, такая красивая, что Хабир, растерявшись, отводит глаза. Она, поняв его, все же не стремится бежать к воде, а садится на песок, изящно поджав ноги. Смотри, дескать, чем я хуже остальных.

— Немного позагорает?— она расстелила мохнатое полотенце так, чтобы головы обоих поместились на нем.— День-то, день какой!

Мафрузу радует беспрекословное подчинение Хабира. Они лежат рядом на спине, глядя в бездонную синеву неба.

— Сердца людей, которые хранят любовь, так же чисты? Правда?— Мафруза с улыбкой поворачивается к Хабиру. Парень уставился в одну точку на небе и молчит. Девушка шепчет еще горячее:— Хабир!..

Нет, парень опять не слышит. Он смотрит на бетонный мост, на котором, словно в муравейнике, суется машины и люди.

Мафруза осторожно потянулась и вложила свою руку в неподвижную ладонь Хабира. Парень, почувствовав; как грудь девушки коснулась его, присел, но не отнял свою руку от Мафрузы. Он посмотрел в широко раскрытые глаза девушки, их взгляды встретились, оба покраснели.

— Куда-то уставился и забыл, где находишься,— преодолев некоторое смущение, сказала Мафруза.— Не пора ли нам в воду?

Хабир взял в горсть песок и стал его сыпать сквозь пальцы на голую руку девушки.

— Купаться так купаться...

И оба, рассмеявшись, встали. Хабир вновь взглянул на мост. Там стояла девушка в сине-белом, как небо, платье, рядом еще кто-то. У девушки красный мяч. словно солнце вложили в руки.

— Вот смотрю на мост, на девушку с красным мячом,— сказал Хабир,— где-то я ее уже встречал...

Хабиру кажется, что и девушка смотрит в их сторону, показалось, что она даже помахала рукой. Но тут кто-то выбил из ее рук мяч, и он полетел вниз. К мосту приближался теплоход. «Если попадет под винт, прощай, красный мяч!» — подумал с сожалением Хабир. Ему почудилось, что девушка на мосту вскрикнула, даже потянулась за мячом.

Крикнув Мафрузе: «Я сейчас!» — Хабир бросился в воду. Он узнал синеглазую цветочницу... В этом месте Белая довольно широка. Течение быстрое. Но Хабир вырос на берегу реки, затем на флоте служил, плавал и в океане. Он плывет уверенно, быстро отдаляясь от берега. Впереди, с левого борта приближающегося теплохода, качается красный мяч. Хабир поднял голову. Он уже доплыл до середины реки. Над пловцом суется чайки. И пароход подходит к мосту — туда, где среди свайных опор оставлен широкий проход. Резкий гудок разрезал воздух. Течение увлекало Хабира туда, где винт теплохода вспенивал воду. На какой-то миг на теплоходе растерялись, но им невозможно было отклониться ни налево, ни направо. А расстояние между пловцом и теплоходом все сокращалось. С палубы кинули спасательный круг, но Хабир уже доплыл до мяча, подхватил его и сильным взмахом откинул далеко в сторону. Потом сам, бешено работая руками, начал

отдаляться от пугающе кипящей из-под винта полосы.

Течение далеко унесло Хабира. Пошатываясь, он выбрался на берег, руки и ноги гудели от усталости. На ладони — красный резиновый мяч. На берегу его ждали два незнакомых парня, широко расставив ноги. Один из них, с рыжей бородой, шагнул к Хабиру.

— Ты кто?

Хабир растерялся.

— Как кто? Человек...

— Видим, что человек, а не свинья... Зачем достал мяч?

Поняв, что парни не шутят, Хабир решил не отступать. Он же хорошо знал приемы самбо. Научили во флоте.

— Что молчишь? Или воды наглотался?

— По душе пришлась хозяйка мяча, — спокойно ответил Хабир. Рыжая борода, видимо, не ждал такого ответа. Растерянно молчал, а второй сплюнул сквозь зубы.

— Ну хватит, старик, пощекочи его за пояс...

Рыжая борода тут же ударом ноги отправил мяч в воду и размахнулся, чтобы ударить Хабира. Но ошибся и в одно мгновение ока полетел с берега в воду. Поднявшись на берег, мокрый и жалкий, не осмелился больше подойти к Хабиру.

— Шеф, а он брыкается, — и посмотрел на второго.

— Ладно, пошли, это наш человек.

Они ушли. Хабир достал мяч и отправился на мост, но девушка в небесном платье исчезла. В растерянности потоптавшись на мосту, побрел на пляж. Его вещи сиротливо лежали на песке в одиночестве. «И Мафруза ушла. Обиделась...»

4

После случая на пляже прошло два долгих дня, а Хабир еще не вернул хозяйке красный мяч. Был занят на работе. Но сегодня, вернувшись с ночной смены и немного отдохнув, поспешил на базар с единственной лишь целью: встретить цветочницу.

Но в павильоне среди продавщиц цветов девушки с синими глазами не было. Хабир медленно прошелся между рядов самых разнообразных цветов, но...

Возле пожилой женщины, у которой прошлый раз так и не купил букет, остановился в растерянности.

— Она только что ушла, браток,— сказала она торопливо.

Хабир сделал вид, что не понял пожилую цветочницу.

— Вы меня с кем-то путаете...

— Да у тебя на лбу написано, что ищешь Раису. Не ты первый, не ты последний, кто увивается вокруг нее. Но ты запомнился мне с прошлого раза. Ведь торговля — это конкуренция...

В разговор вступилась соседка:

— Они нарочно так делают, Гайния. Сегодня тот, с бородой, что тут вытворял! Видит, что цветов на базаре много, и что выдумал, негодник. Отталкивает людей, ругается, сам хвалит цветы Раисы и покупает, и покупает. Ну и потянулись многие к ее цветам.

— И не говори, Фариза. И часу не прошло, как перевела Раиса цветы в деньги. А бородач незаметно вернул ей цветы, что якобы купил, и те разошлись. Торговля.... Конкуренция...

— А ты, парень, тоже небось из шайки бородатого,— вновь обратилась Гайния к Хабиру.— Прошлый раз слишком уж подозрительно поступил.

Все вокруг, слышавшие разговор пожилых цветочниц, стали пристально разглядывать Хабира с головы до ног. Он торопливо зашагал к выходу из павильона. И вдруг! Девушка с льняными волосами! Чуть лбами не столкнулись... Оба растерялись. Но девушка, увидев мяч, радостно улыбнулась и невольно ухватила за руку Хабира.

— Ра-иса... Я знаю, как вас зовут,— первым нарушил молчание Хабир.

— Ох, и дотошный вы парень. Ну, здравствуйте, мы ведь, кажется, и поздороваться позабыли...

— Здравствуй... Раиса. Я — Хабир.

— Красивое имя,— протянула девушка.— Хабир...

— Вы меня узнаете?

— Я тебя жду третий день... Верила, что придешь. Тогда, на Белой, нехорошо получилось. Простите... Эдик выбил из моих рук мяч, когда я сказала, что знаю тебя.

«Значит, один из тех парней — Эдик». Хабир протянул мяч Раисе. Но она не взяла его, наоборот, свой сверток сунула в руку Хабира.

— Я сейчас, ладно? Подожди немного.

И Раиса, не дождавшись согласия парня, заспешила к пожилым цветочницам. Гайния и Фариза, обернувшись, многозначительно посмотрели на парня.

— Тетя Гайния узнала тебя, — сообщила Раиса, вернувшись и взяв у него свой сверток. Но мяч опять оставила у Хабира.

Они вышли на улицу. К вечеру дневная жара спала. Но под ногами еще чувствовалось горячее дыхание асфальта.

— Я хотел было принести мяч на второй же день, но не успел. Ведь работа...

— А ты где работаешь? Если не секрет.

— Оператор на нефтеперерабатывающем заводе. А ты — студентка?

Девушка блеснула на него хитро прищуренными глазами.

— Много будешь знать, быстро состаришься. Тайна. А ты хорошо дерешься!

От этих слов Хабиру стало как-то не по себе. Хорошо дерешься, дескать, а он за всю жизнь никого даже пальцем не тронул. На берегу же Белой он вынужден был применить прием самбо не по своей воле. Но сказал, чтобы не разочаровать девушку:

— Зевать не люблю.

— Поэтому я и иду рядом с тобой безо всякого страха, — у Раисы широко открыты глаза, в которых светилась искренность.

— А кого, кого надо бояться?

— Кого-кого... среди вашего брата встречаются и такие... И не отобьешься. Поэтому я по вечерам стараюсь ходить с Эдиком. Его борода вынуждает некоторых оставаться в нерешительности, — Раиса рассмеялась. — Но вот идти рядом с тобой приятнее. Не обижаешься, что я с тобой так откровенно?

— Нет, конечно.

— Молодец. А то мои кавалеры не любят, когда им правду говоришь.

— Те два парня?

— Да, они. — Раиса посмотрела на него, словно допытываясь, откуда, мол, ты их знаешь. — Вот, например, Искандар. Я ему говорю, что он бессовестный, так у него глаза вылезают на лоб... Надоели они мне.

Хабир вспомнил ухмыляющегося парня, уверенно стоявшего на берегу. Впалые щеки, нос саблей, торчащий чубик, бесцветные глаза, презрительная улыбка. «С бородой — Эдик, а второй — Искандар», — понял Хабир и тут же забыл про них. Сердце его тревожно екнуло. Навстречу шли Залифа с Мафрузой. Парень растерялся. Девушки прошли совсем близко от них. Залифа ничего не сказала, даже не посмотрела на Хабира, Мафруза же не забыла уколоть:

— С девушками надо гулять в саду.

— Кто это? — поинтересовалась Раиса.

— Вместе учимся в вечерней школе, — ответил парень и протянул красный мяч.

— Уже уходишь? — искренне огорчилась девушка. — Мне так хорошо с тобой.

У Хабира вновь тревожно забилось сердце. Ему очень не хотелось расставаться с девушкой. Но Залифа... Прошла мимо, даже не подняв головы. Неужели действительно вышла замуж? Мафруза не станет обманывать, и Залифа не любит его. Вздрогнул от такой нелегкой мысли. Желание не потерять Залифу окончательно заставило его пойти еще раз на обман.

— У этих девушек я взял книги, — сказал тихо он.

— Хабир... Какой ты хороший человек! — сказала цветочница с чувством. — Учишься в вечерней школе, а я...

Покрашенные ресницы Раисы увлажнились, она, отвернувшись от Хабира, достала из сумочки зеркало и носовой платок. Ему стало жаль девушку.

— Может, я не то сказал? — спросил он. Раиса вновь похорошела и стала прежней симпатичной девушкой.

— Да нет... — она опустила глаза.

— До свидания!

— Хабир, ты хороший парень, — девушка протянула ему руку.

— Ты же меня совсем не знаешь.

— У меня чуткое сердце.

— А не расскажешь, если при следующей встрече покажусь другим?

— А когда она?.. Будущая встреча... — Раиса подняла голову и заглянула доверчиво в глаза Хабира.

— В субботу. Днем в два часа, на мосту, где ты уронила мяч.

Куда пропала ее смелость, которую она обычно демонстрирует на базаре?.. В эти минуты она была совсем другой. Попрощалась и быстро ушла. А Хабир еще долго стоял на том же месте и смотрел ей вслед, восхищаясь тем, как гордо она несла свое гибкое тело. Но тут нахлынули другие чувства — чувства к Залифе. Хабир медленно побрел в общежитие.

5

Сколько уже стоит Хабир под лохматой ивой? Ее ветви заслоняют окна общежития. Но стоит осторожно раздвинуть ветви, и вот оно, заветное окно с ярко-красными цветами. Это место под ивой хранит для парня много-много теплых воспоминаний. Как во сне оживают в душе минуты, когда он, волнуясь и нетерпеливо поглядывая на часы, ждал появления Залифы. Хабир узнавал ее по походке. Иногда Залифа, желая подшутить, проходила мимо ивы, но он быстро распознавал ее хитрость и с улыбкой выходил из-за ветвей.

В позднее время они часто прятались в спасительной тени этой густой ивы. Хабир спешил быстрее обнять девушку, но Залифа легко отстранялась и, склонив голову набок, с зазывающей улыбкой смотрела на Хабира. Но когда же парень, потеряв терпение, начинал обижаться — есть у него такая черта, — она чуть-чуть придвигалась... Впрочем, все девушки вот так же, напуская на себя таинственность, смотрят на парней. Но у Залифы это по-своему неповторимо, спокойнее, но так зовуще! Вот тогда Хабир, потеряв самообладание, настигал девушку, обнимал рывком, крепко. И Залифа не сопротивлялась. Обнимет руками его шею и начнет гладить по щеке Хабира мягкими пальцами. Сама же тихо смеется.

...Об этом и вспоминает Хабир под ивой. Приходит сюда уже который день, но Залифа не появляется. Написал записку и передал через девушек, но...

Хабир понимает, что в последнее время стал раздражаться даже по пустячному поводу. Утром, когда собирались на работу, чуть не разругался с Зуфаром. Тот пошутил:

— Окончив вечернюю школу, тут же забыл дорогу в библиотеку.

Ну что в этих словах плохого, ведь можно было пропустить и мимо ушей.

— Не твое дело, хромоножка!— запальчиво ответил он. Сказанное слово — что стрела, тут же попало в цель. Зуфар закусил губу. Зря обидел Хабир друга, зря. Несколько лет назад Зуфар, выпивший, сел за руль мотоцикла и попал в аварию. С тех пор он спиртное считает своим заклятым врагом.

С Зуфаром познакомился Хабир по пути в цех, в первый же день работы на заводе. Любит Зуфар свою профессию оператора и Хабира сумел заинтересовать этой работой. Так они стали работать в одной бригаде. А когда в завкоме узнали, что они сдружились, походатайствовали, чтобы в общежитии их перевели в одну комнату. Зуфар — человек уравновешенный. В минуты удивления или растерянности морщит лоб. Тогда его густые брови круто выгибаются и ломаются. Так было и в этот раз, когда он услышал от Хабира — «хромоножка»... Долго не разгибались эти красивые брови.

— Хабир, давай-ка садись,— сказал он и, хромя сильнее обычного, подошел к нему, чтобы взять под руку. Слова Хабира обидели его, но он старался не показывать этого. Сел на кровать напротив Хабира, терпеливо подождал, пока другие ребята ушли из комнаты. Хабир, понявший свою оплошность, не знал, что делать.

— Зуфар, прости меня, ладно,— проговорил он бесцветным голосом.

Зуфар медленно положил свою руку на плечо друга.

— Что с тобой? В последнее время прямо-таки ходишь на кота, который, соблазнившись сметаной, попал в капкан.

Чуткий парень Зуфар... И Хабир рассказал другу обо всем. Даже не стал скрывать и злополучный случай на Белой с красным мячом.

— Да-а, невеселая история,— сказал Зуфар.— Но ты никому не верь. Постарайся увидаться с Залифой. Поговори с глазу на глаз. Иначе не поймете друг друга. Ягафар... гм-м, может быть, он просто друг ей или вместе учились.

Окрыленный разговором с другом, Хабир и пришел к знакомой иве. Начало смеркаться. Недалеко проходит шоссе, по которому сплошным потоком спешат

трамваи, троллейбусы, мчатся такси и автобусы. На тротуаре замелькали слабые тени—зажглись уличные фонари. Нет света только в окне, за которым живет Залифа.

Что толку от такого ожидания, подумал Хабир. Надо самому идти к ней. Он наклонился, чтобы выйти из-под лохматых ветвей. И тут же раздался голос:

— Выходи. Я жду тебя.

Да это же голос Мафрузы! Может, ее Залифа послала?

Девушка встретила его с усмешкой.

— Пожалела твои ноги,—сказала, стараясь казаться беззаботной.—Ты здесь топтался еще тогда, когда я в кино пошла. Все еще не вышла?

— Нет.

— Не надо ходить с красивыми девушками.

Хабир пытался оправдаться:

— Она же просто знакомая...

— Все начинается с знакомства.

— Не веришь?

— Раньше бы поверила, а теперь нет.—Мафруза вложила в эти слова такой смысл, который означал, что и она теперь охладела к нему.

— Мафруза,—у общежития Хабир с трудом проглотил комок, застрявший в горле,—хоть ты скажи правду. Что случилось с Залифой, почему она избегает меня?

Мафруза посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Он еще спрашивает! Ревнует к этой самой, белобрысой...

— А-а... Ягафар?

Девушка торопливо ухватила за ручку двери.

— Что Ягафар?—голос ее огрубел.—Не знаю... У самой спросишь. Сейчас я ее вытурю к тебе...—и она убежала.

Но сколько ни ждал Хабир, Залифа не вышла...

6

Хабир в эту ночь не возвратился в общежитие. Утром, когда солнце вскарабкалось на крыши пятиэтажных домов, он постучался в дверь своей комнаты. Ему

открыл Зуфар, а сам отошел в сторону. Было видно, что прошедшей ночью он плохо спал. Зашевелились и те, которые еще лежали в постелях.

— Ого, кавалер пришел!— сказал молодой парень торжественным голосом.

У Хабира рот растянулся до ушей. Он попытался спеть:

Она мне сказала,
Что очень любила...

— Старшина второй статьи Назиргулов вернулся в кубрик!— провозгласил он пьяным голосом и, покачивнувшись, плюхнулся на кровать. Ребята приподняли головы.

— Ну угостила же Залифа своего друга!

— Раньше они вместе читали книги, а вот теперь... Жизнь, она учит.

— Ребята,— пытался их урезонить побледневший и все еще стоявший у порога Зуфар, но на него не обратили внимания. Хабир, покачиваясь на кровати, знай себе мурлыкал.

— Эй, моряк, тебе что — море по колено?

— Море-то море, а вот как пойдет на работу? Сегодня же на завод приезжают иностранные гости. А передовой оператор пьяный валяется на кровати.

— Прощай, квартальная премия!

Никто больше не сказал ни слова, в тягостном молчании молодые рабочие стали собираться на смену.

Солнце поднялось довольно высоко, и его лучи становились все горячее. Не в силах укрыться от нестерпимого света, вспотевший Хабир наконец открыл глаза. Сначала, еще не очухавшись, дико озирался, как бы соображая, где лежит... Потом, узнав комнату, удивился, почему не на работе. Ровно десять утра.

Болела голова. Во рту кисло, словно проглотил растертую полынь. Хабир встал, босиком прошлепал к умывальнику, ополоснул лицо. Смочил свалявшиеся волосы, причесался. Стало немного легче. Сел снова на кровать, стал вспоминать вчерашний вечер. И зачем надо было идти в ресторан с человеком, которого видел первый раз?

— Эх, Залифа!— с грустью прошептал Хабир.— Во всем ты виновата...

Тут он глазами наткнулся на записку, оставленную на столе. «Привет. Как только проснешься, дуй на работу. Жду», — написано рукой Зуфара. На парня как будто опрокинули ведро холодной воды. Сорвался с места и, натянув рабочую одежду, выскочил на улицу. Остановил такси и помчался на завод. А он расположен далеко, за городом. Доехать доехал, но его не пропустили.

— Не надо опаздывать, дружище! — твердо сказал вахтер, пожилой мужчина. По лицу Хабира нетрудно было догадаться, чем он занимался вчера. «Дружище!» — со злостью повторял он про себя. Не зная, что и предпринять, он шел по тротуару к трамвайной остановке. До обеда решил где-нибудь побродить. Во время перерыва надо как-нибудь проскользнуть на завод.

Куда девать время? На трамвае вернулся в город. Слез. Мчатся куда-то машины, спешит каждый прохожий... А он? Он как раз думал о своей несчастной судьбе, когда подошел экспресс «Центр — аэропорт». «Туда сорок минут, обратная дорога — тоже сорок...» — подсчитал он. И вскочил в отходящий автобус.

— Как плохо, что нет дождей! Плохо... — сокрушенно промолвил сосед Хабира. — Земля потрескалась, воды просит... — Несмотря на жару, он был в теплой полосатой фуражке. Лет пятьдесят — пятьдесят пять. Брови лохматые, глаза зеленые, проницательные, испытывающие, по правой щеке тянется белый шрам. И что бросилось в глаза Хабиру — привычка мужчины время от времени беспокойно озираться вокруг. Даже когда протягивал деньги кондуктору, настороженно зыркнул по сторонам.

— Да, нет дождей... — Хабир посмотрел в окно, куда показывал сосед. Начинающиеся у дороги пшеничные поля от жары выглядели больными. Трава на обочинах выгорела, даже листья тополей непривычно рано пожелтели.

Хабиру стало плохо. Как он до сих пор ни разу не вспомнил вчерашнее? Уткнулся от стыда лицом в стекло. Как он покажется на работе начальнику цеха, мастеру, друзьям? Ведь выходит, что он всех подвел! Иностранные журналисты несомненно будут интересоваться и его цехом... И вот, посмотрите, одно рабочее место пустое. Порвалось одно звено цепочки завода, вы-

пускающего нужную продукцию. Правда, мастер, последними словами вспоминая Хабира, нашел обязательно кого-нибудь вместо него. Но... Если вдуматься, то ведь новичок на временной работе не станет вкалывать от души, к тому же откуда ему знать о всех тонкостях аппаратуры, которые известны лишь хозяину... От этих черных мыслей Хабир закрыл глаза. Попадет, ох как попадет ему, прогульщику!

Автобус неся вперед. Чем больше километров оставалось позади, тем горше становились думы Хабира. Залифа... И Хабир, на время забыв иные горести, мысленно начал разговаривать с ней: «Залифа, душа моя... Мы же оба виноваты. И Ягафар и Раиса — для нас они чужие. У меня на душе ни пылинки грязи. И глаза ищут только тебя, Залифа...» Но другой внутренний голос начинает противоречить: «Не верь, Хабир, не надейся впустую. Залифа принадлежит другому... Напрасно все, напрасно... Она не любит тебя...»

У аэропорта — людской муравейник. Одни возвращаются, другие куда-то спешат. Встречают... Ждут... Провожают... Лишь Хабир — один! «Эх, полететь бы сейчас куда-нибудь. Сесть в самолет и перенестись далеко-далеко. Туда, где встретят с радостью...»

Смотри-ка, даже сосед в полосатой фуражке с углами с кем-то обнимается. «Счастливый человек». Тот, кого обнимал сосед по автобусу, был тех же примерно лет. Усатый — глаза так и играют, — громко разговаривает, на голове тоже фуражка, но черная, плоская, величиной с зонтик. Хабиру он показался кавказцем. Хабир машинально наблюдал за ними. Они со смехом смотрели сквозь стекло на стоянку такси. И в это время... Вот так встреча! Хабир не верил своим глазам. Два парня стали выносить из багажного отделения большие картонные ящики и складывать их возле мужчин в фуражках. Хабир сразу узнал и Эдика с рыжей бородой и Искандара. Ящики были большими, но парни легко поднимали их, грузя в такси. Задумавшись, Хабир близко подошел к ним. Увидев его, Эдик застыл каменным столбом с картонным коробом в руках. Побледнел, губы крепко сжаты, в глазах — то ли испуг, то ли ненависть.

— Эдик, братишка, шевелись быстрее! — это обратился к нему человек в угловатой фуражке.

— Сейчас, бабай, сейчас.— Эдик еще раз с ног до головы пристально оглядел Хабира и, убедившись, что Хабир стоит спокойно, вроде не держа зла на них за прошлую встречу на Белой, быстро понес короб к багажнику такси.

По радио объявили о начале посадки на очередной рейс. Мужчины вновь обнялись.

— Ну, до свидания, Шайкамал! До следующей встречи, дорогой!— сказал усатый кавказец. Парни тоже торопливо пожали ему руки. Шайкамал, мужчина в полосатой фуражке, достал из портфеля сверток, протянул улетающему.

— Почта надоела, вручаю в собственные руки.

Засигналил экспресс, готовый вот-вот тронуться... Хабир проворно вскочил на его подножку. Сел на свободное место. Тронулись. Оглянулся в окно. Шайкамал и парни, грузившие картонные коробки, собрались вместе и что-то бурно объясняли друг другу. Пожилой обернулся. Злыми глазами впился в Хабира. Автобус, набирая скорость, мчался в город.

7

Суббота. До двух часов еще много времени. Поэтому Хабир, не доходя до бетонного моста, повернул направо, в небольшой парк. В свободное время он часто приходит сюда. Не успел подняться на берег и встать под одинокой старой березой, как его словно подменили. Гулко забилось сердце. Ласкает взор Белая, выгибаясь на поворотах, серебром сверкает под солнцем. По реке плывут белые теплоходы, неуклюжие баржи, груженные песком, гравием, бревнами, с визгом проносятся моторные лодки.

Хабиру почудился звонкий смех. «Неужели Залифа?»

Снова раздался смех, похожий на говор ручья. На этот раз за его спиной. Невольно оглянулся.

— Раиса?!

Девушка, не доходя до Хабира, вновь засмеялась.

— Это я...

— Ты как тут?

— А ты как?

— Я-то...— парень кивнул на часы.

— Я тоже.

Хабир взял мягкие руки девушки в свои.

— Думала, что не придешь,— неожиданно тихо сказала Раиса, руками обхватив ствол березы. На ней цветастое ситцевое платье. На этот раз обошлась без помады и крема. Так она даже симпатичнее. Налетает легкий ветер, тонкая ткань плотно облегает девушку, подчеркивая каждый изгиб ее тела. Перехватив взгляд Хабира, девушка одергивает платье. Хабиру нравится ее стеснительность. Быстро отводит глаза.

— Я ждал нашей встречи,— сказал он искренне и сам удивился этому.

— Правда? Ты ждал меня?— Раиса пыталась заглянуть в глаза Хабира. Девушка заметно оживилась: Грустное лицо посветлело. Все же Хабир уловил в ее глазах тревогу.

— Очень ждал...— ответил он, коснувшись ее локтя. Но, заметив у нее в глазах слезинки, удивился:— Что с тобой, Раиса?

Девушка будто ждала этого вопроса, бросилась на грудь парня.

— Ничего не случилось, Хабир...— Голос дрожал, мелко тряслись плечи.

— Ничего, не плачь, Раиса!

Парень осторожно гладил ее по волосам. Слабость девушки, ее непосредственная доверчивость пробудили в нем не только жалость, но и незнакомое раньше чувство близости.

— Успокойся... Пожалуйста...— рука Хабира задержалась на тонкой шее. Он крепче прижал Раису к себе. Она же, в кольце его рук, потихоньку успокоилась и, откинув голову, посмотрела ему в лицо мокрыми от слез глазами, излучавшими тепло. словно по земле прошел первый теплый дождь.

— Ты действительно хотел, чтобы я пришла?— уже в который раз допытывалась она.

Хабир чувствовал, как по телу распространяется какая-то сладкая истома. Он видит алые влажные губы Раисы, мокрые от слез. И сила, которой невозможно противостоять, заставила его обнять девушку и крепко прижать к груди. Она тоже потянулась к нему. Хабир почувствовал горячее дыхание Раисы.

— Я люблю тебя!— прошептал он, не успев даже осознать неожиданно сказанные им слова. Впрочем, он

и не собирався раскаиваться в этом. Даже обрадовался, что нашлись силы признаться в этом чувстве. Огнем полыхнуло лицо девушки, глаза закрылись. На несколько мгновений она осталась без движения. Парень поцеловал её в горячие губы.

Долго стояли они так, обнявшись, у старой березы. Над головой медный диск солнца. Мимо проходят люди, река так же спокойно несет свое могучее тело, а они, опьяневшие от внезапно нахлынувших чувств, не обращали на окружающий мир никакого внимания. Хабир в эти минуты забыл все. И неприятности на заводе, и будущее комсомольское собрание. Наставления Зуфара и других товарищей были для него сущим пустяком, не вспомнил он и Залифу, из-за которой столько выстрадал в последнее время. Он был пьян от неожиданно найденной радости.

— Я как будто знаю тебя давным-давно,— он посмотрел в глаза Раисы. Та ответила с такой же искренностью:

— Я тоже...

— В самом деле?

— Да.

Они сели на траву. Взявшись за руки, долго глядели на реку.

Обоим стало весело. Хабир вскочил, взял плоский камешек и, сильно размахнувшись, послал его вниз. Затаив дыхание, смотрели, куда упадет. Камень не достиг воды, несколько раз подпрыгнув по суше, успокоился.

— Памятное место,— Хабир указал вниз, где он схватился с рыжебородым. Лицо Раисы потемнело. Она опустила голову. В одно мгновение она изменилась до неузнаваемости.

— Раиса,— сказал парень, заметив это.— Ты можешь мне довериться?

Она непонимающе широко раскрыла глаза.

— Да, Хабир... Но почему спрашиваешь? Я тебя знаю мало, но в то же время много.

— Тогда скажи, что тебя тревожит? Что случилось? Раиса торопливо покачала головой.

— Нет, нет, Хабир... Ничего не случилось,— она пыталась улыбнуться.— Все хорошо.

— В глазах твоих тревога.

Хабир понимает, что девушке не хочется говорить. Не стал настаивать. Ему показалось, что Раиса, только что такая близкая и желанная, чуть-чуть отдалилась от него, словно замкнулась в глухую раковину. Хабир теперь не сомневался, что на душе Раисы лежит тяжелый камень.

— Раиса, хочешь, я о себе расскажу.

— Ой, Хабир!— девушка обрадовалась такому повороту разговора. Улыбнулась. Хабир немного посидел в раздумье, потом глубоко вздохнул.

— У меня есть девушка,— вырвалось у него. Сам повернулся к Раисе, желая узнать, как отреагирует она. Но ни одна черточка не дрогнула на ее лице. Промолчала.

— Залифа... Работает в библиотеке.

— Все равно ты мне нравишься!— Раиса гордо выпрямилась. В глазах запрыгали искорки. Хабир взял руку девушки в свою.

— Но это лишь начало того, о чем я хотел сказать,— он вздохнул.— С ней все покончено.

— Как покончено?

— Ушла к другому...

Раиса ближе придвинулась к парню. Заглянула в лицо, как бы проверяя, правду ли он говорит. И Хабир, не утаивая ничего, рассказал ей все. Не стал скрывать, как он напился в ресторане, что скоро его будут разбирать на комсомольском собрании.

— Такие мои дела... А ты? Ты... Когда-нибудь попадала в такой переплет? Хотя... Извини...

— Нет, нет...— замахала она руками и, вскочив с земли, задумалась.— У девушек о таких вещах не спрашивают. А еще кавалер...— Раиса вновь ушла в сторону от разговора, коснувшегося ее судьбы. Хабир чувствует, что у девушки не все благополучно, который уже раз он вызывает ее на откровенность, но... Эта девушка с льняными волосами близка ему теперь, особенно после сегодняшнего. Когда-то он был готов умереть за Залифу. Сейчас ему все равно — есть она на свете или нет.

— Побродим, может, по лесу?— предлагает Хабир, кивая на другой берег Белой.

— Идем, Хабир!— Раиса крепче льнет к парню, сильно прижимает к себе его руку. Тихой радостью светятся голубые глаза.

Но, не доходя до моста, Раиса вдруг опять изменилась. Она рванулась за сиреневый куст. Лицо потемнело, губы задрожали. В глазах стоял немой крик. Парень насторожился. Посмотрел по сторонам. Поблизости не было никого.

— Раиса, что с тобой? — он уже забыл, сколько раз повторил сегодня этот вопрос. Вспомнил случай с красным мячом и вновь внимательно огляделся вокруг.

— Ну идем... — мягко потянул девушку за пояс. — Ну чего ты боишься, дрожишь?

— Нет, нет, я не боюсь, — торопливо ответила Раиса. — Вернемся назад, Хабир. Не пойду я на мост.

— Я же рядом.

— Хабир... Нам и здесь хорошо. Ведь так?

Поведение девушки раззадорило парня. Он был полон решимости узнать, чего же боится Раиса.

— Кавалер?

— Не говори так, Хабир! Пожалуйста! Очень прошу тебя! У меня никого не было до тебя... Но пойми все правильно! Прошу!..

Хабир чуть отпрянул от девушки. Он понял, что Раиса по этой же неизвестной причине не смогла ждать его на мосту.

— Раиса, знаешь что... — Хабир старался казаться веселым. — Мне хочется собрать для тебя цветы, что растут на заречном лугу. Не такие, как на базаре, а простые, полевые... Ромашки, колокольчики.

Раиса молча смотрела на чернеющую под мостом воду.

— Ты когда-нибудь видела колокольчики? Впрочем, как же я глуп, видела, конечно же. Хотел спросить, любишь ли эти чудные цветы?

Хабир многозначительно посмотрел на нее. Раиса поняла, что он хочет рассказать ей что-то интересное и неведомое еще ей.

— Колокольчики зовут цветком любви, — сказал он после некоторого раздумья.

— Цветок любви?..

— Мой брат рассказал бы лучше. Не я, а он пережил это... Неужели тебе не приходилось пробовать ягоды, положенные в колокольчики? Когда созревают ягоды, и колокольчики бывают в самом соку. Как раз в это летнее время. Колокольчики — цветы яркие, краси-

вые, нежные, не налюбуеться... Влюбленные кладут в раскрытые бутончики ягоды и преподносят друг другу такие необычные букеты из цветов и спелых ягод. Это должно принести им счастье....

— Как интересно.

— Это, Раиса, старый обычай влюбленных. Недавно брат рассказал мне историю с колокольчиком. Более тридцати лет хранил эту тайну. Ему, совсем молодому парню, пришлось воевать против фашистов. На фронт ушел, когда ему едва исполнилось восемнадцать. А он был влюблен в девушку по имени Асия.

Война шла уже второй год. Наши войска отступали. В стране — горе. В конце июня пришла похоронная. В ней говорилось, что брат пал смертью храбрых. Этому поверили все, только Асия, невеста брата, не смирилась... Жив он, утверждала она каждый раз. Я его угостила, мол, волшебной ягодой с колокольчиком. А брат действительно был жив. Когда отступали наши войска; он, тяжело раненный, остался на территории, временно занятой врагом, и в части его посчитали погибшим... Было это на Брянском фронте... Очень смутно помню, как пришел в себя, рассказывает он. Потерял много крови, совсем обессилел. Но увидел среди опаленных огнем трав синий колокольчик, и проснулась в нем вера в то, что останется жить. Брат вспомнил Асию, как угощала его ягодой из чашечки колокольчика... Вспомнил свою деревню. А деревня — это родной дом, мать. Родина, одним словом... Вот любовь к ним и помогла ему выжить. Много дней он полз... Отыскивал колокольчики и выпивал росу из чашечек. Так, выбиваясь из последних сил, добрался до реки, где его подобрала наша разведчики.

Хабир закончил свой рассказ. Раиса тут же спросила:

— А... Асия?

— Да теперь в деревне не найдешь более дружной семьи! Растят четверых детей. Лишь недавно брат решился поведать мне эту историю. Колокольчик — цветок не простой. Говорят, к счастью!

— Прекрасная притча, — тихо промолвила Раиса.

— Не притча, а быль. А колокольчиков за Белой на лугах полным-полно.

И тут же Хабир предложил:

— Ты пока иди на тот берег,— он давал ей возможность одной перейти злополучный мост, ибо видел, что она, боясь чего-то, не хочет идти вместе с ним.— А я схожу за мороженым.

Парень свернул к ближайшему киоску. Раиса, после некоторых колебаний, все же пошла на мост. Хабир поглядывал за ней краешком глаз. Девушка зашагала быстрее. На мосту, кроме старого рыбака, людей нет. Лишь машины мчатся бесконечной вереницей. Успокоившись, Хабир протянул деньги продавщице.

...Вбежав на мост с двумя порциями мороженого в руках, Хабир остановился как вкопанный. Раисы на мосту не было! «Неужели она успела перейти на другую сторону?» Но это исключалось, так как расстояние было слишком большое. Текут навстречу друг другу две ленты машин, автобусов и такси. Старый рыбак по-прежнему занят своим делом. Хабир побежал по мосту. «Неужели она успела перейти на другую сторону? Но... Неужели сбила машина?»— с ужасом подумал он.

Хабир, растерявшись, озирался по сторонам. Уронил одну порцию мороженого в пыль. Подбежал к рыбаку.

— Тут кто-нибудь не прыгал с моста?

Рыбак смотрел на него с явным недоумением.

— Сторож, что ли, я тебе.

— Девушка в цветастом платье. Пропала, пока покупал мороженое. Исчезла...

Рыбак смягчился. Взглянул вдоль моста.

— Говоришь, девушка... Нет, парень, с моста никто не прыгал... Разве это шутка прыгать с такой высоты в воду. Я глаз ведь не свожу с воды, так что слышу падение каждого камушка из-под колес. Вообще-то я вроде заметил какую-то женщину, но...

— Да, да, она самая...— сердце Хабира бешено колотилось. Шутка ли! Пропадает живой человек, только что шагавший тут по мосту.

Хабир побежал в город. Он решил сообщить о случившемся в милицию.

Атмосфера на собрании накалялась. На нефтеперерабатывающем заводе давно не было такого бурного комсомольского собрания. И до Хабира встречались среди рабочих прогульщики. Но поступок Хабира со-

впал с ответственным временем, когда на завод приехали иностранные гости, и это взбудоражило всех. И парни, и девушки, и знакомые, и незнакомые — все обрушились на Хабира.

В день, когда он не вышел на работу, на парафиновой установке чуть не случился пожар. Мастер вынужден был на место Хабира поставить неопытного молодого парня, который положил на кожух электрического двигателя дырявую масленку. Масло просочилось и попало в контакты двигателя. А это — ЧП! На заводе, раскинувшемся на нескольких гектарах, везде — нефтяные пары. И любая искра может принести большую беду. Представив возможные последствия, Хабир сам ужасается.

— Исключить Назиргулова из комсомола! — крикнул кто-то с места. На Хабира как бы вылили ведро холодной воды. Он глазами нашел Зуфара, но и у него взгляд беспощадный.

— Нечего нам его уговаривать, — говорит парень с установки авиационного бензина хриплым голосом. — Если сегодня простим его, то завтра... А завод, производство? Даже выполнение плана зависит от пресечения таких безобразий. По-моему, нет тут вины Гончарова, допустившего аварию. Он — ученик. Мастер уже наказан за то, что поставил к установке человека, который не прошел инструктаж по технике безопасности. А мы собираемся погладить по голове Назиргулова, который во всем виноват. Это в корне неправильно. Среди нас нет места пьяницам. Тут кто-то, — выступающий посмотрел в зал, — правильно сказал, надо гнать такого пьянчужку из комсомола!

Стало тихо. Молодые люди в рабочих спецовках задумались. «Имеет ли человек право на ошибку? Будет ли польза от жестокого наказания? Может, есть иные способы повлиять?»

Хабир ни от кого не ждал защиты. Сердце мучительно ныло, в горле застрял твердый комок. «Почему все тучи собрались над моей головой? Залифа ушла к другому, встретил Раису, но она исчезла на мосту... А сегодня собираются исключить из комсомола». Он чувствует, что слезы застилают глаза, невероятным усилием сдерживает их.

Выступает еще кто-то.

— Не давать квартальной премии!

— Он и так лишился ее.

— Стыдно ведь, позор. Установка борется за звание «коллектива коммунистического труда», а он, комсомолец, тянет коллектив назад...— Хабир узнал и эту симпатичную девушку, работают в одной смене.

Кто-то вспоминает об иностранных гостях.

— Тут нет вины мастера!— кричит один.— Он вынужден был поставить ученика Гончарова, раз место Назиргулова пустовало. Хорошие операторы не валяются под ногами...

Другой бросает с места реплику:

— Гнать пьяницу с работы!

Секретарь комсомольской организации, не ожидавший такого накала страстей, растерянно смотрит на седого человека — секретаря партийной организации цеха, сидящего рядом. Тот, поняв необычное состояние комсомольского вожака, встал с места. Опять стало тихо.

— Правильно, товарищи,— спокойно начал секретарь партийной организации.— Назиргулов совершил большую ошибку. За это должен получить по заслугам...

Как будто только этого и ждали, из зала раздается сердитый голос. Видна голова с курчавыми волосами. Хабир успевает разглядеть его. «А-а, Назиров... Прошлый раз со склада получил лишнюю спецовку, а я заставил его сдать обратно. За это мстит»,— пронеслось в голове.

— Правильно сказал секретарь партийной организации!— кричал Назиров.— Пьяницам, подобно Хабиру, на заводе не должно быть места!

Наступила гнетущая тишина. И секретарь партийной организации ждал чего-то. Тут по ошибке хихикнула девушка. Этого было достаточно Хабиру, сидевшему как на иголках. Не давая себе отчета, он вдруг вскочил и посмотрел на Назирова.

— Ты не трогай комсомол,— заявил он твердо.— Не ты меня принимал в комсомол и на завод. Наказание...— он поглядел по сторонам,— на любое согласен. Вину признаю. Но...— Хабир запнулся,— прошу не исключать из комсомола.

Зал неожиданно загудел, словно пчелиный улей. Секретарь партийной организации довольный посмотрел

на комсомольского секретаря. Потом, когда народ немного успокоился, продолжил:

— Назиров!— Тот попытался спрятаться за спины товарищей, но не вышло, вынужден был встать.— Ты давно знаешь Назиргулова?

Тот вздохнул с облегчением.

— Одной весной вернулись со службы в армии и поступили на завод. Четвертый год

— Вот, вот, хорошо, очень хорошо,— он снова обернулся к секретарю комсомола, дескать, учись разговаривать с людьми.— Товарищ Назиров, скажи-ка, сколько взысканий получил за время работы Хабир?

С места кинули реплику:

— У Хабира не знаю, а у Назирова — три выговора.

Зал оживился. Назиров, покраснев, отвернулся.

— Раз так, не надо ли нам всем вместе подумать? — Секретарь партийной организации сел на место. Для него самым важным было дать молодежи правильное направление. Из задних рядов кто-то поднял руку.

— Говори, Зуфар,— председатель собрания дал ему слово.

Зуфар, хромая, прошел вперед, но не стал подниматься на трибуну, решив говорить прямо из зала. Хабир чувствует: друг станет его защищать.

— Я знаю Хабира лучше всех, живу в одной комнате. Он хороший товарищ, неплохой оператор. И это знает каждый!— Зуфар повел глазами по залу.— Кто-то тут сказал, что хороший оператор не валяется под ногами. Я тоже хочу остановиться на этом. Завод потратил полгода времени и деньги, чтобы Назиргулов освоил профессию оператора парафиновой установки. Почему же забыли об этом? Выгнать с работы легко. Вот ты, Назиров, сможешь заменить Хабира?— И, не получив ответа, продолжил:— Нет, не сможешь... Надо подходить к любому вопросу с государственной точки зрения. По-моему, человек может и ошибиться. Многие даже не хотят узнать, как живет Хабир, что переживает... А я перед всеми говорю: на его месте я тоже, может быть, попал бы в такое положение. И остальные... Раз так, почему же нам не помочь ему исправиться. Вину-то он сам признает.— Зал загудел. После паузы Зуфар закончил выступление:— Назиргулова надо оставить и на работе и в комсомоле. Но наказать!..

...Центральный рынок. Столпотворение. Продают, покупают, привозят, увозят. На сердце Хабира тревожно. Он чувствует, что Раису окружает тайна, понять которую он не может... Случай с красным мячом.... Эдик, Искандар... Еще подозрительней Шайкамал. И Раиса... Что связывает девушку с этими людьми? Почему молчит? И это странное исчезновение на мосту...

Хабир немного постоял, наблюдая суету торговавших людей, потом пошел к цветочному павильону. И здесь полно народу. По мере приближения его шаги становились все медленнее. Среди цветочниц Раисы не было! На ее месте — женщина с мясистым лицом в широкой шляпе, торговавшая прелестными южными цветами.

— Хризантемы, хризантемы! Кому пионы, гладиолусы? Купите нарциссы, голубые нарциссы — признак любви. Есть подарки влюбленным — лилии, гладиолусы!..

«Сумела поставить дело», — подумал Хабир, глядя, как быстро мелькают ее полные руки. Гайния и Фариза, его старые знакомые, оттеснены к краю. «Конкуренция», — вспомнил Хабир слово, сказанное Фаризой, и подошел к ним.

— Какие прелестные, смотреть приятно, и как пахнут! — Хабир подмигнул Фаризе и протянул деньги. Фариза и Гайния, узнав его, расплылись в улыбке.

— В пяти местах был и только тут нашел свежие цветы! — громко продолжал говорить Хабир. Положив сдачу в карман, с презрением махнул рукой в сторону. — А этого тепличного добра повсюду хватает. А вот здесь такой прекрасный аромат! — держа в руке охапку цветов, нюхая их, пошел к выходу. Он был доволен собой, ибо покупатели потянулись и к Фаризе с Гайнией.

— Конкуренция, — усмехнулся Хабир. Не успел он выйти из павильона, как его догнала Фариза.

— Тебя, наверное, сам бог послал. Спасибо! На, бери свои деньги... Недаром прошлый раз я сказала Гайнии, что у этого парня хорошие глаза.

— Да нужны мне цветы! Действительно нужны...

Хабир взял Фаризу за руку и подошел к ней вплотную.

— Вы ничего не скажете мне?

— Отчего же... Могу ответить даже на пять-шесть вопросов.

— Мне надо увидеть Раису!

Лицо Фаризы увяло, улыбка поблекла.

— Похож ты, парень, на хорошего человека. Не крутился бы... с этими. Видел же их бабу-ягу в шляпе. За копейку готова перегрызть горло.

— Тетя Фариза, а что за люди... они?

Фариза испуганно посмотрела по сторонам.

— Ладно, я пойду.

Хабир рванулся за ней.

— Пожалуйста, скажите только одно: Раиса показывалась?

Она остановилась и отрицательно покачала головой.

— И не знаете, где она живет?

В голосе парня, видимо, была такая мольба, что Фариза пожалела его. Подойдя к парню, шепнула на ухо:

— Приходи послезавтра в это время. Узнаю.

И быстро-быстро удалилась.

Парня, вошедшего с охапкой цветов в отделение милиции, встретили весело.

— Зоя, к тебе,— сказал лейтенант, оказавшийся в коридоре, заглянув в маленькое оконце, за которым сидела лет двадцати трех девушка с сержантскими погонами. Хабир топтался на месте, не зная, к кому обратиться. Лейтенант поинтересовался:

— По какому делу?

Хабир начал подробно излагать «дело», но лейтенант кивнул в сторону окошка.

— По этому вопросу надо поговорить с дежурной. Зоя, прими парня.

— Так это вы тогда прибегали? Насчет девушки на мосту?— спросила сержант.

— Да, я...

Дежурная приготовилась писать.

— Домашний адрес вашей знакомой?

Хабир растерялся.

— Не знаю...

— Как это? Не знаете даже, где она живет?

— Нет.

Девушка отложила ручку. Удивленно посмотрела на парня.

— Ну и молодежь!— с усмешкой произнесла она.— На улице, что ли, познакомились?

— В саду.

— Не успели спросить, в каком доме живет?

— Не успел.

— А целоваться?— Зоя густо покраснела от неожиданно сорвавшихся слов и, чтобы не показывать смущения, взялась за телефонную трубку.

Хабир встал с места. Оказывается, он все еще держал цветы у себя. Осторожно положил на стол дежурной. Она бросила телефонную трубку, так и не дозвонившись. Щеки заалели, лицо похорошело.

— Лейтенант ведь просто пошутил.

— А я... без шуток. Это вам. Я же не знаю адрес Райсы.

— Надо знать. Обидели, и она ушла домой. По-моему, только так. Мы сообщим вам, если что узнаем. А за букет спасибо, Назиргулов. Мне еще никто не дарил цветы...

10

Наступал вечер длинного летнего дня. Хабир отступил от края тротуара, когда поливальная машина, играя красками радуги, прошла мимо. Хабиру показалось, что цветы на клумбах после спасительного дождя заметно ожили, повеселели. В лучах закатывающегося солнца вспыхнули капельки воды, повисшие на листьях. «Капли хватило, чтобы ожила природа,— подумал он.— И в жизни так... Одного теплого слова достаточно, чтобы растопить лед на сердце. Даже одного взгляда, движения...»

Две капли воды, сверкающие на красной гвоздике, напомнили Хабиру сережки в ушах Райсы. «Ты действительно хочешь, чтобы я пришла?»— вспомнил он ее слова.

— Эй, дружище, деньги потерял?

Хабир поднял голову— навстречу идет Назиров.

— Смотрю вот на цветы,— сказал Хабир, своим тоном давая понять, что не держит зла на парня.

— Ты, Назиргулов, вместо того чтобы любоваться здесь, бежал бы в общежитие. Вот где всем цветам цветок. Целый час ждет тебя красавица.

«Райса!»

Хабир помчался в общежитие, взлетел по ступенькам и... остановился, словно налетев лбом на столб. На диване сидела Залифа. Увидев его, поднялась. На ней, несмотря на жару, черный костюм. «Признак серьезности»,— машинально отметил Хабир. Ему и в голову не приходило, что может сейчас встретить ее! Поэтому сильно удивился и растерялся. Неужели он забыл Залифу, девушку с глазами, словно ягоды спелой черемухи. А ведь он любил ее... Изменилась Залифа, сильно изменилась. Укоротила волосы, лицо осунулось, в глазах не заметно прежней теплоты.

— Здравствуй, Хабир! Долго же ты ходишь,— Залифа улыбнулась, стараясь казаться веселой.— Сколько уже времени прошло, как кончилась ваша смена. Может, на улицу выйдем, душно здесь...

— Ну как дела?— спросила Залифа как ни в чем не бывало, когда они уселись на скамью под рябиной. Спросила таким тоном, будто Хабир ходил в магазин, что в соседнем доме, и вернулся к ней.— Забыл дорогу к нам?

Хабир закурил сигарету.

— Стал даже баловаться табаком,— добавила спокойным голосом.

Хабир поднял глаза и наткнулся на взгляд черных глаз. Сердце тревожно заныло. «Прежняя Залифа, которую я любил, моя Залифа!— трепетала душа.— Может, я ошибался? И у нее ничего общего с Ягафаром? А что говорила Мафруза — ложь?— с надеждой думал Хабир.

— Да как сказать. Дела... идут по-старому.

— Почему же так похудел?

Парень снова поднял на девушку глаза: «Ты что, не знаешь?» Залифа, до сих пор державшаяся спокойно, отвернулась.

— Прости меня, Хабир...— прошептала Залифа.

Она вдруг прильнула к груди Хабира. На глазах заблестели слезинки. Они вновь напомнили Хабиру сережки Райсы, и он понял, почему сегодня Залифа показалась чужой. Это его потрясло.

— Ты хороший...— Залифа подняла голову, платком вытерла слезы.— Будь милосердным, Хабир.

Хабир не усидел на месте. Встал на ноги. Швырнул в пыль сигарету. Ему не хотелось слышать слова, ко-

торые готовы были сорваться с губ Залифы. Сунув руки в карманы брюк, отошел в сторону.

— Ты, пожалуйста, не думай так плохо,— девушка смотрела на него с мольбой.— Хабир, я же тебя... Я тебя... Да, я должна была сказать о Ягафаре. Поэтому прошу прощения. Он ведь солдат. Дала слово...

— А я?— вдруг он подошел к Залифе.— Я?.. Я?

— Не обижай меня.

— Я не обижаю,— резко сказал парень.— Во всем сам виноват. Каюсь, что не смог отличить траву от цветка.

Залифа порывисто встала. Разговор обострился.

— Это я — дура, сама пришла к тебе, чтобы объяснить,— покачала она головой.— Впрочем, ты уже успел отличить траву от цветка. В тот день... С этой белобрысой.

Хабир словно падал в бездонную яму. В глазах потемнело.

— Я видела твою покрашенную красотку,— продолжала Залифа.— Гуляет напропалую из ресторана в ресторан... С парнями.

— Оставь ее в покое!— крикнул невольно Хабир. Снова достал из кармана пачку сигарет. Дрожащими руками долго не мог зажечь спичку.

— Раз так, и ты оставь меня в покое! У каждого в жизни своя дорога, свое счастье. Прощай!— сказала Залифа. Круто повернувшись, перекинула сумочку из одной руки в другую и быстрыми шагами ушла прочь.

Хабир жадно глотал табачный дым. Удаляющийся стук торопливых шагов больно отдавался в его душе. Он понял, что самое драгоценное в его жизни падает в бездонную пропасть. И это — чувство чистой любви. Он в отчаянии сделал за девушкой несколько шагов.

— Залифа!— крикнул он.

Но никто не ответил.

— Залифа! За-ли-фа!..

Но девушка не обернулась.

Зуфар с утра наблюдает за своим другом. У Хабира плохое настроение и работа не спорится. Переживает за него Зуфар. Будь в его силах, он бы все сделал, что-

бы заставить друга улыбнуться. Но... Раньше во время перерыва Хабир обычно проверял аппаратуру, приборы, смазывал узлы. Теперь он бежит в курилку и не смотрит в сторону Зуфара.

В цеху возник шум. Мастер цеха, размахивая руками, что-то объясняет собравшимся вокруг него рабочим. «Авария?» — мелькнула в голове Хабира мысль. Но скоро все выяснилось. Кто-то взял из инструменталки тестер — единственный прибор для измерения параметров электрических приборов, обслуживающих аппаратуру.

— Кто взял? — кричит мастер.

Инструментальщик, черный от гнева, предложил:

— Раз не возвращает, — значит, украл. Товарищи, давайте проверим тумбочки.

Хабир открыл дверцу своей тумбочки и... остолбенел. На верхней полке лежал тестер! Хабир стоял, не в силах вымолвить ни слова. Это заметил мастер. Он быстро подошел к тумбочке, вытащил тестер и поднял над головой:

— Вот он!..

Все ахнули. Десятки глаз уставились на Хабира, стоявшего в страшном смятении.

— Недавно обсуждали за прогул, — сказал кто-то, — а сегодня стянул тестер.

От этих слов голова Хабира склонилась еще ниже. Покраснел до ушей.

— Эх, Назиргулов, Назиргулов! — сказал подошедший инструментальщик. — Именно от тебя не ожидал такого.

— Товарищи, я ни при чем, — сказал Хабир, справившись с растерянностью. — Я не брал тестер.

— А как же он тогда пробрался в тумбочку? К тому же лежал под ветошью. Удобно завернул, сунул в карман и был таков. Так, что ли?

— Ложь! — Хабир рванулся к двери, но Зуфар успел поймать его за руку.

— Если мой друг краснеет, краснею и я, товарищи, и мне стыдно, — сказал он окружившим их рабочим.

Зуфар глазами искал Назирова, но тот спрятался за спинами рабочих. На одно мгновение показался Гончаров и исчез.

— Гончаров! — крикнул Зуфар. — Иди-ка сюда на минутку! Иди, иди.

Гончаров с большой неохотой предстал перед рабочими. Зуфар пристально посмотрел в глаза парнишки.

— Слушай, Гончаров, по твоей инициативе эта комедия?

Парень опустил голову. Молчал. Заговорил мастер:

— Зуфар говорит правду. Речь идет о рабочей совести. Мы сейчас или очерним Хабира, или...

— Я положил... в тумбочку,— голос ученика дрожал.— Меня... Назиров подбил. Из инструменталки тестер он вытащил. Сказал, что надо мстить Назиргулову, что из-за него я погорел прошлый раз.

Рабочие вытолкнули Назирова в середину.

— Понятно,— сказал мастер.— А ты, Хабир, прости меня, старика. Век живи — век учись,— он шагнул к выходу.— Сколько рабочего времени потеряли... За работу, товарищи. А с тобой, Назиров, поговорим отдельно.

12

После смены Хабир приехал на центральный рынок. Вышел из троллейбуса и в нерешительности остановился. Идти или не идти? «Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Но ведь сегодня Хабир должен встретиться с Фаризой. Так что... Вперед!

Ведь может, Хабир и тревожился зря. Зайдет в павильон... А там среди цветочниц Раиса. Спокойно улыбнется и снова будет предлагать букеты покупателям. Может, и не улыбнется, а просто нахмурит брови, мало ли вас на свете? Вдобавок, рядом те парни и ведьма в широченной шляпе... Ну кто тебе Раиса? Ну, встретились, поговорили... Может, ненароком и поцеловались. От этого мир не изменился. Но другой внутренний голос утверждал обратное. Раиса исчезла среди бела дня, и с тех пор ты ее не видел. Это раз. Во-вторых, нравится тебе Раиса! Очень нравится! Эта девушка с пугающе непонятной судьбой вошла незаметно в сердце, растревожила твою душу. И нужна ей твоя помощь и теплое слово. Сам же видишь, что вокруг девушки — подозрительные люди. Найди Раису, не отступай, Хабир!

Хабир зашагал к рынку.

...Цветочный павильон сегодня не так многолюден. Хабир сразу понял, что сегодня он не увидит ни Раису, ни женщину в шляпе. И где Фариза? Гайния, правда увидев Хабира, сразу же подошла к нему.

— Фариза — дома. Послезавтра выходит на работу, кончается у нее отпуск. Мне тоже немного осталось... А в тот день ох и разругались мы с той чертовкой. Сам же видел. Дорого продают, спекулянты. К тому же есть у них... вроде рекламщиков. Простоишь тут целый месяц и не то еще увидишь. А тогда благодаря тебе половина ее очереди к нам перешла. Ведь наши цветы не хуже кавказских.

— Кавказских?— удивился Хабир.

— Откуда же еще? На самолете целыми ящиками привозят. Деньги делают, парень, деньги. И зимой эта ведьма не вылезает из павильона. Тунеядцы они, вот кто...

Хабир невольно вспомнил встречу в аэропорту. «Шайкамал... Картонные ящики... Эдик, Искандар... Но рядом с ними — Раиса? Цветы? Базар... Не может быть! А что, если?..»

Гайния наклонилась к самому уху Хабира.

— Знаю, зачем пришел. Раиса не показывалась, но она жива-здоровая. Как только ты ушел тогда, сюда наведалься один из рекламщиков, с бородкой. Мы с Фаризой слышали, о чем они между собой разговаривали. Боятся чего-то. Тот, с бородой, совсем перепуган. Как я поняла, Раису не выпускают из дома... Спаси ее, парень. Ведь душа у девушки хорошая... Помогии ей! Но... Исчезли они. В прошлый раз, когда милиция заинтересовалась, не приходили целую неделю. Ну, ладно, многословие — это пустословие.— Гайния назвала адрес.— Будет свободное время, приходи к нам в гости. Это большая просьба Фаризы,— и Гайния торопливо отошла к прилавку, к своим цветам.

Хабир медленно вышел на улицу. Закурил. Что делать? Что же делать? Он вспомнил, как Раиса на берегу Белой заплакала, уткнувшись ему в грудь, как она боялась идти на мост. Значит... Значит, Раиса хочет, но не может сама вырваться из лап этой компании. Нет, нет, это дело так оставить нельзя!

«Надо поговорить с Зоей»,— решил Хабир и вошел в телефонную будку.

«Понятно. Жди на трамвайной остановке». Да, оригинальный народ в милиции. Хабир не успел и половины рассказать о своих догадках, как Зоя уже ответила

коротко, двумя-тремя словами. «Не зря ли ввязался я в эту драку?—с опозданием подумал он.—Нет, не зря! Зуфар тоже зубами вцепился бы, чтобы добраться до правды».

Хабир стоит, оглядываясь по сторонам. Сказала же Зоя, что придет через десять минут. Опаздывает, что ли?

— Здравствуй, Назиргулов!

Оглянулся на голос. И... чуть не упал от изумления. Рядом, улыбаясь, стоит... Зоя! На девушке короткое цветастое ситцевое платье, бросается в глаза золотая брошка чуть пониже полуоткрытой шеи. Туфли на высоких каблуках, загорелые полные ноги... Красивая девушка!

— Что язык прикусил? Говорю же, «здравствуй». Возьми под руку. И пошли. По дороге расскажешь.

— Я не ждал вас... тебя, Зоя, в гражданской одежде,—признался Хабир. Она, взглянув в смущенное лицо парня, крепче прижала его руку к себе.

— Что я, хуже других?

По мостовой мчатся троллейбусы, легковые машины, автобусы. Солнце светит в глаза, Зоя достала из сумочки темные очки. Она внимательно расспросила Хабира обо всем, что тот знал. И надолго задумалась.

— В прошлом году мы накрыли одну компанию,—начала сержант.—Любителей легкой наживы. Откуда-то со стороны разными способами переправляли дефицитный товар. И продавали втридорога. Надо подумать и о продавцах фруктов и цветов. Нечего скрывать, иногда приходится молча проходить мимо, когда нет в магазинах. Надо, ибо народ требует. Тебе, Хабир, холостому, может, не все и понятно... А у меня растет дочка. Три годика уже. Семейным—все надо. И яблоки, и ягоды, и апельсины... А куда идти, раз нет в магазине? На базар. Особенно в предпраздничные дни. На столе должно быть все, раз приглашены гости. А кто наживается на этом? Те, кто не любит работать. Нам хватает работы, чтобы обеспечить магазины всем необходимым, но такие вот частнобизнеснические устремления надо вырывать с корнем. Так же получается и с цветами. Знаем, что их привозят с Кавказа. Но нужны неопровержимые факты, чтобы разоблачить спекулянтов. Говоря языком следователей, не дать им алиби. Сейчас и тунецядцы достаточно грамотны. Знают законы, действуют осторожно. Взять хотя бы цветочки. Спекулянту не обяза-

тельно ходить на базар, он может торговать на любом перекрестке. Вот ты в прошлый раз принес в отделение милиции цветы, а мне было так приятно...

Они прошли уже порядочное расстояние, дошли до проспекта Октября. «Действительно, цветами можно торговать на любом углу», — подумал Хабир.

— Ты — счастливый парень.

— Как это счастливый? — удивился Хабир.

— Во-первых, выполняешь долг честного советского гражданина, во-вторых, любишь Раису. Это нетрудно понять по твоим взволнованным глазам.

— Я же, к сожалению, так мало знаком с ней... Даже представить не могу, как она сейчас отнесется ко мне.

— Ну это уж позволь мне судить. Я, во-первых, из рода женского, во-вторых, немного психолог...

Хабир неожиданно резко остановился. Зоя повернулась к парню, делая вид, что застегивает пуговицу рубашки.

— Та самая?

— Нет. Шайкамал...

— Только не потеряй из виду.

— Голубая рубашка с короткими рукавами.

— Вижу.

Смеркалось. Улица полна народу. Вечерняя прохлада выманила многих из квартир на свежий воздух. Зоя вновь взяла Хабира под руку, теперь они шли немного поодаль за мужчиной в полосатой фуражке.

— Ты понял? — сказала Зоя. — Кто-то все же торгует цветами, а он привозил «товар» и теперь едет домой.

Шайкамал сел в трамвай, идущий в Старую Уфу. Хабир и Зоя вскочили на заднюю площадку. Не доезжая до дома отдыха, Шайкамал вышел из трамвая. Солнце уже закатывалось. Зоя оставила Хабира на трамвайной остановке.

— Он может узнать тебя, я скоро вернусь, — сказала серьезно Зоя, — живет где-то близко...

Но сколько ни стоял Хабир на остановке, Зоя не показывалась. Стемнело. Прошелся по улице. Разглядывал каждого встречного, но... напрасно. Девушка словно в воду канула. Хабир вернулся на остановку, на которой стоял молодой милиционер.

— Хабир?—спросил он. Услышал утвердительный ответ, велел идти домой.—Зоя занята работой,— добавил он.

13

Субботний день клонился к вечеру. Сегодня в общезитии по графику дежурство Хабира и Зуфара. Они тщательно вымыли пол в коридоре, убрали в кухне, туалете, красном уголке. Товарищи по заводу отдыхают. Кто — на рыбалке, кто — на городском пляже, третьи исчезли неизвестно куда. К некоторым пришли знакомые девушки или родственники, и они колдуют над шипящими сковородками. Хабиру нравится дежурство в субботний день... Вымоешь не спеша пол в комнате холодной водой, распахнешь окна, и воздух сразу делается свежим, дышать легко...

Вот и сейчас, закончив уборку, Хабир и Зуфар сидят за столом, пьют чай с печеньем... Их молчание нарушил молодой парнишка, заглянувший в комнату:

— Хабир, к телефону! Женский голос...

«Зоя»,— решил Хабир и, сунув ноги в тапочки, помчался вниз.

— Раиса? Ты?!—голос Хабира от волнения задрожал. На мгновение закружилась голова.—Раиса?! Неужели это ты? Даже не верится! Как узнала номер телефона? Говоришь, в справочном? Молодец! Как же я рад слышать твой голос! Когда? Сейчас? Где? Лечу!

Хабир кладет трубку. Ему еще не верится, что звонила любимая девушка. Его словно подменили. Влетев в комнату, торопливо начал одеваться. Зуфар удивленно и с усмешкой наблюдал за товарищем.

Хабир побежал к ближайшему кинотеатру с надеждой купить для Раисы цветы. И не ошибся. Две старухи стояли на знакомом Хабиру месте. У первой из них дело идет хорошо, душистый аромат пионов издали ударяет в нос. Но ко второй старушке редко кто подходит. Хабир вздрогнул: в руках у нее букет колокольчиков! Он торопливо полез в карман.

— Нравятся эти цветы?—на старушку произвело впечатление радостное возбуждение парня.

— Очень! Это же колокольчики...

— Так бери их! И не тани свои деньги... Я принесла эти полевые цветы не для продажи. Мне, пенсионерке,

сходить в лес, на луга — это отдых и счастье. И ты будь счастлив, сынок!.. Любимой, ведь так?

Хабир кивнул головой.

...И что это Раисе вздумалось пригласить его на эту темную улицу? Ну ничего, очень скоро они будут ходить по самым светлым улицам... Хабир только сейчас, кажется, понял, что слово «люблю» обладает таинственной силой, способной выразить самые сильные чувства, самые чистые. Парень вглядывается в темень. Показались впереди две человеческие фигуры, но и те пропали. «Раиса!» Со стороны садика приближалась одинокая фигура.

— Хабир! — девушка, не доходя немного до него, остановилась. Голос прозвучал тихо, но тревожно, выдавая ее волнение...

— Раиса!.. — Хабир шагнул к ней, в темноте нашел горячие руки девушки. Молнией блеснули глаза Раисы. Они отошли к садику. Над головой шатер из веток клена.

— Раиса, неужели ты? Не верю глазам своим.

Где-то с сухим треском сломалась ветка. Хабир ничего не понял, но у девушки сразу задеревенело тело. Неожиданно она схватила парня за руку и потянула к свету.

— Бежим, Хабир!

Но парень не тронулся с места. Он верил, что, если кто-нибудь обидит девушку, он сумеет защитить Раису.

— Ну, успокойся, пожалуйста... — Хабир осторожно гладил девушку по льняным волосам. — Раиса, ты куда пропала тогда? На мосту? Как в сказке, ей-богу.

— Эдик с Искандаром как раз ехали в аэропорт и насильно затащили в такси. Не успела даже крикнуть тебе.. — Раиса вдруг заплакала. Всхлипывая, прижалась к груди парня. — Хабир, я не осмеливалась рассказать тебе обо всем. Поверь мне! Нет у меня на этом свете более близкого человека, чем ты. Сколько раз я хотела порвать с прошлым, но... Но не получилось.

Хабир пытался из обрывков признания представить незавидную судьбу девушки. Многое он уже понимал. Он ласково обнял девушку, и они медленно пошли вдоль забора.

— Ты со мной, Раиса! — горячо шептал Хабир. — Я верю тебе! Верю! Слышишь? — Парень хотел добавить,

что любит ее, но пусть Раиса сначала успокоится, повеселеет и радостно улыбнется. Вот тогда, вручив ей колокольчики на самом светлом месте, перед всем миром, он и скажет ей о любви.

Но девушка взволнованно и доверчиво шептала:

— Я... боюсь, Хабир! Меня ни на шаг не отпускали из дому. Искандар — это животное... А сегодня убежала. Они ищут меня.

— Кто — они?

— Двоих знаешь. Помнишь, выбили мяч в Белую, — Раиса оглянулась.

— Ты не бойся меня, — сказал Хабир.

— Не я, а они боятся тебя. Искандар рассказал Соловью. К тому же ты видел их в аэропорту. Соловей — страшный человек.

— Мы — вдвоем! — перебил нетерпеливо девушку Хабир. — Ну-ка, закрой глаза! Сейчас я тебе подарю...

— Цветы! — прошептала Раиса удивленно и радостно.

— Колокольчики!

Тут возле них возникли две тени.

— Ага, вот где они!

Один из парней, гадко ругаясь, замахнулся на Раису, но Хабир загородил ее собой.

— Раиса!.. — только и успел он произнести, как что-то обожгло ему живот. Из разжатых пальцев цветы упали на землю. Хабир слышал, как пронзительно крикнула девушка. Упал на землю, на цветы. Неужели ударился головой? Перед глазами то темнело, то немного светлело. Топот ног быстро удалялся. Весь мир быстро-быстро закружился. Запрыгали желтые огоньки... Небо, пестревшее от звезд, закачалось словно море во время бури. Эта картина знакома Хабиру: именно так качал океан их корабль, обрушивая на них высокие волны...

Хабир не может понять, где лежит. Сознание то туманится, то проясняется. Он чувствует, как в груди время от времени возникает боль. Собрав все силы, перевернулся на грудь. Провел рукой по животу, нащупал липкую жидкость... Поднял ладонь к глазам. «Кровь?!» — подумал он и изо всех сил рванулся вперед. До тротуара близко. Закричал бы — не может...

Наконец он дополз до кромки тротуара и потерял сознание.

Вскоре на него наткнулись парень с девушкой. Парень перевернул его на спину.

— Назиргулов!— вскрикнул он.

Девушка испуганно отступила назад. Закрыла лицо руками. Но парень успел схватить ее за локоть и велел куда-то бежать. Когда она скрылась из глаз, оторвал от своей майки кусок материи и стал совать под рубашку раненого. Затем положил голову Хабира к себе на колени.

14

— Где я?— Хабир пришел в себя на следующее утро.

— В больнице. Успокойтесь и не разговаривайте,— ответил кто-то.— Раз так, будем жить...

«Как это будем жить?»— Хабир не может понять. Морщит лоб, сосредотачиваясь... И почему он лежит тут? Если судить по высоте солнца, он должен быть на заводе.

Болит грудь, живот жжет, словно на него опрокинули ковшик горячих углей...

— Вы потеряли много крови,— над ним наклоняется женщина в белом халате.— Лежите спокойно. Счастье, что на вас натолкнулся Гончаров. Он и кровь дал. Оказалось, что и группа у вас одна. А утром целая делегация побывала уже с вашего завода. Позже придут еще.

Хабир лежит неподвижно, слушая спокойный голос доктора. Медленно, обрывками, начал восстанавливать в памяти вчерашнее. «Маленький сад... Клен... Раиса... Где Раиса? Где?!»

У Хабира вновь закружилась голова. Перед глазами запрыгали синие шарики. Пригляделся и увидел, что это колокольчики. Такие же, что принес на свидание... Нет, это на него уже смотрят синие глаза, полные нежности и любви. Льняные волосы и маленькие сережки, словно капли росы... Его любимая. Она тихо смеется, кивком головы откидывая волосы назад. Из глаз каплют слезы...

— Молодой человек, что с вами?— ласково спросила доктор.— Вы опять побледнели.

— Ра-и-са...

— Эх вы, безрассудная молодежь! У самого жизнь на волоске,— проговорила доктор.— Хотя молодость, видимо, этим и красива и дорога.

Через два дня навестить пришла сержант Зоя. За окном вовсю припекало солнце, когда она присела на стул возле кровати больного.

— В такой день разве не грех лежать в больнице?

Хабир, обрадованный приходом девушки, попытался улыбнуться.

— Ну, как дела? Сильно болит рана?— приветливо спросила Зоя.

— Сначала болела невыносимо. Теперь приутихла. Доктор... не отходит от меня. А... тебе кто сказал, что я здесь?

Девушка усмехнулась. Раскрыла кожаную папку, достала фотографию.

— Они?

Хабир узнал Шайкамала и полную женщину в широкой шляпе, торговавшую цветами на центральном рынке.

— Слева — Шайкамал.

— Дела-то у них посерьезнее, чем ждали. Во время обыска в чулане Шайкамала нашли четыре картонных ящика. В одной — кримпленовые костюмы, сшитые в Баку. Как сообщают наши азербайджанские коллеги, и они заинтересовались крепко этим делом. На костюмах бирки, цены явно завышены... Вот и цветочки! Хитро вели дело. Если, мол, нападут на след, думали они, все свести к торговле цветами. За это наказание небольшое. Понял? Все заранее продумано. Пути поступления товара известны, тропинки для побега прочерчены...

— А... Раиса?

— Я знаю, что тебя волнует. Успокойся! Она случайно попала в паутину негодяев, которые еще как следует неизвестны нам. Она приехала поступать в институт. Во время приемных экзаменов жила у Шайкамала на квартире. Не прошла по конкурсу, а домой не захотела возвращаться. Кому-то она очень понравилась. Во-первых, красива, во-вторых, с рук таких девушек товар быстро сбывается. Надеялись, что привыкнет. Удобный человек. Из родных — одна сестра, живет в небольшом городке, откуда Раиса приехала... Именно ты помог нам наступить на хвост этим мошенникам. А Раиса... Она пыталась вырваться, но не сумела.

Хабир закрыл глаза. Потом сказал:

— Зоя, а ведь мы встречались... Она позвонила мне.

Ее держали взаперти. Убежала. Но наша встреча окончилась печально.

— Чего же ты сразу не сообщил мне?

— От радости все вылетело из головы... И, вправду говоря, я думал, что ее звонок — результат твоей работы.

В палату зашла доктор. Зоя попросила:

— Еще пять минут... Можно?

Лицо Хабира побелело. Но он сумел превозмочь боль. Успокоился. И рассказал, что случилось темной ночью.

— Жива ли Раиса?— сказал он напоследок.— Это дело рук Искандара и Эдика...

— Да, это они.— Зоя задумалась.— Но не игрушки ли они в чьих-то руках? Ящик с костюмами попал к Шайкамалу явно по ошибке. Он сам удивился. Ты говорил, что груз погрузили в два такси. Не тут ли секрет? Ну да ладно, на сегодня хватит. Доктор и так сделала мне замечание. Выздоровливай быстрее. Ты нам очень нужен!

Хабир приподнялся.

— погоди, погоди, Зоя, я вспомнил одну деталь. Она упомянула какого-то Соловья...

— Интересно, интересно... Мы, кажется, выходим на след... Соловей, значит? Ну что ж, послушаем и эту птичку.— Зоя хитро подмигнула Хабиру и быстро пошла к выходу.

15

День проходит за днем. Хабир поправляется. Через две недели его выпишут из больницы. Товарищи с завода навещают почти ежедневно, рассказывают о делах на работе, делятся новостями... Часто приходит и Зоя. И первый вопрос, который он задает сержанту милиции, о ней, о Раисе!

— Терпи!— тихо и таинственно улыбается Зоя.

Искандар и бородатый Эдик притаились. Судьба Раисы неизвестна. В руках милиции — только Шайкамал.

Каждый день вспоминает Хабир любимую, болит душа его... Думал он о Раисе и тогда, когда дежурная сестра позвала его вниз, сказала, что ждет его девушка по имени Мафруза.

Никак не ожидал Хабир, что Мафруза найдет его. И где? В больнице! Немного удивленный, на ходу поправив пижаму и причесав волосы, он вышел на свежий воздух.

— Ты что здесь делаешь? Отдыхаешь?— шутливо встретила Хабира девушка.— Забыл ты старых друзей, ничего не сообщаем.

— Невеселая же история, Мафруза.

— Настоящие друзья должны быть вместе и в счастье и в беде.

Услышав слово «счастье», Хабир вспомнил Залифу. «У каждого свой путь, свое счастье в жизни».

— А... ты как поживаешь, Мафруза?

— По-старому. Работаю на прежнем месте. Только... ушла я из общежития. Из-за тебя ушла!

— Мафруза...— Хабир понял, что хотела сказать девушка, и ему стало неловко.— Мафруза, кто тебе сказал обо мне?

У девушки порозовели щеки, четко обозначились веснушки, как бы говоря: «Мы туточки!» Она оглянулась:

— Ладно уж, выходи... Все равно начнет допрашивать.

Хабир несказанно удивился, когда из-за кадки с фикусом вышел, прихрамывая, Зуфар.

— Интересно! Очень даже интересно...— покачал головой Хабир.

— Пришел я в библиотеку,— начал оправдываться Зуфар.— А Мафруза стала расспрашивать о тебе...

— Потом вдвоем отправились ко мне? Понятно, понятно... И давно вы книги вместе читаете?

На помощь смущенному Зуфару пришла Мафруза, переменив тему разговора:

— Послушай, Хабир, а твоя... белобрысая приходит проводить тебя?

— Раиса?

— Видимо, она. Тогда вы прошли мимо нас просто потрясающе! Мне жаль тебя, Хабир! По-товарищески жаль... Залифа обманывала тебя, но и эта, по-моему, не золото.

Зуфар пытался возразить Мафрузе:

— Но ведь это было давно...— Повернулся к Хабиру.— Когда-то в ресторане «Мечта» отмечали день рож-

дения. Вот тогда и увидела Мафруза Раису... Говорит, что сидела с певицей и водку пила.

— Да, пила! Не видела бы сама — не говорила бы! Мне лишь хочется, чтобы ты, Хабир, не обманулся из-за ее красоты. Перед ресторанной певицей выслуживалась... То закуску ставит, то пиво подносит. А та своим хриплым голосом начинает мычать, якобы веселит публику. И парни их...

Зуфар остановил девушку:

— Ну зачем больному рассказывать об этом? Мы же пришли сюда не для этого.

— Ой, мальчики, извините меня! — в глазах Мафрузы загорелись огоньки. — Ну, Хабир, хватит вешать нос. Сказать?

— Ладно уж, не мучайте...

— Нет. Мы так не скажем!

— И что обещать вам?

— Позовешь на новоселье? — вырвалось у Мафрузы.

— Поздравляем, Хабир! Тебе от завода дали однокомнатную квартиру.

— Квартиру? — искренне удивился Хабир.

— Только не падай в обморок. Вчера вывесили приказ. Очередь дошла. Только и всего.

— Зачем же мне квартира? — Хабир удивленно смотрел на своих друзей. — Вот вам она, я надеюсь, нужна...

Девушка стыдливо отвернулась, Зуфар покраснел.

— Мне тоже недолго осталось ждать, — буркнул он, не отрывая радостных глаз от товарища...

Мафруза и Зуфар, попрощавшись, ушли. Хабир долго смотрел из окна палаты им вслед. Они не спеша шли по улице, держась за руки.

Но вскоре его мысли вернулись к Раисе. И Залифа вспоминала, что, мол, видели они Раису в ресторане в подозрительной компании. Ресторан «Мечта»... Нет ли тут какой-нибудь тайны? Певица с хриплым голосом... И парни...

Хабир строил разные планы. Затем понял, что ему не под силу эта загадка, и решил позвонить Зое.

16

— Назиргулов! — доктор протянул Хабиру руку. — Постарайтесь больше не попадать к нам. Желаем здоровья и удачи!

Хабир сердечно поблагодарил всех и пошел к выходу. Но куда сначала пойти? Говорят, дали квартиру. Смешно! Нет, он первым делом вернется в общежитие, к товарищам. Соскучился Хабир по заводу, по своей работе! Скорей бы в родной цех! Надо решить и с дальнейшей учебой...

На улице Хабир опьянел от солнечного дня, от свежего воздуха... Надоели больничные запахи. От радостного волнения, охватившего парня, голова закружилась, и Хабир обнял тополь, растущий на больничном дворе.

...Открыл глаза и замер. Сон или явь? На него глядели синие-синие глаза! Счастливая улыбка! Хабир боится, что синие глаза вновь исчезнут... Но они все ближе и ближе! Сколько в них тепла! Сколько нежности!

— Ра-и-са!..— шепчет парень, не находя больше слов, шагает навстречу и протягивает руки.

— Хабир...

Они кидаются в объятия друг другу. И в мире наступает тишина!

С интересом наблюдает за ними сержант милиции, которая стоит у ворот. Когда-то, в юности, и она споткнулась. Но встретились ей хорошие люди, помогли в трудную минуту... Желание помогать людям находить истинное счастье не на темных тропках, а на солнечных, пусть извилистых и крутых, но честных дорогах жизни и привело ее в милицию.

Раиса будет счастлива! Сержант милиции не сомневается в этом. Рядом с девушкой надежная опора — верный друг! Рабочий парень. Он по-своему боролся за судьбу Раисы и победил. С помощью Хабира разоблачен Соловей — опытная преступница, певица из ресторана «Мечта». Искандар и Эдик держали Раису взаперти именно в ее квартире. Там же надеялись и сами отсидеться... Да не вышло. Теперь они ответят за все! Сказать об этом Хабиру? Но не станет она мешать молодым... Зоя еще раз посмотрела на парня и девушку и быстро пошла в сторону.

Через несколько дней Хабир и Раиса приехали на вокзал. Хабир не стал ждать очередного отпуска, решил съездить в деревню к родителям и познакомить их

с Раисой. Молодые теперь всегда вместе. Раиса будет работать на его заводе. Потом жизнь покажет.

На перроне продавали цветы. Пионы, гвоздики, гладиолусы, полевые цветы...

— Какие купить тебе?— Хабир остановил девушку.

Раиса слегка покраснела. Потом сказала, глядя ему в лицо:

— Колокольчики... Помнишь? Цветы, что украшают родную сторонку...

«Говорят, к счастью»,— добавил Хабир про себя и крупными шагами направился к цветочницам. Рассчитываясь, он услышал позади себя:

— Здравствуй, Хабир!

Хабир оглянулся и увидел Залифу.

— Здравствуй, Залифа!

И умолк, не зная, что говорить дальше. Оба молчали.

— Кого провожаешь?— глаза Залифы были грустные.

— Не провожаю. С Раисой едем в родную деревню,— сказал Хабир, выделив имя любимой и счастливо улыбаясь. Залифа сделала вид, что не заметила этого.

— А я... пришла встречать.

Хабир ничего не сказал.

— Ягафар должен был приехать,— добавила Залифа.— Еще вчера... Но что-то нет его.

Хабир мельком посмотрел на нее.

— Может, еще приедет!— и, не попрощавшись, держа в руке колокольчики, побежал к Раисе.

Рассказы

Сказка ковыльной степи

Пылающее солнце медленно катилось по голубому небу. Дойдя до горы, что напротив меня, побагровело и ушло за вершину. Сразу вдруг стало сумрачно и нерадостно. Облака над моей головой будто загорелись бездымно и тихо. Это был последний привет солнца сегодняшнему дню.

Ковыльная степь затаилась, но воздух все еще был зноен, и дышалось трудно. Время от времени где-то ухала одинокая сова. В такие минуты почему-то тревожно начинает биться сердце. Загадочный миг сумерек вызывает некое щемящее чувство и тревожит душу.

Я поднял голову и увидел над собой перины-облака, неподвижно висящие в небе. Постепенно они алели, приобретая фиолетовый оттенок, затем побледнели, а немного спустя, когда скрылся за горизонтом последний кусочек солнца, стали совсем бесцветными и на них легла легкая тень.

Мне захотелось выбраться на простор и свет. Я дал шпоры своей сивой кобыле, и она поскакала во весь дух. Выехал на вершину холма и остановился пораженный. Вот где простор, вот где чудеса природы. Казалось, одним взглядом можно было охватить весь мир. Я спрыгнул на стерню, дальше ехать никуда не хотелось.

Внизу сверкала огнями деревня. С противоположной от нее стороны вставала круглая луна, похожая на топленое масло. Слышался гул комбайна, косили пшеницу. Вот комбайн зажег три свои фары, помигал ими, выбрался на край загона и остановился. Немного погодя из-за соломенных копешек вынырнула машина, кото-

рая отвозила зерно, и, освещая дорогу фарами, поползла к концу загона, где остановился комбайн.

От меня до них было недалеко, и я, взяв коня за поводья, направился к людям, прислушиваясь к неясным голосам и смеху. Удивительное состояние, которое я только что испытал, любуясь закатом, душевное оцепенение, вызванное чарами природы, будто рукой сняло. Я шагал по хрустящей стерне, забыв и о луне, и о прыгающих большеглазых звездах на небе. Хотя мне всегда было приятно переживать такие вот дивные минуты, когда день переходит в ночь, когда сердце о чем-то беспокоится, что-то предчувствует, и вдруг — тишина, ночь и покой...

Комбайн разгружал зерно. В свете его фар вдруг показался какой-то всадник, остановился и сошел с лошади. Я узнал колхозного агронома Миляушу, узнал издали, не видя ее лица, по голосу. Только она одна умела так заразительно смеяться, запрокинув голову. Кроме того, из всех женщин она одна навевалась верхом сюда на поле. Я отчетливо представил себе эту миловидную стройную девушку, ее улыбку, сияющий открытый взгляд, ямочки на щеках, когда она заразительно смеялась чему-нибудь. Какой-то притягательной силой веяло от нее, невольно хотелось подчиниться этой силе, потому что сладко было покоряться ей.

Я остановился совсем близко от людей, но они, кажется, не заметили меня, занятые каждый своим делом. Шофер Галиулла захлопнул дверцу кабины и полез в кузов разгребать сыпавшееся из шнека зерно. При свете фары зерна пшеницы казались золотистыми крупинками. Так и сияли и били в глаза.

Тут я вдруг заметил, как со стороны соломосбрасывателя отделились две человеческие фигуры и направились ко мне.

Через какое-то время я услышал звонкий смех Миляуши. Меня от них заслоняла всего лишь копна соломы. Вторым человеком оказался комбайнер Рафис. Вот они стали гоняться друг за дружкой вокруг копны. Рафис вдруг поймал девушку, обхватил здоровенными мозолистыми руками ее тонкую талию, но Миляуша каким-то образом вывернулась, а Рафис, потеряв равновесие, рухнул на солому. А Миляуша знай себе хохочет. Рафису, видно, это не очень по душе.

Он вытер пыльное лицо внутренней стороной кепки и остался лежать пластом, как человек, который выбился из последних сил.

Лицо грустное, задумчивое, не любит его Миляуша, не любит. Неужели она ничего не видит? Неужели не понимает, что с ним творится?

Так думал я, об этом же, наверное, размышлял и Рафис. И тут вдруг, свалив копну, Рафис рванулся вперед, к Миляуше. Не успела та и глазом моргнуть, как очутилась у него в объятиях. Она вскрикнула и попыталась вырваться, но не тут-то было, парень на этот раз держал крепко. Я услышал его жалобный голос, никак не вязавшийся с его силой и крепким телосложением:

— Миляуша... люблю тебя. Люблю я тебя, люблю.

Я смутился, невольно оказавшись свидетелем признания, и отступил назад. Но все равно мог разобрать каждое слово. Я видел, как Рафис притянул к себе тоненькое тело, которое, казалось, вот-вот переломится, как тростинка, и взволнованно, страдальчески воскликнул:

— Жизнь моя, Миляуша!

Та и слышать ничего не хотела, билась в его руках и смеялась.

— Пусти, спину сломаешь, медведь.

Рафис неожиданно оторвал ее от земли и прильнул лицом к ее волосам, голос его прозвучал приглушенно:

— Давай поженимся, выходи за меня. Люблю же тебя!

Он попытался ее поцеловать, но Миляуша отвернулась. С захолонувшим сердцем я поспешил подальше в сторону, но лошадь моя фыркнула и спугнула их. Они отпрянули друг от друга и разошлись в разные стороны.

Прошло немного времени, и я увидел, что Миляуша уже сидит на своем коне. Потом она проехала мимо меня и обронила:

— Привет, практикант!

Я даже вздрогнул от неожиданности, с запозданием ответил на приветствие и собирался было идти к комбайну, но тут фигура на коне лихо развернулась и ускочила в сторону гор. Но прежде Миляуша рассмеялась и сказала небрежно:

— Догоняй, практикант, выходи на состязание со мной!

Последние слова ее потонули в гуле комбайна, который тронулся с места.

Рябая луна поднялась уже довольно высоко на небо и тускло освещала землю, как одинокий фонарь в конце длинной пустынной улицы. В свете ее неверных лучей вскоре исчезла Миляуша.

Пристроив лошадь к кучке мякины, я подошел к Галиулле-агай, который возился у своей машины.

— А-а, это ты, практикант!—сказал он, не глядя на меня.—Здорово!

— Здравствуйте, Галиулла-агай.

— Ну и глупыш,—проговорил он, взглянув вслед удаляющемуся комбайну.—А ты что, практикант, мотаешься туда-сюда? Поля проверяешь?

— Проверяю. Поле-то ведь сортовое. Председатель предупредил, чтобы ни зернышка не пропало.

— То-то примчались вдвоем, на ночь глядя,—шофер кивнул в темноту, куда ускакала Миляуша.—Хорошо, когда два агронома. За каждым шагом следят.

— Вы уж, Галиулла-агай, потерпите немного,—сказал я.—Мне тут недолго осталось. Скоро уеду от вас.

— Да нет... Ты, браток, ничего такого не думай. Живи сколько тебе надо. Так, у меня с языка сорвалось.—Он пнул баллон ногой.—А что, практика уже кончается?

— Кончается. Вот только уберем эти поля, бегом в канцелярию. Получу расчет, характеристику, и не поминай лихом.

— Тогда тебе легче,—задумчиво сказал шофер. Я не стал вдаваться в значение его слов и зашагал по следу комбайна, внимательно присматриваясь к соломе. И вдруг заметил несколько необмолоченных колосков. «Ну и ну,—подумал я,—если так ездить, разве соберешь семена? Куда его черти гонят, этого комбайнера?»

Я сел на лошадь и пустился за комбайном. Шофер попытался остановить меня:

— Постой, ты куда?!

Рафис проехал уже довольно много. Значит, прикинул я, в необмолоченных колосьях остается более центра сортового зерна, мышам на прокорм.

С болью в сердце я объехал комбайн и замахал руками:

— Стой! Остановись немедленно!

Комбайнер как будто и не заметил меня, тяжелая машина с ревом надвигалась. Испуганный конь шарахнулся в сторону. Я едва удержался в седле, соскочил на землю и выбежал на покосы под слепящий свет фар. Что делать? Комбайн с ревом подбирался ко мне. Совсем близко я увидел сверкающие зубья на подборщике. Мелькнула мысль, что сейчас они схватят меня за штанины и уволочут в зияющую пасть барабана.

— Стой ты, сволочь!— истошно завопил я.

Комбайн вдруг остановился у самых моих ног, тяжело качнулся и замер. Я увидел взбешенного Рафиса, который шел на меня с кулаками. Глаза у него горели ненавистью. Однако я не дрогнул, чувствуя свою правоту.

— Ты что, потише не можешь ехать?!— крикнул я.— Столько колосьев остается. Роса ведь.

— Чего тебе?

— Колосья, говорю, остаются.

Не успел я договорить, разъяренный Рафис схватил меня за шиворот:

— Ну-ка повтори, практикант, что ты сказал? Ну-ка повтори!

— Отпусти руки!

— Отпустить? Ах ты, желторотый! Я знаю, что ты вынюхиваешь здесь в такой поздний час, понятно? Сейчас вот двину раз, и тебе хватит, несчастный практикант. Забудешь и дорогу в поле.

— Не твое дело!— разозлился я.— Если сейчас же не отпустишь руку... Пусти, говорят! Колосья...

— Колосья? Ишь фрайер, из города приплелся. Я тебе покажу колосья!— Он так встряхнул меня, что ноги подкосились и я сел на землю.— Попробуй только близко подойти к Миляуше. Вот этими кулаками все ребра пересчитаю. Колосья...

Он зло плюнул под ноги и направился к комбайну. И тут только меня озарило: вот оно в чем дело, из-за Миляуши. Ну и жизнь!

Комбайн прогремел мимо. И тут подоспевший Галиулла-агай поднял меня за руку.

— Вставай, практикант. Никак, успели схватиться?

— Да так, слегка,— пробормотал я, отряхиваясь,— было дело.

— Я-то и подумал... До чего же доводят людей эти дурехи.

— Какие дурехи, Галиулла-агай?

— Какие... Сам знаешь.

— Да говори ты толком.

Шофер не спеша достал из кармана папиросу, сунул ее в рот и стал прикуривать.

— Миляуша. Давеча едва увидела тебя, сказанула Рафису, мол, вот за кого болеет мое сердечко.— Он покачал головой.— История, ничего не скажешь.

Вдруг мне стало весело. Я вскочил на коня и поскакал по сжатому полю, ничего не видя перед собой, хотя глаза мои были широко открыты. «Скачи, практикант,— говорил я себе,— жить тебе здесь осталась совсем недолго».

Поле кончилось, и я выехал в широкую ковыльную степь. В ушах гудел ветер, ноздри щекотал пьянящий запах августовской ночи. Запах пшеницы, лежащей на покосах, сменился влажным ароматом вспаханной земли.

Колыхались на ветру белые пушистые верхушки трав, весь день жарившиеся на солнышке, а теперь отягченные росой.

До чего ж хороша степь и близка моей душе. Твой мелодичный звон звучит у меня в сердце, твоя приветливость утешает мою душу.

Проскакав сколько-то времени, я осадил лошадь и повернул к деревне. Мерцавшие вдали огни человеческого жилья манили меня к себе. Но и степь была полна жизни. Порхали летучие мыши, раздавался свист хомяков, и звонкие голоса перепелов доносились со всех сторон.

Я не вытерпел, бросил поводья на шею Сивке, приподнялся на стремянах и запел:

Видны издалека

Белые скалы Иремель-горы.

Где только не побывают, чего не переживут

Головушки мужей и коней...

Я вспомнил одну из наших встреч с Миляушей, когда я приехал в этот колхоз на практику. Была весна,

и мы отправились на поля. Она познакомила меня с колхозными землями, поделилась опытом, накопленным за три года работы. Потом, когда усталые, измаявшиеся, мы остановились на лужайке передохнуть, конь Миляуши каким-то чудом скинул узду и убежал в деревню. Дальше нам пришлось ехать на моей лошади. Я посадил ее перед собой и обнял за талию. Трудно сейчас объяснить возникшее тогда во мне чувство. Я вдруг стал ревновать Миляушу к ветру, трепавшему ее волосы, к солнцу, от которого она жмурилась, и ко всему на свете. Невыносимо было чувствовать жар ее тела. До самой деревни мы промолчали. А когда сошли с лошади, Миляуша нежно взглянула на меня и сказала:

— Спасибо, малец... Ты ведь еще моложе коня на два года.

Что она имела тогда в виду? А может, она нарочно отпустила коня?

После этого мы уже не встречались наедине, не гуляли и не ездили вдвоем на одном коне.

Топот копыт отвлек меня от моих мыслей. Заржал чей-то конь, моя Сивка ответила на его ржание. Я вздрогнул и обернулся. Это была Миляуша. Она сидела на коне как заправская наездница, пригнув голову и устремившись всем телом вперед. Вихрем пронеслась мимо меня, затем повернула обратно.

— Эй, практикант!— крикнула она.— Догони меня!

И стрелой умчалась в темную степь, нахлестывая коня свободным концом повода. Ничего не соображая, я прищипорил за ней.

— Эге-гей!— вырвалось у меня.— Фью-фью!

Мы перевалили покатый холм, выехали в долину и понеслись по лугу, залитому лунным светом.

— Эге-гей!

— Иги-ги-ги!

Так мы скакали довольно долго, пока не выехали к озеру. Взмыленные лошади остановились и потянулись к воде.

Миляуша живо соскочила с коня и побежала краем ольшаника.

— Лови меня, практикант! Эге-гей!

— Эге-гей!

Тихо сияла на небе луна, сверкали привычные гла-

зу созвездия. В природе все шло по своим извечным законам. Я гнался за Миляушей, забыв обо всем на свете. И вот я уже настиг ее. Но Миляуша вдруг сама остановилась, обняла шероховатый ствол белой березы и затихла. Грудь ее часто вздымалась от бега и скачки на коне. Я постоял в нерешительности и прикоснулся к ее руке, и вдруг понял, что Миляуша, всегда улыбающаяся, веселая, с ямочками на щеках, беззвучно плачет. Слезы горошинками катились по ее лицу, сверкая в лунном свете. Сердце мое сжалось, я попытался успокоить ее.

— Миляуша... не плачь же, не надо.

Но она меня как будто не слышала и продолжала всхлипывать, как обиженный ребенок. Я прикоснулся рукой к ее волосам, она вздрогнула, склонила голову мне на грудь и обняла за шею.

— Ну, Миляуша, успокойся.

Она подняла глаза и уставилась на меня горящим взглядом. Губы ее, мокрые от слез, приблизились к моим. Кровь бросилась мне в голову, глаза застлал туман.

— Практикант,— сказала Миляуша.— Интересно, я почему-то всегда называю тебя практикантом. Ты не обижайся, ладно? А скажи-ка, практикант, ты любил когда-нибудь по-настоящему?

Я молчал, близость горячих девичьих губ путала мои мысли, силы оставляли меня. И я прижался щекой к ее лицу. Потом пробормотал:

— Нет, я никого еще не любил.

Шум взлетевших с озера уток привел нас в чувство.

— Ну вот и наревелась вволю,— сказала Миляуша, доверчиво улыбаясь мне.— Ты уж, практикант, не ругай меня, дурочку.

Неподалеку от нас лошади с хрустом щипали траву. На тихой поверхности озера разбегались круги от только что поднявшихся уток. Ближе к берегу покачивались лилии, и был слышен шорох маленьких волн, набегающих на берег.

— Как тут красиво!— невольно сказал я.

— Изумительно,— согласилась Миляуша и зашагала по берегу.— Эта ночь все равно наша. Давай, практикант, искупаемся,— предложила Миляуша. Не дожидаясь ответа, она скинула с себя спортивный костюм и пошла в воду, поеживаясь и вздрагивая всем те-

лом, как олененок, стоящий на краю пропасти. Сделав еще несколько шагов, она громко рассмеялась и плюхнулась плашмя в воду.

Вдали уже обозначился рассвет, и по земле стлался жиденький туман. Миляуша бежала по мелководью, разбивая этот молочный туман, льнувший к воде. Я тоже разделся и побежал за ней.

Мы купались долго. Только когда совсем продрогли, вышли на берег. Миляуша, прыгавшая на одной ноге, чтобы вытряхнуть из ушей воду, вдруг остановилась передо мной и откинула за спину черные косы.

— Я красива, практикант?—спросила она, улыбаясь.

Могла бы, впрочем, и не спрашивать. Что я мог сказать? Я молчал. Она шагнула ко мне, обняла за шею и крепко поцеловала. Да, это была наша ночь.

Горизонт все бледнел. Отдалились звезды, слабо помигивая. Лишь одинокая луна, порябевшая еще больше, все не сходила с неба, оставаясь невольной свидетельницей нашей любви.

Когда мы оделись, сели на коней и поехали домой, Миляуша шепнула:

— Наша красивая ночь...

— Красивая ночь, — повторил я. «Сколько их еще будет, таких ночей?»

Когда мы подъехали к деревне и протянули друг другу руки, чтобы попрощаться, Миляуша как-то ошалело поглядела на меня и, опустив глаза, сказала:

— Выходит, есть она, любовь.

И убежала.

Три дня я пролежал дома, не выходя на улицу. Что-то свалило меня с ног, то ли ночное купанье, то ли сырой утренний туман.

Провалявшись в жару и сильно ослабев, я все же выздоровел. Как всегда, оседлал свою Сивку и отправился в поле. Не было места, где в тот день я бы не побывал, не было человека, с которым я бы не повидался. Только Миляуша будто в воду канула. Нигде не обнаружив ее, я поехал на то поле, где работал Рафис на своем комбайне. Я не сомневался, что Миляуша там. Мне сильно хотелось увидеть ее, заглянуть в милые глаза, увидеть в них нашу тайну, нашу «красивую ночь» на берегу озера.

Но Миляуши и на этом поле не оказалось. Галиул-ла-агай, заметивший меня издали, помахал рукой. Я подъехал к нему.

— Привет, практикант! Здорово! Ты уже слышал?

— О чем?— меня вдруг бросило в жар, я почувствовал, что случилось нечто непоправимое.— О чем ты спрашиваешь, Галиулла-агай?

— Видишь, как пылит,— шофер безмятежно кивнул в сторону комбайна.— С самого утра так.

— Миляуша?!— невольно вырвалось у меня.

— А-а-а, ты уже, оказывается, все знаешь, практикант. Тю-тю Миляуша. Замуж вышла...

Я был оглушен этой вестью. Смысл слов никак не доходил до меня. В горле застрял комок, ноги дрожали.

— А? За кого говоришь? А вот это самое интересное. Я так и думал, что задашь мне такой вопрос. За дядю вышла, за мужа старшей сестры.

И Галиулла-агай не спеша помог разобраться, в чем дело. Оказывается, у Миляуши был родственник где-то на стороне. Сестра ее померла от родов, когда рожала второго ребенка. Оказывается, давно Миляуша думала о сиротах своей старшей сестры и вот решилась на такой шаг.

— Вот так, практикант,— прервал мои мысли шофер и кивнул в сторону комбайна, который проезжал в это время мимо нас.— Мы-то еще потерпим, а вон Рафис... Любил он Миляушу... до смерти любил.

Комбайн пролетел мимо с яростным гулом, поднимая пыль и раскидывая мякину. Будто в него вселилась ожесточенная в своей любви душа Рафиса.

Я поспешил уйти с этого поля, хранившего столько воспоминаний. Выехал в ковыльную степь и поскакал, чтобы успокоить сердце, но оно не успокаивалось. Тогда я повернул лошадь к озеру с лилиями, где мы купались с Миляушей. «Может быть, она там»,— мелькнула у меня фантастическая надежда.

Но озеро было пустынно. Лениво катило оно светлые волны к моим ногам, и дела ему не было до моего горя.

Косуля

Гюльбике сидела на склоне холма среди буйно росшейся травы, срывала ромашки и клала в подол. Она тянулась за очередным цветком и невольно залюбовалась своей рукой. Ну чем ее рука хуже лебединой шеи? Так же изящны и грациозны ее движения.

Когда-то Гюльбике собиралась стать балериной, но жизнь увела ее по другой дороге. Закончив восьмимесячные курсы, она уехала с партией нефтяников.

Интересно устроена эта жизнь. Мечтала стать балериной, а теперь работает лаборанткой.

Впрочем, Гюльбике не раскаивалась в этом. Может, она и попытала бы счастье в балете, если бы судьба неожиданно не свела ее с Кулдавлетом.

Какая же наивная была тогда Гюльбике, вспомнить стыдно. Взяла да и собралась в дорогу поступать в балетную школу. Первый раз в жизни расставалась она с родной деревней и всю дорогу до вокзала, который был в райцентре, думала об этом да вспоминала мать, которая, провожая ее, долго вытирала кончиком платка слезы.

— Счастливо тебе, доченька,— грустно напутствовала она.— А не сдашь экзамены, не горюй. В колхозе работы хватит.

На вокзале Гюльбике собралась уж покупать билет, а денег нет. Видно, обронила где-то. Бросилась по своим следам, поискала там, тут, да разве найдешь. Что уж с возу упало, то пропало.

А тут начинало темнеть. Растрепанная Гюльбике прислонилась к забору и горько залилась слезами.

Тут какой-то прохожий тронул ее за руку и сказал:

— Ты что это горюешь, сестричка? Кто тебя обидел?

Когда с рыданиями она рассказала, в чем дело, тот весело рассмеялся и подхватил ее чемодан.

— Вы куда?— испугалась она.

— Пойдем, я одолжу тебе денег. Раз уж ты в пути, лучше не возвращаться.

Только теперь подняла Гюльбике глаза на человека, который назвал ее сестричкой. А тот был совсем еще не старый, лет, пожалуй, около двадцати пяти или тридцати, не больше.

Гюльбике засомневалась, верить человеку или не верить. Она понаслышалась о ветреных мужчинах, которые пристают к девушкам.

Гюльбике резко остановилась и решительно заявила:

— Агай, отдайте мой чемодан, я решила не ехать.

Тот поставил чемодан на землю и расхохотался пуще прежнего.

— Ты что, испугалась? Ай-яй-яй. Да у тебя все мысли на лице написаны. Ну-ка давай познакомимся, меня зовут Кулдавлет.

— Гюльбике...— девушка робко вложила руку в ладонь Кулдавлета.

— Вот, а теперь мы свои люди. Пойдем скорее покупать билеты. А то на поезд опоздаем. А уж если ты мне не веришь, боишься меня,— Кулдавлет с добродушной улыбкой взялся за чемодан,— пересядешь в другой вагон...

Вот так они и приехали в Уфу. Кулдавлет повел ее к себе домой, хотя она сначала и возражала, вернулись прежние страхи. Но делать было нечего.

Им открыла заспанная, с растрепанными волосами девушка. Она была старше Гюльбике года на два, на три. Увидев Кулдавлета, она кинулась к нему на шею. Потом приветливо поздоровалась с Гюльбике, извинилась, что дома беспорядок. «Наверное, жена»,— подумала Гюльбике с некоторой завистью. Она уже успела привыкнуть к этому человеку, который всю дорогу рассказывал уморительные случаи из жизни нефтеразведчиков.

Попили все вместе чаю. И только тогда Кулдавлет спросил:

— Гюльбике, в какой же ты институт хочешь поступать?

— Я мечтаю стать балериной.

— А-а-а...

Он отошел в сторону и оценивающе посмотрел на нее. Потом, видимо удовлетворенный ее фигурой в смысле пригодности для балета, подсел к ней.

— Ты, сестричка, и так словно взлететь готова. Может, из тебя и вышла бы балерина. Только, знаешь ли, в Уфе пока нет такого института. Надо ехать в Москву или в Ленинград.

Слова его ошарашили Гюльбике. И как это она об этом не подумала? На глазах у нее снова показались слезы. Ей стало очень неловко.

— Кулдавлет-агай, я... я уж домой поеду,— сказала она и встала. Тот опять громко рассмеялся и даже погладил Гюльбике по волосам, которые спускались у нее до самых плеч.

— Ты сядь, Гюльбике, не горячись.

И он так посмотрел ей в глаза, что ее даже в жар бросило.

— Уж не знаю,—едва вымолвила она и ушла на кухню, где девушка, которую она считала женой Кулдавлета, мыла посуду.— Апай, я хотела бы помочь вам...

Та охотно вручила ей полотенце и сказала:

— Давай помогай, раз желание есть. Только не говори мне «апай», зови просто Розой. Когда нет дома брата, я ведь даже и чай тут не пью. Все больше в заводской столовой, времени-то всегда в обрез.

— Да,—сказала Гюльбике и подумала: «Значит, Роза не жена Кулдавлета, а его младшая сестра».

— А разве Кулдавлет-агай так часто ездит в командировки? Как же это все терпит ваша невестка?

— Ай, да у него всегда так,—махнула рукой Роза.—Сразу после института назначили его начальником одной бригады нефтеразведчиков, и все еще там. Его товарищи давно уже имеют квартиры в Уфе и не мотаются где попало. Хоть бы женился, что ли. Тогда бы хоть домой приезжал почаще. Как уедет, так и нет его целый месяц. Вот и скучай без него да переживай.

— Вот оно как,—задумчиво сказала Гюльбике.

Роза улыбнулась и продолжала:

— А я-то уж обрадовалась утром, когда увидела вас вместе. Ну, думаю, невестку привел. Наконец-то. Гюльбике едва не выронила тарелку из рук.

— Ну что вы...—пробормотала она смущенно.

— Послушай, Гюльбике,— сказала вдруг Роза,— оставайся-ка у нас. Поступишь куда-нибудь учиться, будешь работать. Ну не всем же быть балеринами. Брат у меня все время в разъездах, жили бы мы с тобой вдвоем.

— Не знаю...

И так уж получилось, что Гюльбике больше не вернулась в свою деревню. Кулдавлет устроил ее на курсы лаборанток, а когда она закончила их, взял в свою бригаду. Вот как повернулась ее судьба...

Обо всем этом и думала Гюльбике, сидя на склоне холма. Она доплела венок из ромашек, надела его и вздохнула. Где-то рядом пел соловей.

Девушка поднялась с места и, привстав на цыпочки, глянула через кустарник вниз. Там, под горой, все одна и та же знакомая картина: передвижной вагончик и два грузовика. Чуть ближе сюда, около цветущих черемух, стояла буровая машина. Вокруг нее суетилось около десятка людей, но Кулдавлета среди них не было видно.

Им-то что, установят буровую машину и начнут бурить землю. Потом в шурфы заложат взрывчатку, и все ринутся подальше от этого места.

Гюльбике почему-то стало жалко цветущих кустов черемухи. Какие они нарядные, будто невесты, стоят под легким ветерком. А через несколько часов их не станет, и соловей уже не сможет укрыться в их ветвях.

А Гюльбике после взрыва спустится в яму, чтобы взять грунт на анализ. Что она там найдет? Кусочки серых камней да обломки черемухи, которая только что стояла вся в цвету. Нет, тяжело Гюльбике, очень тяжело. Она бы давно ушла с этой работы, если бы... Гюльбике вытерла слезы, неожиданно набежавшие. Давно бы ушла, если бы не Кулдавлет. Вот повстречала она его на свою беду, полюбила. А у того и в мыслях ничего подобного. Поздоровается, спросит, как ей живется, и отойдет в сторону, как будто не понимает, что творится у нее в душе...

Гюльбике шла по березняку. Какие красивые березы, думала она. Стоят, развесив кудри, тихонько покачиваются на ветру сережки. Эх, как, оказывается, нелегко одной-то гореть в огне любви. Хоть бы сказал, что не любит, и то легче.

Тут Гюльбике не выдержала, ничком упала на землю и залилась слезами, наплакалась досыта. А перед ней все стояли глаза Кулдавлета под густыми сросшимися бровями. Как бы ей хотелось погладить его по волосам, то и дело спадающим на широкий лоб, прикоснуться лицом к его щеке. Тогда бы, наверно, ее сердце успокоилось.

Она вспомнила случай, который произошел зимой. Бушевала выюга, машины их застряли в дороге, и они с Кулдавлетом пошли вдвоем пешком. До ближайшей деревни было около семи километров, надо было просить там трактора, чтобы выручить машины. Но они по дороге заблудились и очутились у стога сена. Гюльбике устала и вся дрожала от холода. Кулдавлет вырыл в стоге нору, и они оба уместились в ней, накрывшись его шубой. Она обняла его за шею, и какое это было счастье чувствовать рядом горячее дыхание.

— Ты спишь?— тихо спросила Гюльбике.

Но тот ничего не отвечал и не пошевелился...

«Хватит реветь»,— подумала Гюльбике, подымаясь на ноги. Она решила, что вот сейчас же пойдет и объявит, что уходит с работы. Отряхнула платье и сбежала под гору.

Кулдавлет как раз выходил из передвижного вагончика. Гюльбике, вся трепеща, подошла к нему:

— Я... Я...

Но слова не шли с языка, она совсем растерялась.

Кулдавлет обошел девушку, загородившую ему дорогу, и сказал:

— Потом, Гюльбике, потом, ладно?

В нее тут будто бес какой вселился, захотелось отомстить Кулдавлету за его равнодушие.

— Сахау!— позвала она шофера, который лежал на боку в тени своей машины.

— Чего?— живо отозвался тот. Он был очень неравнодушен к девушке.

— Чего, чего,— грубовато передразнила она его.— Пошли в лес прогуляемся. А то всю жизнь проспичь.

Она нарочно говорила громко, чтобы Кулдавлет все слышал, но того это, видно, не тронуло, он спокойно продолжал идти к буровой машине, даже не обернулся...

Когда бурение закончилось и в скважину уложили

взрывчатку, рабочие побежали в укрытие. Через несколько минут должен произойти взрыв. Кулдавлет давно уже привык к этим взрывам. И сейчас с точностью до секунды знал, когда это случится, поэтому он шел совершенно спокойно.

Но вдруг из леса выбежала Гюльбике. Она с криком бежала в сторону опасного места. Кулдавлета будто током ударило, он даже пошатнулся, потом закричал что было силы:

— Гюльбике! Гюльбике!!! Стой! Назад!

То ли Гюльбике не слышала его, то ли не хотела слышать, но она продолжала бежать, размахивая руками. У Кулдавлета похолодело в сердце: «Сейчас все будет кончено, сейчас».

Он кинулся вперед, в мгновение ока очутился рядом с Гюльбике, швырнул ее на землю, и в этот момент раздался взрыв. Их засыпало землей, все вокруг потонуло в пыли и в дыму.

Через некоторое время полуоглохший Кулдавлет приподнялся. Он все еще не верил, что они остались живы. Когда Гюльбике открыла глаза и пришла в себя, он улыбнулся ей и поднял на руки.

— Косуля... косуля цела?— испуганно спросила она.

— Какая косуля?— не понял Кулдавлет.

— Косуля тут была.

Только когда пыль осела, Кулдавлет сообразил, в чем дело. На горе стоял красавец козел, к нему подошла косуля, но, заметив людей, они ускакали.

— А ведь если бы косуля погибла,— прошептала Гюльбике.

Кулдавлет внимательно посмотрел ей в глаза, крепко обнял вдруг и поцеловал. Потом сказал с улыбкой, нежно:

— Ах ты моя косуля, любимая...

Гюльбике вздохнула и доверчиво прижалась к его груди.

Встреча с мечтой

По хорошо укатанной дороге бежал грузовик, поднимая тучи пыли, медленно оседавшей на обочине, куда ее сносило легким ветерком. Иногда попадались небольшие овражки, по дну которых мирно и неторопливо журчали ручьи. Тогда машина притормаживала, потом взлетала с натужным ревом на подъем и продолжала свой путь.

За рулем сидел молодой парень в серой кепке, аккуратно надвинутой на лоб. Когда машину слегка подбрасывало, он улыбался. Рядом с ним дремал мужчина лет тридцати пяти.

Галимьян вел машину умело. От природы это улыбчивый, добродушный парень. В колхозе у него была репутация скромного и трудолюбивого человека.

Каждый, как известно, имеет свои привычки, характеризующие его с той или иной стороны. Что касается Галимьяна, то у него была одна хорошая черта — он умел слушать не перебивая. А сам разве что улыбнется собеседнику. Даже трехлетняя служба в армии не смогла изменить этой привычки.

Когда машина выбралась в степь, шофер поудобнее уселся и погрузился в свои мысли, изредка поглядывая на дремлющего соседа...

Галимьяну было приятно, что председатель послал его в этот рейс, потому что из всех шоферов выбор пал только на него. Означало это доверие и надежду, что Галимьян не подведет в таком необычно длинном рейсе.

— Галимьян, — сказал ему председатель. — Для ферм нужно кровельное железо. Может, съездишь в Белорецк?

Слова председателя выглядели как просьба, мол, выручи, браток. И Галимьян с удовольствием согласился.

Одно ему не нравилось, ответственным за рейс поставили Масгута, колхозного механика, которого он всегда недолюбливал. Масгут называл его не иначе как по фамилии — Фарвазов. Как будто у него нет имени. Да и вообще, натура у того была какая-то отталкивающая. Придумал в Белорецк на базар муку везти продавать. Там, мол, можно продать подороже. Ну что ты с ним сделаешь, с частником.

Когда выезжали из незнакомого большого села, на дороге им встретилась девушка с небольшим чемоданчиком в руке. Она проголосовала, и Галимьян притормозил. Механик, вздрогнув, открыл глаза.

— Вам куда, красавица? — с широкой улыбкой спросил Галимьян.

— До Белорецка. Может, подвезете? Я уж тут с утра голосую.

— Вообще-то нам по пути, — сказал Галимьян. — В кабине места хватит, если это вас устраивает.

Масгут принял важный вид и с неудовольствием посмотрел на шофера.

— Поехали давай, поехали. Пассажирам конца не будет! — буркнул он, подчеркивая превосходство своего положения.

Девушка разочарованно глянула на них своими черемуховыми глазами и покорно отошла в сторону. Галимьяну стало жалко ее. Ему и самому не раз приходилось томиться на дорогах в ожидании попутной машины.

Не обращая внимания на слова механика, он положил руки на дверцу, у которой стекло было опущено, и некоторое время смотрел на девушку. «Где же это я ее мог видеть?» — ломал он голову. Весь ее облик как будто был ему знаком. Он смотрел на девушку, на ее тонкую, изящную фигурку и думал: «Дунь, так и улетит».

Потом смутился, отвел взгляд в сторону и хлопнул дверцей. Механик, наблюдавший за ним, вдруг крикнул девушке:

— Ладно уж, садись, красавица!

Девушка тут же подбежала к машине. От радости она, кажется, ног под собой не чувствовала.

Машина тронулась и полетела, как птица, по гладкой, отшлифованной колесами дороге. Вдоль нее мелькали поля, цветущие луга с пасущимися на них телятами, лошади... Миг — и все это оставалось позади.

Потом показались белые березки, целая роща, и, наконец, рощу сменили горы с лысыми вершинами.

Девушка, сидевшая между мужчинами, назвалась Раушанией. Масгут как будто только и ждал этого момента, повернулся к ней и с озорной улыбкой пропел куплет из лирической песни «Раушания». Потом сказал:

— Имя-то какое красивое, Раушания. Давайте уж тогда знакомиться. Меня зовут Масгутом, а это мой шофер Фарвазов.

— Очень приятно,—сказала девушка, улыбаясь.— Я сначала приняла вас за сердитого начальника, а вы, оказывается, улыбаться умеете. А я еду в Белорецк, к сестре в гости.

— Это хорошо, когда в гости,—сказал Масгут. Раушания подозрительно покосилась на молчавшего шофера, хотела о чем-то спросить его, но удержалась.

Галимьян не обращал внимания на разговор. Он держал баранку одной рукой, высунул из кабины голову и, наморщив широкий лоб, думал о своем, словно искал ответа на трудную задачу.

«Где же я мог ее видеть?»—ломал он голову, глядя на отражение девушки в переднем стекле. Все в ней, даже улыбка, казалось ему знакомым.

Галимьяну до сего времени не приходилось ни в кого влюбляться, хотя он знал, что кое-кто из девушек вздыхает о нем втихомолку. А ему все нипочем. А хорошо бы иметь любимую, трепетать при виде ее, с томлением ждать встречи, радоваться этой встрече и быть счастливым.

Тут кто-то осторожно тронул его за плечо. Он обернулся и встретился взглядом с Раушанией. Девушка опустила ресницы и снова взглянула на него:

— Масгут-агай говорит, чтобы остановились около магазина,—сказала она.

Когда подъехали к знакомой деревне и остановились около магазина, Масгут по-молодецки спрыгнул с подножки и потянул девушку за руку:

— Пойдем, Раушания, посмотрим, что там есть, чем торгуют.

«И не поймешь другой раз его,—подумал Галимьян о механике.—Иногда ведет себя как порядочный человек». Он долил воды в радиатор, вытер руки и закурил папиросу.

Наконец показался из магазина Масгут, за ним шла Раушания.

— Вот колбасы и консервов взял,—сказал он, ставя в кабину бутылку водки.—И это тоже может пригодиться на случай плохой погоды.

Пока Галимьян заводил машину, их обогнала телега с большим возом сена, на котором сидели белобородый старик и две женщины.

— Смотри-ка, смотри, Масгут-агай!—вскрикнула вдруг Раушания.—Ческа у телеги выпала. Они же сейчас перевернутся.

И правда, не успели те проехать и пару шагов, как заднее колесо соскочило. Воз, к счастью, не перевернулся, а только осел на ось.

— Умело наложил воз старик,—усмехнувшись, сказал Масгут.—Иначе бы им каюк.

Старик и женщины, все вместе, пытались приподнять воз и надеть колесо, но это оказалось им не под силу, и они стали оглядываться по сторонам в надежде на помощь.

Галимьян вышел из кабины, подошел к телеге, плечом легко, без натуги приподнял воз, а свободной рукой надел колесо на ось. Пока пострадавшие удивленно разглядывали его, он вернулся к машине, и они поехали, Масгут глянул на крепкие руки шофера и ничего не сказал.

Вскоре начались Ташкупирские, Алатауские перевалы и бездонные пропасти.

— Вот сейчас и начнутся у нас главные приключения,—нарушил молчание Масгут.—Слышите, как ревет мотор? Это горы, а не что-нибудь. Сбрось газ, Фарвазов, а то мотор перегреется.—С видом знатока он высунул руку наружу, а другую положил на плечо девушке.

— Дождь будет.

В самом деле, из-за гор выползли густые облака. «Надо поднажать,—подумал Галимьян,—может, и успеем до грозы проскочить Медвежий перевал».

Но сколько ни жми на акселератор, машина есть

машина, лошадиных сил не прибавит. Гроза настигла их почти в самом начале подъема на Медвежий перевал.

«Дело усложняется»,— подумал Галимьян и все внимание переключил на дорогу. Не зря шоферы стараются проскочить это опасное место по сухой дороге. Слева дорогу теснят глухой стеной горбатые горы, а справа темнеет глубокое ущелье, которое тянется вдоль дороги на несколько километров. Дорога от дождя раскисла, и машина еле ползла по липкой грязи. Да тут еще подъем. Сжав губы, Галимьян вцепился в руль, как будто машина уже зависла над пропастью и он едва удерживает ее одними своими руками. И действительно, стоило ослабить руки—пропал. Колеса и так не слушаются, все норовят повернуть в сторону пропасти. Больших трудов стоит удерживать их в нужном положении.

От перегретого мотора в кабине стало душно. По лицу Галимьяна скатывались капельки пота. Он был похож в этот момент на человека, от которого зависит судьба двоих людей. Да это так и было.

Масгут при вспышках молнии каждый раз пытался разглядеть выражение лица шофера, принимался рассказывать Раушании смешные истории, но голос у него срывался.

— Как только одолеем подъем, считай, что половина дороги у нас позади,—сказал он, обнимая девушку за плечи и прижимая к себе.— Ты садись ко мне поближе, Раушания, чтобы шоферу было посвободнее. Вон взопрел, как бык на пахоте.

Не успел Масгут договорить, как машина вздрогнула и развернулась поперек дороги.

— Ай!—вскрикнула от неожиданности девушка и вцепилась в Масгута. Побледневший механик освободился от ее рук и сказал, заикаясь от страха:

— Ты, Раушания.... ты посиди.

Он открыл дверцу и выскочил на дорогу. Задние колеса стояли у самого края пропасти.

Галимьян между тем обследовал дорогу, накидал под колеса хворосту и сел в кабину. Дождь поутих.

— Давай, Фарвазов, трогай, а я попробую подтолкнуть сзади,—послышался голос Масгута. Перепуганная Раушания искала взглядом механика, но того не

было видно. «Почему же он сам не садится?»—подумала она и вопросительно посмотрела на шофера. Она увидела, что тот спокойно протирает запотевшие стекла и даже улыбается. Раушания выпрямилась и вздохнула с облегчением. Вдруг ей и самой стало весело.

— Почему вы, агай, улыбаетесь? — спросила она, уставившись на неразговорчивого парня, который даже в такую опасную минуту держал себя спокойно, будто он у себя дома.

— И у зайца сердце, и у льва сердце,— многозначительно сказал тот и тронул машину с места. Раушания ничего не поняла из его слов, но спрашивать не стала.

После дождя снова прояснилось. Поравнявшись с небольшой избушкой, грузовик замедлил ход и свернул с дороги.

Избушка была поставлена специально для путников. Каждый мог остановиться здесь на отдых, вскипятить себе чай, отогреться. Но был такой неписанный закон: сколько дров израсходовал, столько же и заготовь.

На землю спустились сумерки, и на небе появились звезды. После дождя воздух в сосновом бору был удивительно свеж.

Вскоре Раушания, уже успевшая войти в роль хозяйки, приготовила чай, и все сели за стол. Девушка достала из чемодана малиновое варенье.

— Мы теперь здесь единая семья,— сказал бодро Масгут, достал бутылку водки и разлил по стаканам.— Ну что ж, в честь нашей дружбы и за знакомство.

— Никогда в жизни не пила, Масгут-агай, вы уж меня не уговаривайте,— сказала Раушания и посмотрела на Галимьяна, как бы прося у него защиты.

— Ты не гляди на него, миленькая,— сказал Масгут.— Выпей разом, да и все. С дороги оно полезно. А Фарвазову нельзя, он шофер.

Галимьяну вся эта развязная болтовня не очень была по душе. Он злился на механика, который, как репей, пристал к девушке, казавшейся ему все милее и милее. «Хоть бы она не выпила,— подумал он.— Ну чистый репей, никак не отстаёт».

Раушания чуть пригубила и с отвращением отставила свой стакан подальше...

На небольшие нары постелили для Раушании бушлат Галимьяна, пожелали девушке спокойной ночи и

вышли на улицу. Постояли немного, помолчали, потом Масгут спросил:

— Ты, Фарвазов, в машине будешь спать?

— В машине.

— Ну, а я пойду все-таки в избушку. Лягу хоть на полу, да зато в тепле.

И он тут же ушел. Галимьян побрел по лесу, залитому лунным светом. С веток и листьев, которые он задевал нечаянно, скатывались жемчужные капли воды. Все тускло сверкало. Вокруг таинственно и тихо. Галимьян был немного взволнован и в то же время спокоен. Хотелось петь. Незаметно для себя он стал собирать цветы. И набрал их много, целую охапку, а ему все казалось мало. Какое-то блаженство охватило его душу. Он посмотрел на небо и увидел звезды. «Набрать бы в кепку звезд,—подумал он, но тут же остановил себя.—И что это я буйствую? В жизни такого не бывало со мной». Потом он подумал, что как хорошо жить на свете, работать, пока не свалишься от усталости, испытать удовлетворение от своей работы. И жить, какое это счастье — жить.

Вернувшись к машине, он остановился в недоумении, услышав какой-то шум, потом насторожился, прислушался.

— Масгут-агай!.. Не подходи!.. Кричать буду... Не надо, пусти!

«Да ведь это Раушания»,—подумал он, и кровь хлынула ему в голову.

Галимьян бросил цветы в кабину, в три прыжка очутился у домика и ворвался в него. Схватил в охапку Масгута, пытавшегося улизнуть, и швырнул его за печку. При слабом свете луны он разглядел на нарах Раушанию, в испуге прикрывавшую грудь руками.

«Ведь ты, Раушания, еще только весенний подснежник,—стучало его сердце,—беззащитный цветок, несущий людям радость. И никто не имеет права душить и топтать эту радость. И пусть острой болью отзовутся твои слезы в тех, кто осмелился запятнать твою чистоту!»

Галимьян постоял некоторое время в растерянности, затем поднял вместе с бушлатом сидящую на нарах девушку и вынес на улицу.

— Успокойся, Раушания. Никто не посмеет тронуть, пока я здесь. Не бойся!

Так приговаривая дрожащим голосом, успокаивая и ее и себя, он постелил ей в кабине и вручил свой букет величиной в сноп.

Потом Галимьян забрался в кузов, лег на брезент, положил под голову руки и закрыл глаза.

Но какой уж тут сон после всех этих событий. И вдруг его поразила одна мысль. Оказывается, он нигде и никогда прежде не встречал эту девушку, которая показалась ему знакомой. Просто такую же он видел в своих мечтах.

Растревоженный своим открытием, Галимьян уставился в небо, где мерцали звезды. Звездам-то что, думал он, их не волнуют ни радости, ни горести людей, ни заботы их, ни тревоги...

Так с открытыми глазами он и пролежал всю ночь. Когда над лесом стало светлеть, мир наполнился соловьиным пением. На вершине гор белой шляпой висел туман.

Галимьян встал и сошел на землю. В кабине спала Раушания, и Галимьяну вдруг захотелось погладить ее по волосам. На правой щеке у нее он увидел родинку, которой прежде не замечал.

Боясь разбудить девушку, он отошел в сторону. На душе у него было легко и радостно. Ехать еще рано, и он отправился побродить в лесу до восхода солнца. Когда он повернул обратно и глянул вниз на дорогу, то заметил там автобус. Наверно, дорога просохла и движение автобусов возобновилось.

Из-за горы выкатилось солнце, красное, похожее на половинку арбуза. Его лучи сверкнули на крыше автобуса, который уже приближался к маленькому домику, где они ночевали.

Вдруг он заметил, что к дороге кто-то бежит и машет рукой. У Галимьяна неожиданно сжалось сердце. Он узнал Раушанию. Автобус остановился, забрал девушку и покатил дальше.

— Ну что ж, так будет лучше, — прошептал Галимьян вдруг пересохшими губами и поплелся к своей машине, едва передвигая ноги.

Потом он сидел в кабине, ожидая, когда встанет Масгут. В кабине ничего не напоминало о Раушании.

Как неожиданно появилась она, так неожиданно и исчезла. Будто первый теплый майский дождик.

Вскоре подошел Масгут и крикнул бодрым голосом, как будто ничего не случилось:

— Доброе утро, Фарвазов!

Галимьян не ответил, подождал, пока тот заберется в кабину, и тронул машину. «Даже не стесняется», — с горечью подумал он.

Масгут и вовсе успокоился, видя, что крепкие кулаки шофера разжались и мирно лежат на баранке. Он стал жаловаться:

— Ну, Фарвазов, и смазал же ты мне вчера. Все еще голова трещит. Я же хмельной был, сам понимаешь... — Галимьян не возражал и даже не взглянул на механика. — Так стукнуть своего товарища, ни за что ни про что. Я ведь не знал, что у тебя в голове. А если бы знал, разве стал бы поперек дороги.

Тут Галимьян так посмотрел на Масгута, что у того мурашки поползли.

— Хоть капля-то совести есть у тебя? И как ты можешь с такой легкостью топтать чужое счастье, негодяй? — процедил Галимьян сквозь зубы.

Но Масгут не думал сдавать своих позиций.

— Вот ты, Фарвазов, — усмехнулся он криво. — Ты не обижайся, я тебе прямо скажу. До чего ж ты простой и наивный человек, если не сказать, дурак. Ты еще молодой и многого не понимаешь. Не умеешь жить. Чудак человек. Год, как из армии пришел, а в хлеву у тебя ни одной скотины не прибавилось. Другой бы на твоём месте... А-а, да что там говорить!

«До чего ты простой и наивный человек...» — повторил про себя Галимьян и презрительно усмехнулся. Ему не хотелось не только спорить, но и вообще разговаривать с Масгутом, такое отвращение он к нему испытывал после вчерашнего случая. Он отвернулся и высунул голову из кабины. Но это несколько не обескуражило его соседа, и тот продолжал:

— Чудак ты, Фарвазов, ей-богу, чудак. В теперешние времена по-другому не то что жить — и дышать надо. Без этого нельзя. Я тебя не понимаю. Если бы у меня была такая силища в руках, как у тебя? Я гово-

рю об этой пташке, что с нами ехала. Ты ее пожалел, а она раз — и улетела, ни спасибо, ни до свиданья. И больше ты ее никогда не увидишь. И в жизни так — бери, что в руки само идет. Только так и можно хорошо прожить.

Видя, что шофер совсем не слушает его, Масгут умолк.

До Белорецка добрались только за полдень. Когда проезжали мимо базара, Масгут сказал сладким голосом:

— Фарвазов, ты уж сам погрузишь там кровельное железо, вот тебе накладные. У меня тут есть одно небольшое дело, останови-ка.

И он, забравшись в кузов, начал выгружать свои мешки.

«Похоже, что этот человек не привык зарабатывать трудом, — подумал Галимьян. — Откуда же у него, интересно, эта мука? И с мельником о чем-то шептались. Уж не колхозная ли мука?»

Закончив дела и погрузив кровельное железо, Масгут выехал в обратный путь. Проехал немного и вдруг увидел на дороге девушку с поднятой рукой, притормозил и опешил от неожиданности:

— Раушания!

— А я знаю твое имя, Галимьян-агай, — сказала девушка, лукаво улыбаясь.

— Откуда ты знаешь?

— А на твоём бушлате стояла надпись. Слушай, у меня есть к тебе разговор.

Галимьян, как всегда, широко улыбнулся:

— Раушания, не говори мне «агай», ладно? Ну так что за секреты у тебя?

Девушка начала торопливо рассказывать, глядя прямо в его приветливые глаза:

— Никакой старшей сестры у меня тут нет. Есть только знакомые. И я не в гости сюда приехала, а на работу устраиваться. Говорят, новый завод тут строится. Я хочу тоже строить, своими руками. А секрет у меня вот какой. Мама хочет, чтобы я училась, а я хочу работать. Школу я окончила только этой весной. Ну вот, дома сказала, что еду учиться. Конечно, нехорошо обманывать. Но я потом все расскажу маме, она не обидится. Просто мама боится, что я останусь необразо-

ванной. Но ведь учиться я всегда успею. Как ты думаешь, Галимьян?

Тот с упоением слушал ее.

— Верно, Раушания,— сказал он.— Ты очень хорошая девушка.

— Галимьян, а ты не можешь остаться? Работы же много.

Раушания опустила глаза.

— Нет, Раушания, я не могу уехать из колхоза,— он взял руку девушки в свои.— И у нас ведь идут большие стройки. Новую больницу строим, библиотеку. Школу двухэтажную заложили... Айда-ка к нам, Раушания, поехали.

Раушания рассмеялась и покачала головой.

— А ты еще когда приедешь сюда? — спросила она.

— Вот уж не знаю. Может быть, через неделю, а может, через месяц. Нам нужно не только кровельное железо, а и всякие другие материалы, например, провода для электрификации строящихся ферм. Так что...

Раушания прыгнула с подножки и протянула ему руку.

— До свиданья, Галимьян.— И, постояв в нерешительности, добавила, улыбнувшись:— А твой начальник на базаре муку продает, только пыль столбом.

Галимьян тронул машину, хотя ему жалко было вот так расставаться с Раушанией. Но он видел в зеркальце, что девушка все еще стоит на дороге и машет ему рукой.

Наконец остались позади высокие трубы завода и подъемные краны, Галимьян выехал за город. На душе было у него спокойно. Он знал, что еще вернется в город и встретит Раушанию, девушку своей мечты.

Зуляля

Зуляля — соседская девчонка, моя ровесница. Наши дома разделяет только забор. Но когда-то был плетень, а в плетне калитка. Так что если надо по каким-то делам к соседу, пожалуйста, самая короткая дорога — через калитку.

Я частенько пользовался этой калиткой, повадился за репой, видно, соседская казалась мне слаще. Поэтому, наверное, Хайри-агай и разобрал однажды плетень, поставив вместо него дощатый забор. Только уже без калитки. Когда ему говорили, что ж ты, мол, так наглухо отгородился, Хайри-агай удрученно разводил руками — забыл, памяти совсем не стало.

В те годы Зуляля была еще совсем девчонкой, этакой попрыгуньей-растрепой. «Ты не Зуляля, а сумалья¹», — дразнил я ее при каждом удобном случае.

И вот этот кузнечик, попрыгунья, прошло совсем немного лет, вдруг поразила меня. Если бы я знал, что она такой будет, я бы ни за что не стал дразнить ее. Если бы знал...

Выросла Зуляля, вытянулась, как белый тополек. И когда она успела так перемениться? Длинные черные ресницы, брови вразлет, щеки будто наливные яблоки, вишневые губы. Как взглянет на меня Зуляля, откинув со лба волосы, я так и вспыхну весь, как листок бумаги в огне. Чувствую, что краснею весь до кончиков ушей, и от этого, кажется мне, еще ярче выступают злополучные веснушки на моем лице. Ох уж эти веснушки! Ох уж эта Зуляля, соседская девчонка, с лицом,

¹ Сумалья — копна.

будто омытым лунным сиянием, с гибким и тонким станом, она уж не забудет пройтись насчет моих веснушек.

Хоть теперь и нет калитки между нашими домами, но когда что-либо нужно, Хайри-агай, вытянув шею, зовет меня. А я в такие минуты ног не чую. Перемахиваю через высокий забор, будто за мной гонятся волки. Даже старик качает головой, мол, ну парень, ловкости тебе не занимать.

Как-то вечером Хайри-агай привез воз сена. Вижу, до темноты им не управиться, не убрать сено под навес. Летом зеленое сено хоть и кажется легким, словно пух, но на самом деле оно увесистое, лишка на вилах не поднимешь.

Я подумал, подумал да и направился к соседу.

— Давай-ка, Хайри-агай, помогу вам, все равно делать нечего,— а сам смотрю на Зулялю, которая загадочно улыбнулась при моих словах.

— Вот молодец, сосед, что пришел на подмогу,— обрадовался Хайри-агай. — А то ведь я и сам хотел уж звать тебя. Да еще лошадь надо отвести, распрячь.

Меня уговаривать не надо, я живо вскарабкался на копну сена под навес, и пошла работа. Хайри-агай кидает мне сено с воза, а я хватаю и мечу его к Зуляле.

— Осторожнее, медведь, совсем завалил!— смеется Зуляля. А я начинаю двигаться проворней, чтобы еще раз услышать ее голос, ее смех, который похож и на звон ручья, и на нежный звук колокольчиков под дугой, когда тройка несется вскачь.

А Зуляля уже по пояс в сене, завалил ее совсем, но и не думает сдаваться, просить пощады.

Между тем Хайри-агай освободил телегу, велел нам самим завершить копну, и выехал из ворот.

Копну мы завершили, когда светлый горизонт уже потемнел и на небе мерцали слабые звезды. Из-за горы выплыл месяц и остановился.

На вершине копны сидит Зуляля, натянув подол платья на свои колени.

— Ну, как я теперь слезу? — спрашивает она у меня.— Иди неси лестницу.

— Вот еще, ночуй там, а утром принесу.

— Тогда я сейчас возьму и спрыгну,— обещает она, наверно, чтобы испугать меня. Но мне совсем не страшно, а наоборот, весело.

— Ну и прыгай.

— Значит, ты так.

— Так.

— Ну постой же.

Зуляля стала медленно сползать с копны. Сердце у меня невольно екнуло: «Ну сейчас и грохнется, да еще ногу сломает».

Я прыгнул и успел подхватить девчонку, и мы оба свалились на мягкое, душистое сено. Сердце мое будто остановилось, замерло. Зуляля тоже притихла в моих объятиях. Но вдруг освободилась, вскочила и, часто дыша, проговорила:

— Тоже мне парень, даже меня не смог удержать. А ведь я как перышко.

Усмехнулась и ушла в избу. Вот какое дело приключилось у меня с соседской девчонкой.

Зуляля любит выращивать у себя бальзамин, и мне кажется, нет красивее этих цветов. Они так и горят розовым, красным, желтым.

Иногда среди цветов на подоконнике вдруг мелькнет улыбающееся лицо Зуляли, а я уже совсем потерял из-за нее голову, кричу:

— Ты и сама как цветок бальзамина!

В ответ Зуляля показывает мне язык и смеется. Потом, напевая негромко, начинает поливать цветы. О чем она поет? Слов мне никогда не удавалось разобрать, но я знаю, чувствую, что ее песня самая прекрасная, самая задушевная.

Хотя Зуляля и улыбается мне из окошка, и шутит со мной, и смеется, но при встречах она совсем другая. То делает вид, что не замечает меня, то, завидев меня, обходит стороной. Я ничего не понимаю и удивляюсь. Значит, все дело во мне, в этих моих веснушках, будь они неладны. Неужели она тянется не ко мне, а только к солнцу, как и ее цветы?

Но вот пришла пора сенокоса, и мы стали ездить за реку Нугуш косить. Что может быть лучше сенокоса для нас, подростков?

Я люблю косить размашисто, под самый корень, чтоб на лугу не оставалось ни травинки. Поэтому как-то

получилось, что я отстал от других косцов и даже не заметил этого, не заметил, как девчонки за моей спиной чему-то смеются. Но обернулся случайно, гляжу, Зуляля ко мне идет. Что-то она скажет?

— Ну-ка я сама пойду за ним,— говорит она беспечной Хадиче, которая стоит, опираясь на косьевище, и ко мне:— Давай, веснушечка, двигай!

Я наточил косу и пошел, Зуляля за мной, на пятки наступает. И дух перевести некогда, спина взмокла, руки ломит.

Из-под косы выскакивают кузнечики, вспархивают мотыльки, где-то чирикают невидимые птицы, но мне не до них. В ушах будто звучит нежная, неповторимая мелодия, сердце замирает от счастья. Ведь Зуляля идет за мной.

Назад я оглянулся, когда дошел до конца луга. Оказалось, что все, кто шел за мной, далеко отстали. И кто-то поет. Да ведь это же... Зуляля поет:

Когда вспархивает соловей,
Ивушка колышется;
Горит мое сердечко,
Когда забудусь, думая о тебе.

Вот она подошла совсем близко, остановилась и глянула на меня. Взгляды наши встретились, длинные ресницы ее опустились...

Когда пришел вечер и солнце стало заходить, мы пошли домой. Зуляля отказалась садиться на телегу вместе со всеми, я, мол, пойду стороной, ягод пособираю, хоть посм костяники. И ушла одна.

Сердце мое дрогнуло, смотрю на дорогу пристально, будто потерял там что-то драгоценное, а колеса все катятся и катятся, увозят меня от Зуляли. Не вытерпел, соскочил с телеги.

— Что-то ноги затекли,— объяснил я товарищам,— пройдуся маленько.

— Давай жми, весноватый, на всех парах, а то не догонишь! Но-о!

И косцы с хохотом укатили на телеге. Я не обижаюсь, тороплюсь по следам Зуляли, которая ни разу не оглянулась, знай себе шагает. Кончился березняк, прошли старые высокие тополя, кусты калины с ярко-красными гроздьями ягод, вошли в густой тальник, а Зу-

ляля все не оборачивается. Будто ей и невдомек, что я иду за ней.

Скоро должны выйти к броду. И вдруг Зуляля исчезла. «Убежала,— с горечью подумал я.— Значит, не хочет со мной встретиться. Ясно как день. Да и зачем ей это нужно?»

Как в воду опущенный, неторопливо спускаюсь к реке, срываю машинально цветы и тут же выбрасываю, под ногами шуршит галька. Вот и брод. Тут совсем мелко и раздеваться не надо. Едва ступил в воду, кто-то, прыснув, потянул меня за руку. Не кто-то, а Зуляля! Глаза горят, волосы, словно черный бархат, свешиваются на грудь. Смеется, заливается.

— Неужели ты бы оставил тут меня одну, весноватый?

Ну а я как вкопанный едва смог пробормотать:

— Да нет.

— Уже темнеет, а я одна боюсь,— сказала Зуляля, села на землю и подогнула ноги.— Перешла бы вброд, да ноги собьешь, столько камней.

Я был все-таки обижен на нее, ни разу не обернулась, потом спряталась, и теперь еще неизвестно, какую штуку выкинет, поэтому сказал:

— Иди через мост, в обход.

И тут же подумал с дрожью в сердце: «А вдруг уйдет?»

Но Зуляля так глянула в мои глаза, что у меня закружилась голова.

Потом сказала с усмешкой:

— А ты перенеси на руках.

И будто жизнь моя после этих слов потекла быстрее в два раза, а силы утроились. Я поднял Зулялю на руки и шагнул в ручей.

— Ой, уронишь,— нежно прошептала Зуляля и крепко прижалась ко мне, обхватив руками за шею. Слышу на щеке своей ее дыхание, волосы щекочут мое лицо. Такого со мной еще не бывало, да, наверное, и не повторится никогда.

На середине реки поскользнулся на камне, но устоял. И тут Зуляля поцеловала меня своими жаркими губами. И я ее стал целовать, чуть не плача от счастья и бормоча:

— Бальзамин ты мой, бальзамин...

А она шептала между поцелуями:

— Весноватый... веснулька, солнышко мое, свет мой ясный...

На берегу она выскользнула из моих объятий и убежала. Мелькнули на повороте развевающиеся волосы ее, смуглые ноги. И я остался один у брода. Солнце садилось, и лучи его теплые нежно прикасались к моим щекам, будто ласковые руки Зуляли.

Красавица

В один из августовских дней, когда над полями струится едва уловимое знойное марево, у зернового тока деревни Нурлыкуль остановилась новая машина с чужим, незнакомым номером. Из кабины никто не выходил, хотя через переднее стекло и была видна чья-то голова.

У заведующего током, давно уже не отрывавшего глаз от машины, лопнуло терпенье, он отшвырнул расколотую лопату в угол амбара и прямо через автовесы направился к приезжему.

Вчера вечером председатель колхоза сказал, что из города на помощь идут машины, а одна из них должна быть у них. Уж не та ли это машина? Если та, то почему шофер не выходит из кабины? Тут дорога каждая минута. День вон какой сухой да жаркий. В такие дни комбайны обмолачивают хлеб без передышки, и днем и ночью. Зерно отвозить не успевают. Хотя успели бы, только вот машин не хватает.

С такими справедливыми мыслями заведующий током постучал в кабину.

— Салям настоящим мужчинам!

— Привет!— шофер вылез из кабины.— Я вот что скажу, плохо вы встречаете гостей.

— Так мы ведь еще не знаем, то ли ты гость, то ли кость,— он бесцеремонно оглядел шофера с ног до головы. Внешность того ему не понравилась: долговяз, медлителен, с тонкими надменными губами и крутым лбом.

— Да... — протянул он и подумал: «Парень не находка. Нашли кого послать».

Шофер насторожился.

— Что «да»? Небось не понравился?— обидчиво сказал он, открыл капот машины, поковырялся там и с шумом захлопнул. Дескать, если я вам не по праву, дорога рядом, а машины сейчас везде нужны. Заведующий током, наверно, так и понял его жест.

— Ладно,— сказал он дружелюбно.— Ты действительно к нам?

Шофер, казалось, не обратил никакого внимания на вопрос. Он внимательно осмотрел заведующего, и ему понравились хитро прищуренные глаза, остро торчащие усы и весь облик человека бывалого.

— Янтимер,— протянул он руку.— Тансыккужин.

— Сибагат...

Этот парень начинал ему нравиться, видно, первое его впечатление было ошибочное. Они посмотрели друг другу в глаза, как будто хотели сказать: «Ну вот, теперь я тебя знаю, и ты меня знаешь. Об остальном договоримся».

Янтимер положил руку на плечо заведующего:

— Не годится называть вас просто Сибагатом, вы ведь не мальчишка. Как зовут отца?

У Сибагата от удовольствия рот растянулся до ушей.

— Ну ты, парень, видно, неплохой,— сказал он, хлопнув шофера по спине.— Я сын Гаты. То есть Сибагат Гатаевич.

Янтимер тут же его поправил:

— Не Гатаевич, дядя. Это звучит некультурно, несовременно. Ты Сибагат Гатич. Понял? Лучше ведь?

— Пожалуй, неплохо,— согласился тот, наклонив голову, как бы прислушиваясь к своему новому отчеству.

— Вот так, Сибагат Гатич, кем же ты тут у нас?— Шофер раскинул свои длинные руки в сторону тока.

— Я заведу током, Янтимер, как тебя дальше-то?

— Тансыккужин!

— Да, браток Янтимер Тансыккужин. То есть товарищ Янтимер Тансыккужин.

И оба громко рассмеялись, довольные друг другом.

— Ну поехали?— спросил шофер, забираясь в кабину.

— Куда?— не понял тот.

— Вот это здорово? Куда же ведут гостя прежде всего? Конечно, в гостиницу.

— Гм... У нас еще нет гостиницы, товарищ Тансыккужин.

— Тогда на квартиру. Мне все равно. Не привыкать.

— На квартиру? Это можно. Вечером все приготовим как следует. Если хотите чайку выпить...

Янтимер, возившийся с чем-то в кабине, услышал только последнее слово.

— Я ведь, Сибагат Гатич, и зарубите это себе на носу, вообще не пью за рулем.

— Нет, нет, я ведь насчет чаю.

— Чай можно. Айда на квартиру, надо же оставить багаж.

Шофер нажал на стартер. Сибагат засуетился.

— Тогда подожди минутку.

И он побежал в сторону тока. Янтимер с улыбкой наблюдал за движением его хомутообразных ног. Он подумал, что, наверное, этого заведующего сразу же после рождения посадили на бочку, оттого у него и ноги колесом. Вскоре вернулся и занял место в кабине рядом с Янтимером. Тот не удержался и спросил:

— Вы, Сибагат Гатич, не служили в кавалерии?

— Почему?— не понял заведующий.

— Да так,— улыбнулся Янтимер.— Куда поворачивать?

— Направо, направо, товарищ Тансыккужин!

Шофер закурил.

— Хорошо бы найти квартиру получше. И чтоб без этих... четвероногих.

— Собаки у них нет.

— Я о клопах.

Заведующий отмахнулся от табачного дыма:

— Клоп, браток, э... Тансыккужин, бывает о шести ногах. Их теперь найдешь разве что в музее.

Его слова поразили Янтимера.

— Иди ты!— удивился он и крепко хлопнул заведующего по колену.— А я думал, что они четвероногие. Ну и дурак. Наверно, про таких говорят: век живи, век учись. Вот уж верно, надо быть ближе к природе.

И они оба расхохотались на всю кабину. Потом, когда стали сворачивать в переулок, Янтимер таинственно произнес:

— Гатич, сам знаешь, я ведь человек холостой...

— Будет, будет...

— Что будет?

— Да уж я вашего брата хорошо знаю, как тебя там, товарищ Тансыккужин.

Сибагат щелкнул пальцами.

— Ну и как, хороша она?— у шофера загорелись глаза.

— Хороша — не то слово, прелесть! Во!— Сибагат выставил большой палец.— Хоть сейчас женись!

— Да ну?

— Если хочешь знать,— тут заведующий повернулся к шоферу,— смело можно жениться и не глядя на нее. Дуй в сельсовет и говори, мол, зарегистрируйте брак с такой-то, и не ошибешься.

— Даже так?

— Клянусь хлебом.

Они остановились около большого дома с дощатым забором. Янтимер дал длинный гудок.

— Так полагается у дома красивой девушки,— пояснил он удивленному заведующему.— Пусть знают, кто приехал.

Из калитки показалась женщина лет сорока. Она вытерла руки о передник и спросила:

— Как доехали?

— С ветерком,— сказал Янтимер, сам открыл ворота и заехал во двор.

И хозяйка, и заведующий удивились такому маневру. Сибагат вынужден был шепнуть женщине: «Товарищ Тансыккужин очень принципиальный человек, у него багаж». Потом он обратился к шоферу:

— Багаж-то помочь выгрузить?

И заглянул в кузов, но там ничего не было. Янтимер подал ему портфель:

— Пожалуйста, мой багаж.

— И это все?

— Осторожнее с моим портфелем. Там ценные вещи лежат.

— Господи, как бы не пропали, чего доброго!— перепугалась хозяйка.

— Не пропадут. Там книги «Тысяча и одна ночь», десять томов. Обычно я читаю в дождливые дни. Начнешь читать, не оторвешься.

Сибагат никогда не слышал о такой книге. Он с уважением посмотрел на Янтимера.

— О чем книга, товарищ Тансыккужин, если, конечно, не секрет?

— О! Красавицы великого Востока! Они знали...

— Что они знали?

— Как развлечь мужчину. Вот, например, Шахризада, чтобы ей не отрубили головы, ночи напролет рассказывает сказки о любви. Да и ты расскажешь, если не захочешь умирать, любой расскажет. Так ведь?

— Так, так,— согласилась хозяйка. Она с интересом слушала городского гостя. Но тут закипел самовар, и хозяйка кинулась к нему, чтобы унести его в летнюю кухню. Янтимер загородил ей дорогу:

— Давайте уж я сам, женщина не должна поднимать такую тяжесть.

Он схватил самовар и понесся на кухню. Все это подняло авторитет хозяйки в глазах заведующего. Парень окончательно ему понравился.

Выпив чаю, все встали с мест. Янтимер, оглянувшись по сторонам, толкнул Сибагата в бок:

— А прелесть?

До того, видно, не сразу дошло:

— Какая «прелесть»?

Шофер нахмурился. Он изобразил руками вокруг своей головы нечто вроде платка. Заведующий с улыбкой кивнул, мол, понимаю, и обратился к хозяйке:

— Сагида-апай, э-э... где же ваша Аниса?

Хозяйка удивилась:

— Вот тебе на! Разве она не на току?

— Да, да,— смешался Сибагат.— То есть я хотел спросить, на обед домой она приходит?

— Иногда приходит, если успевает. Говорит, что работы много. Машины идут одна за другой, едва успевает принимать.

— Теперь будет по-другому,— сказал заведующий.— Теперь и у вас машина.

Он хотел хлопнуть Янтимера по плечу, но не дотянулся и поэтому подхватил под ручку.

— Точно, Сагида-апай, вместе на обед будем приезжать,— сказал Янтимер. За дровами съездим, если надо, за калиной. Прошое лето жил у одних, так часто в лес ездили. Сломался комбайн, пока чинят, я в лес.

Сагида-апай проводила гостя до машины. Подошли, а в кузове полно ребятишек.

— Кыш! Кыш! Слезайте, пострелята!— стал прогонять их Янтимер, но Сибагат остановил его:

— Не трогай.

— Сагиды-апай дети?

— Да. Братья Анисы.

— Значит, той самой прелести,— повеселел шофер.— Крепче держитесь, блохи. Поехали.

Когда подъезжали к току, Сибагат усмехнулся:

— Пусть знают, шельмы. Может, за рулем сидит их зятек.

— Факт,— сказал шофер, и оба от души рассмеялись. У Сибагата даже слезу вышибло от смеха.

— Вон видишь комбайн на горе, туда и поезжай,— сказал он, поспешно выбираясь из кабины.— Если заблудишься, ребятишки покажут.

А сам подумал: «Как бы этот долговязый не пристал, чтоб я ему дорогу показывал. Я и так уж на него убил время».

Янтимер любил прокатиться с ветерком. Он отлично водил машину. С детства мечтал о шоферской работе. Мечта сбылась. На работе его уважали. Ездил быстро, но со знанием дела, толково, за машиной ухаживал, как за младенцем нянька. Когда за рулем, ничего на свете для него не существует. И глазом моргнуть не успеешь, а Янтимер уже съездил, сделал дело. Язык общий найти умел с кем угодно. Такого шофера поискать да поискать...

Заведующий током вышел из амбара и увидел, что Янтимер уже возвращается с зерном. «Ловок да расторопен»,— подумал он и вернулся в амбар. Почему-то ему не хотелось встречаться с шофером.

Янтимер между тем плавно въехал на автовесы, дал гудок. Из окошечка будки, которая притулилась около автовесов, выглянула желтоволосая девушка. Она проницательно и в то же время чуть насмешливо глянула на Янтимера, выпятив пухлые влажные губки, стала ждать дальнейших действий неизвестного шофера.

Тот не мог скрыть своего восхищения. Уставившись во все глаза на весовщицу, невольно воскликнул:

— Ого-го-го!

— Что значит «ого»?— спросила девушка и вышла из будки. Тот окинул взглядом ее складную фигурку и улыбнулся.

— Красавица! Ну и красавица!— сказал Янтимер и подмигнул ей. Однако это ее нисколько не смутило. В ответ она тоже подмигнула. Это Янтимеру понравилось. «Значит, дело выгорит»,— подумал он.

— Янтимер Тансыккужин, — сказал он, протягивая из кабины свою длинную руку.

— Ха! Не слишком-то уж ты желанный,— рассмеялась она, ударив его по ладони и намекая, что его имя происходит от слова «желанный».

«Дело выйдет»,— с удовлетворением подумал Янтимер.

— Где выгружать?— спросил он.

— Где хочешь.

— Как это так «где хочешь»?

— А вот так, «желанный»! Ха-ха!

Янтимер включил скорость.

— Как тебя зовут, красавица?

— Много будешь знать, быстро состаришься.

— Согласен состариться, только вместе с тобой. Эх! Жаль только, обещал другой девушке.

Он собирался было назвать эту девушку, но, видя, что его слова заинтересовали желтоволосую, решил подразнить ее.

— Кто же это?— иронически спросила она.

— И не спрашивай, все равно не скажу.

— Наша нурлыкульская?

— Конечно.

— Кто же все-таки?

— Сначала скажи, как тебя зовут.

— Ладно, и так узнаем. Такие вести быстро доходят.

— Неужели уже рассказал?— опешил парень и даже привстал на месте.

— Кто?

— Ваш заведующий. Сибагат Гатич.

— Гатич? Ха-ха! Нет, еще не успел.

Янтимер посмотрел на часы:

— Ну ладно, голубушка, вечером договорим, после работы,— сказал он деловым тоном.— А тебя я буду звать Красавицей.

— Постой.— Девушка поднялась на цыпочках и увидела в кузове ребяташек.— Ты зачем их возишь? А ну марш отсюда! От какого комбайна взял зерно? Ты ведь только что выехал?

— Да от обоих комбайнов,— улыбнулся Янтимер.
— А та, другая машина?
— Художник? Остался в слезах.
— Какой художник?— изумилась девушка.
— Какой, какой... Рембрандт! Ну и нашел себе имечко. Да уж не этот ли и приударяет за тобой, а?

Девушка покраснела.

— А тебе какое дело?

— Не бойся, больше он тебя не станет беспокоить.— Янтимер показал кулак.— Рембрандт Аюпов, ну и ну. Комбайны простаивают, а он в конце загона разбирает реле. Ну дал я ему...

— Неужели ударил?

— Подарил запасное реле, красавица!

Сзади просигналила машина. Янтимер сорвался с места, с ходу наехал на автопрокидыватель, выгрузил зерно в люк и тронулся в обратный путь.

— Вечером после работы приходи на берег озера!— крикнул он на ходу, вспомнив про единственное место в деревне, которое успел хорошо приметить.

Женщины на току не успели и поболтать о новом шофере, как тот уже вернулся с полным кузовом зерна.

— Художник все еще сидит, копается,— объяснил он,— так что приходится успевать за двоих.

Автопрокидыватель был занят. Пользуясь свободной минутой, Янтимер вошел в будку вслед за девушкой.

— Да ведь это ханский дворец,— сказал он, подходя к весовщице, которая записывала что-то в тетрадку.— Значит, твое имя Красавица? Лучше и не назовешь, очень даже подходит к тебе. Если б я был помоложе.

— А ты уже успел состариться?— рассмеялась она.

Янтимер подумал, что теперь она в его руках, и обнял девушку. Та попыталась освободиться, но это было ей не под силу. Поняв это, весовщица крикнула довольно визгливо:

— Потихе, дьявол! У меня на груди булавка, еще уколешься!

Янтимер отпустил ее.

— Бедненький желанненький!— сказала она насмешливо.— Чего ты здесь вертишься, если даже булавки испугался.

— Один — ноль, Красавица, — сказал Янтимер и поспешил к машине. — В твою пользу!

Работа продолжалась до полуночи. До росы комбайны домолотили валки ржи, только потом остановились. На другой день собирались молотить горох.

На квартиру Янтимер приехал очень усталый. Половину дня он возил зерно от двух комбайнов. Тот парень по имени Рембрандт (отец его, неудавшийся художник, дал сыну это имя) лишь вечером отремонтировал свою машину.

Когда Янтимер подъехал к дому, Сагида-апай ждала его, готовила чай. Но он не стал дожидаться чаю, выпил кружку молока и растянулся на широких нарах в летней кухне.

— Почему в дом не заходишь? — допытывалась Сагида-апай. Тому захотелось зайти, чтобы увидеть девушку, которую расхваливал Сибагат, но он отказался.

— Устал, Сагида-апай. Завтра зайду.

Но, пролежав некоторое время, он почувствовал, как тут душно. Поэтому прихватил одеяло, вышел во двор и полез на лабаз. Пахло сеном, воздух был свеж, душист. Едва лег, уснул.

Проснулся рано утром. Рядом кто-то тихонько смеялся. Он открыл глаза, приподнял голову и увидел Красавицу, которая расчесывала волосы. Янтимер не поверил своим глазам, лег и снова поднялся.

— Неужели это ты? — сказал он.

Девушка опять рассмеялась.

— Явилась к тебе во сне, — пошутила она. — Что ж ты, Желанный, пригласил меня на озеро, а сам не пришел. Я поднялась к тебе сюда, а ты не услышал.

— Шутишь, — сказал он, но, увидев подушку и одеяло, понял, что и она спала здесь, на лабазе. Почесал затылок. — Да-а...

— Что «да»?

— Вспомнил, как тебя зовут. Аниса.

А сам подумал: «Какое совпадение. Красавица и Аниса — одно и то же лицо».

Аниса стала прогонять его вниз:

— Иди скорее на кухню, а то мама увидит, попадет обоим.

От этих слов веяло какой-то близостью. У них была своя тайна.

— Иду, Аниса, иду.

— Теперь это место твое. Я буду спать дома. Я ж не знала, что ты сюда полезешь.

— Спугнул,— пробормотал Янтимер, пробираясь со своим одеялом на кухню. Странное чувство испытывал он. И грустно ему было и хорошо.

Когда, заправив машину, он приехал на ток, Сибагат уже был там.

— Ну, товарищ Янтимер Тансыккужин, как прошел первый день?— спросил он. У Янтимера настроение было отличное, он таинственно улыбнулся:

— Ночь прошла куда лучше дня, Гатич.

У того от любопытства аж задвигались усики.

— Да что ты?— произнес он недоверчиво.

— Точно.

— Шутишь.

— Спроси у самой,— Янтимер кивнул в сторону будки у автобусов. Заведующий засомневался:

— Да ведь она еще не пришла.

— Эх, Гатич, Гатич, я думал, что ты умнее.

— Не может быть,— у Сибагата округлились глаза, и он быстро оглянулся на колхозных шоферов, стоявших поодаль.— Выходит, ты очень опасный человек. Но об этом никому не рассказывай, товарищ Тансыккужин!

— А зачем скрывать? Сейчас расскажу ребятам.

— Нет, нет, об этом им лучше не знать,— Сибагат подмигнул.— А то знаешь, у каждой красавицы свои почитатели.

— Неужели художник? Вчера, когда помогал ему почистить реле, он на что-то такое намекал.

— Ты об Аюпове говоришь?

— Ну да, о вашем Рембрандте.

— А что поделаешь, если он втюрился в Анису?

— Ну-ну, пускай он теперь поосторожней. Красавица моя. Сегодня утром на лобазе слово дала.— И, решив, что уж если врать, так врать, добавил негромко:— Знаешь, Гатич, что сказала? Я вечно твоя, желанный. На всю жизнь.

Янтимер вообразил этот миг, придуманный им, и даже глаза закрыл от нахлынувшей вдруг теплоты.

Это не могло не повлиять на Сибагата. Но ему хотелось узнать подробности.

— На лобазе, стало быть, спали?

— Сказал же,— рассердился Янтимер, сам не зная отчего.

— Вместе?

Тут Янтимер увидел Анису, которая торопливо шагла к току.

— Да вон она идет. Спроси у нее, если мне не веришь. Эй, Красавица! Долго спишь! Понравился тебе мой сеновал?

Та показала кулак и скрылась в будке, словно боясь получить замечание от заведующего за опоздание.

— Вот так, Гатич,— задумчиво сказал Янтимер.— Ладно, поговорили, и хватит. Теперь не худо бы навестить и комбайнеров. Есть у меня один недостаток — не люблю бездельничать.

Сибагат посмотрел на него и покачал головой.

— Ну и дела,— пробормотал он, пытаясь представить себе дальнейшие события, которые могли произойти очень скоро.— Сегодня на горох, Янтимер, на горох.

— Ну что ж,— сказал тот,— будем сегодня варить гороховый суп.

Работа шла хорошо в этот день. Горох до того уродился, что комбайны не успевали пройти и половину поля, как бункера заполнялись доверху. Слава богу, машины поспевали вовремя. Из шнека в кузов сыпалось тяжеловесное чистое зерно.

Янтимер до обеда успел сделать больше рейсов, чем колхозные водители. Стихийно разгорелось соревнование. Никто из шоферов даже на минуту не хотел останавливаться.

Но вот наступил обеденный перерыв. Женщины, устроившись поудобнее на куче гороха, судачили о том, о сем. Некоторые время зря не теряли: вязали детские носки, варежки.

Но вот шоферов позвали к заведующему, зачем, непонятно. Впрочем, никто у него долго не задерживался. К Янтимеру, который доливал воду в радиатор, подошел сам Сибагат.

— Добрый день, товарищ Тансыккужин,— начал он с широкой добродушной улыбкой.— Пошли, зайди на пять минут.

Янтимер воспринял приглашение без особого энтузиазма.

— А что я там оставил у вас?

— Да так. Лекция на пять, десять минут. Пришел агитатор.

— Пусть читает, раз пришел. Я-то здесь при чем?

— Ты-то, конечно, ни при чем. Да вот из-за тебя и остальные шоферы стараются улизнуть, раз ты не заходишь.

— Пусть бегут, мне-то что?

— А лекция?— растерялся заведующий.

— Кто читает?

— Да тут один,— нахмурился Сибагат, давая понять, что и он не одобряет этой затеи с лекцией в такое горячее время.

— Если он плохой лектор, не пойду,— сказал Янтимер, открывая дверцу кабины. Шоферы, стоявшие около амбара, внимательно следили за ним.— Пусть ставит птичку и уходит, мол, лекция прочитана, все в порядке.

Сибагат, понимавший, что мероприятие срывается, пошел на хитрость. Он шепнул на ухо Янтимеру:

— Да ведь я не о том. Что лекция? Там тебя ждет Аниса. Видно, соскучилась.

— А-а, Красавица! Тогда другое дело.

— То-то и оно, товарищ Тансыккужин.

И Сибагат, хитро улыбаясь, ушел в амбар. Янтимер причесался и, что-то напевая, двинулся за ним. Шоферы повалили в амбар. Собралось порядочно народу. У самых дверей стоял Рембрандт Аюпов.

— Как настроение, художник?— мимоходом спросил Янтимер.

— Нормальное.

Янтимер отыскал Анису, которая сидела на мешках, и устроился рядом.

— Вот и я тут, Красавица!— сказал он, искренне радуясь встрече.

Аниса немного отодвинулась в сторону. Янтимер за ней, сел поближе.

— Сиди спокойно,— сказала девушка, видимо стесняясь женщин, которые внимательно наблюдали за ними. Да и Рембрандт посматривал на них довольно сурово.

«На людях, конечно, неудобно»,— подумал Янтимер и, откинувшись назад, стал играть косой девушки. Аниса ничего не почувствовала, но другие все видели.

Между тем началась лекция. Тема — пожары и борь-

ба с ними. Было скучно. Янтимер не вытерпел и вышел, махнув рукой.

Тут он вспомнил, что надо поставить машину на контрольные весы. Вообще-то после каждого рейса взвешивают машину с зерном, но три раза в день на контрольные весы ставят пустую машину. Это как раз было дело Анисы. А тут эта лекция, приходилось ждать. Но подобие лекции, оказывается, уже закончилось. Народ расходился из амбара.

— Аниса!— позвал Янтимер. Но девушка не отзывалась. Он заметил, что люди около амбара чему-то смеются, и направился туда.

Аниса с художником Рембрандтом Аюповым барахтались на ворохе зерна. Люди шумели, подзадоривали:

— Аниса, не сдавайся!

— Рембрандт, ты что это там внизу?— хохотал заведующий. Увидев Янтимера, он осекся, но все еще его трясло от смеха. Янтимер спросил у соседа:

— Что это за аттракцион?

— Да вот, Рембрандт поспорил, что поцелует Анису.

— Поцелует?— сердито сказал Янтимер и шагнул было вперед, но стоявшая рядом женщина одернула его за рукав:

— Не маячь перед глазами. Невеста же, пусть поцелует.

— Невеста?!— оторопел Янтимер. Между тем Рембрандт сумел поцеловать Анису. Все одобрительно зашумели:

— Молодец, Аюпов!

— Какой позор, рот-то поганый табачищем пропах!— сказала Аниса, оправляя платье и вытирая тыльной стороной ладони свои пухлые губы. Кто-то из толпы крикнул:

— А вечером небось сама целуешь!

Аниса хоть и делала вид, что сердита, но на самом деле была довольна. Что накатило на Янтимера, трудно сказать, ревность не ревность, обида не обида, но он коршуном налетел на бедного Рембрандта, схватил его за шиворот:

— Ты что, художник, решил потешиться?

И он поднял кулак. Люди застыли в изумлении.

— Ой, Тансык!— крикнула Аниса, стараясь удерживать Янтимера.

— Аттракцион устроил, художник!

И мощным ударом свалил худенького Аюпова на ворох зерна. Все ахнули, но никто не сказал ни слова.

— Сынок, он же шутит, он не смеется,— принялась увещевать Янтимера какая-то женщина.— Где уж у нас смеяться над девушкой. Разве можно? Это ведь шутка, ради веселья. В деревне так заведено, нам уж нельзя без шутки. Это тебе не город, где все ходят с поджатыми губами.

Янтимер давно заметил, что Аюпов каждый раз при встрече с Анисой улыбался ей. Янтимеру это не нравилось, и сейчас он был удовлетворен своим поступком, хотя и чувствовал, что где-то не прав. Силой тут ничего не докажешь.

И он пошел к своей машине, пригрозив Сибагату, прятавшемуся за зерноочистителем:

— А ты, Сибагат Гатич, не натравливай человека на человека, особенно в рабочее время.

Тот промямлил:

— Товарищ Тансыккужин, это же игра...

— Вовсе не игра. Тут не обошлось без твоих рук. Шутки шутишь, а о работе не думаешь. Заведующий...

У Сибагата задрожали усы. Но все кончилось миром. Было как-то непонятно, серьезно говорит новый их шофер или неуклюже шутит. Снова раздался смех. Женщинам особенно понравилось «Гатич».

— Гатич, какое решето поставим?

— Гатич, мне перейти на горох?

— Гатич! Гатич!— то и дело слышалось вокруг.

У Янтимера было мягкое сердце, отходчивое, да и сам он понимал, что совершил бестактность. Он остановил Аюпова, понуро шагавшего к своей машине, и положил руку к нему на плечо:

— Ладно, старик, не дуйся. Всякое в жизни бывает. Придумал же такое, бороться с девушкой, да еще при людях. Унизил ты себя, художник, ей-ей, стыдно. Ну да ладно. Хочешь я тебе дам новый генератор?

Потом он сел в машину и поехал в поле. Шоферам понравилось, как он ловко проходит рытвины, повороты.

— Можно бы сказать, что шариков у этого парня не хватает,— проговорил кто-то из колхозных шоферов,— а есть чему у него поучиться.

Второй возразил:

— За деньгами гонится.

— Нет, не из-за денег. Есть в нем какая-то искренность.

— Компанейский.

— Что правда, то правда. Вчера тому же Рембрандту отдал реле, когда машина отказала. Да и сейчас, видит, что у того не ладится с зарядкой, отдал новехонький генератор. Попробуй-ка найди такой.

Шоферы разошлись. Рембрандт тоже уехал, даже не посмотрев в сторону Анисы.

Вечером, вернувшись из очередного рейса, Янтимер выгрузил зерно и подошел к Анисе.

— Салют, Красавица! Как дела?

Аниса чувствовала, что у парня добрая душа, хотя он и чудит иногда.

— И сегодня ты привез больше всех,— улыбнулась она.— Поздравляю тебя, Тансык.

— Об этом потом. Поди-ка сюда!— поманил он пальцем. Он уже знал от шоферов, что она действительно собирается замуж за Рембрандта. И сейчас, глядя на нее, он подумал: «До чего ж красива! Просто прелесть. Пусть будут счастливы. Я еще встречу свою, мало ли на свете хороших девушек...»

И, однако, так было тяжело на сердце, так почему-то обидно. Хоть он и делал вид, что все ему трын-трава.

— Ну что ты скажешь?— Аниса встала на подножку машины.

— Я тебя жалею, Красавица,— сказал Янтимер и вдруг умолк, как-то вдруг задохнулся, потерял голос. Взгляды их встретились. Аниса покраснела.

— А ты меня не жалеешь,— сказала она, глядя в сторону.— Я не из тех, кто нуждается в жалости.

Янтимер некоторое время молчал, раздумывая над ее словами. Потом безразлично кивнул головой и неохотно, с трудом заговорил:

— Я тебе вот о чем хотел сказать, Аниса. Там мы закончили подбирать горох. Комбайны уже ушли. А художник... остался пить водку. Машина не разгружена.

Аниса внезапно переменилась в лице:

— А с кем он? Ты не врешь?

Янтимер помрачнел, включил скорость.

— Слезай тогда с машины!— сурово произнес он. Аниса поняла, что обидела парня.

— Прости, Тансык. С кем он там, скажи, пожалуйста.

— А ты... ты не бросишь художника?— тихо спросил он, хотя где-то в душе ему как раз больше всего на свете хотелось этого.

Девушка покачала головой, нет, она его не бросит.

— Поехали скорее, Тансык,— сказала Аниса и вдруг всхлипнула.

— Поехали,— согласился он.

— С кем же он?

— С водовозом. Мне тоже предлагали, да я не остался. Зачем-то вылили воду из фляг.

Ярость преобразила лицо Анисы, и Янтимер невольно отметил: «Особенно хороша, когда сердится».

Из кабины уже девушка крикнула заведующему, который маячил неподалеку:

— Сибагат-агай, побудь тут за меня, я скоро вернусь!

Янтимер помахал Сибагату рукой и подумал, что зря он на него накинулся в обед, в сущности это неплохой человек.

— Гатич, пока!— крикнул он. Заведующий улыбнулся, увидев их обоих в кабине. «А неплохая вышла бы пара»,— подумал он.

— Желаю удачи. Передам Сагиде-апай, чтобы пекла блины.

Когда Янтимер и Аниса добрались до опустевшего горохового поля, уже смеркалось. Они увидели машину Аюпова, а рядом конягу, запряженную в телегу.

— Ты уж не брани художника,— сказал Янтимер.— С кем не бывает.

Аниса молчала, поджав губы. Подъехали и остановились. Те насторожились, увидев Анису, но вид беспечно улыбающегося Янтимера успокоил их.

— Приехали, а у нас уж все кончилось,— сказал Рембрандт и пнул пустую бутылку. Водовоз ухмыльнулся.

— Может, у нашего гостя найдется?

Аниса медленно подошла к ним и стала открывать крышки фляг, в которых оказался горох вместо воды.

— Это на суп женушке,— смущенно хихикнул водовоз.

И в следующее мгновение Янтимер опешил. Аниса

и слева и справа стала хлестать по щекам бессмысленно улыбающегося художника.

— А теперь высыпайте обратно!— прикрикнула она. И бегом побежала к машине Янтимера.

Выехали на дорогу. Видно было, как те двое принялись высыпать горох из фляг обратно в машину. Потом водовоз сел на телегу и погнал в деревню.

«Все погубил,— расстроился Янтимер.— Говорили, что очень любят друг друга». Он повернул к току, но молчавшая до сих пор Аниса тронула его за плечо:

— Там твой Гатич сам взвесит и примет. Поехали купаться на озеро.

Янтимер обрадовался, хотя ему и жалко было незадачливого Рембрандта: «Кажется, все у них кончено». А душа ликовала, чувства заглушали голос рассудка — теперь Аниса с ним. Он вспомнил слова Гатича: «Хоть сейчас в сельсовет, можно жениться не глядя».

Они с удовольствием выкупались в прохладной воде озера. Усталость как рукой сняло. Янтимер не мог глаз отвести от девушки. Все в ней было совершенно, красиво, и он вообразил ее своей женой. «Завтра же предложу. Если согласится, тут же женюсь».

В этот миг он забыл и о Рембрандте, и о Сибагате, обо всем на свете и понял, что без Анисы свет ему будет не мил.

Когда подъехали к воротам тока, Аниса повернулась к Янтимеру. Глаза ее искрились смехом и лукавством.

— Тансык,— сказала она. — О сегодняшнем никому ни слова, хорошо?

— Ладно,— улыбнулся Янтимер. Она спрыгнула на землю и обернулась к нему:

— Ты пробудешь до следующего выходного?

— Пробуду, а что?

— Тогда я тебя приглашаю на нашу свадьбу!

И она убежала к своей будке.

Янтимер долго сидел неподвижно в своей кабине, будто его оглушили дубиной по голове, потом пробормотал с грустной улыбкой: «Вот тебе и женился на красавице. Жених».

Он стукнул кулаком по баранке и тронул машину. Так быстро он, наверно, никогда не ездил, как будто собирался убежать от своего чувства, от Анисы. Но разве убежишь от любви?

Марфуга

Марфуга дошла до развилки двух дорог и остановилась в растерянности. Какая же дорога идет в деревню Хазину¹? Девушка посмотрела по сторонам, но вокруг лишь беззаботное белое поле, на котором хозяйничает протяжно-плаксивая свадьба поземки. Для пустого поля все равно, есть ли на свете девушка, одиноко мерзнувшая сейчас посредине степи, или нет ее...

День уже клонится к вечеру. Ветер набирает силу. Марфуга чувствует это сквозь пальто и трясется от каждого прикосновения зимней стужи. И ноги стали крепко зябнуть. В кончиках пальцев часто-часто неприятно колет. Не в валенках отправилась в дорогу, а в теплых сапогах. Но эти сапоги хороши лишь в городе, и любой мороз не страшен, когда бегаешь по магазинам да, выходя из троллейбуса, пересаживаешься в подошедший трамвай. Но в степи... Впрочем, откуда она могла знать, что погода неожиданно испортится.

Марфуга хорошо понимает, что нельзя ей так долго стоять в раздумье. У зимы особый нрав, свои законы... Если засветло не дойти до деревни, можно превратиться в сосульку посредине поля. А ночью и не пытайся искать спасительную дорогу. Безнадежно. Особенно в чужих краях. Если бы не было Хуснуллы, если бы он не позвал ее к себе, она бы даже и не знала, что существует на свете эта деревня. «Хазина... Какое интересное название!.. Но все же по какой дороге идти?» Марфуга раньше не интересовалась этим, так как Хуснулла писал, что от станции до деревни ходит автобус.

¹ Х а з и н а — клад (башк.).

Надеялась легко добраться до Хазины. Представляла себе: она, Марфуга, выходит из автобуса, в руке маленький чемоданчик. Она хорошенько принарядилась. На голове норковая шапка под стать воротнику пальто. Выйдя из автобуса, осторожно сделает несколько шагов и, улыбаясь, посмотрит вокруг. Пусть все видят, какая она нарядная и красивая. Хуснулла сам учил ее этому. Впрочем, не совсем учил, а просто попросил. Присылал письмо за письмом, уговаривая приехать... И вот он, Хуснулла, подбежит к ней, обнимет и, подняв высоко, радостно закружит. Вдобавок он (Марфуга верит в это) постарается поцеловать, но Марфуга ласково оттолкнет парня: «Потом, дорогой. Разве не видишь, сколько людей вокруг нас». Но Хуснулла все равно не сдержит себя, обнимет за пояс и поцелует хоть в щеку...

Но что будет потом, Марфуга не представляла. Для нее был важен сам факт приезда. И кто же мог подумать, что вдруг начнется буря и автобус, шедший в Хазину, повернет обратно. Может, и Марфуге стоило вместе с другими пассажирами остаться в теплом автобусе? Но как-то не подумала она об этом и вопреки предупреждениям других ушла пешком, помахивая сумочкой. Гравийная дорога прослеживалась четко, в крайнем случае можно было ориентироваться по кустикам полыни вдоль шоссе. А ухабистые места занесло снегом довольно глубоко, их-то и не мог одолеть автобус. Девушка шла очень легко. После оттепели и затем сильных морозов на прошлой неделе поле блестит как стеклышко. Расстояние шесть километров, ну разве это много для девушки?

Но Марфуге и в голову не приходило, что дорога может раздвоиться. Наконец-то, после долгих раздумий, она неуверенно пошла по левой развилке. Пройдя немного, остановилась и оглянулась назад. Ладонями потерла озябшие щеки, дыханием согрела пальцы. Почему-то ей теперь казалось, что в Хазину ведет другая дорога, правая. «Нет, надо повернуть обратно».

Девушка вернулась на развилку. От сомнения и бессилия на глаза навернулись слезы. «Как же это я не велела Хуснулле меня встретить?» — казнила она себя. Постучала мерзлыми сапожками друг о дружку. Уже порядочно стемнело. И тут растерянную Марфугу заставил вздрогнуть шум трактора. На душе у девушки

потеплело. Брызнул свет фар. Они, как размахиваемые в темноте горящие лучинки, то вспыхивают ярко, то тускнеют. Видимо, трактор идет быстро, не сбавляя хода на ямах.

«Куда повернет трактор? — с надеждой смотрела Марфуга на приближающиеся огни.— В Хазину? Лишь бы повернул туда!.. Наверное, тепло у него в кабине...» Девушка поправила прическу, вытерла слезы. Стараясь унять дрожь, взобралась на высокий сугроб на обочине дороги.

Поравнявшись с Марфугой, трактор остановился, вздрогнув как разгоряченный конь, которого круто осадили. Дохнуло то ли паром, то ли дымом... Распахнулась дверца кабины, и показалась голова в замасленной шапке. Она с изумлением разглядывала незнакомую девушку.

— Голубушка, неужели решила замерзнуть? В такой-то день!— спросил он, попыхивая папирсой.

— Ох, нельзя мне замерзать,— ответила Марфуга, стараясь не показывать, как сильно она замерзла. Но как ни пыталась она казаться веселой, голос предательски дрожал.

К трактору прицеплены сани с дощатыми бортами. Открылись уголки большого брезентового полога, которым накрыты сани, и раздались голоса.

— Ну что там торчишь, садись, и так опаздываем! — крикнули ей.

Марфуга обрадованно собралась было сесть в сани, но остановилась, услышав, что остается ехать еще двадцать километров.

— Вы не в Хазину едете?

Тракторист с досадой швырнул папирску на снег.

— Давно надо было сказать... Мы ведь в другую сторону...— и он газанул, как бы собираясь двинуться дальше.— В Хазину-то вон, направо!

Кто-то из сидевших в санях крикнул:

— Я-то думал, что парень на дороге, раз в шапке, но оказывается, девчонка.

Спрятавшиеся было за полог головы высунулись вновь.

— Действительно...

— Смотри-ка, смелая!

И тракторист вновь открыл дверцу.

— Барышня, как ты сказала, куда идешь?

— Да в Хазину я шла...

Какая-то женщина из пассажиров с недоумением спросила:

— За кладом, что ли?

Все дружно засмеялись.

Марфуга замялась. Та же женщина, что спросила о кладе, сказала, жалея:

— Садись к нам, доченька. Завтра, когда буря утихнет, вернешься в свою деревню.

— Доберется ли она до Хазины, если не будет попутчиков, ведь тридцать километров напрямую,— засомневался мужчина с хриплым голосом.

И тогда другой мужчина, до сих пор молча наблюдавший за происходящим, в неопущенном малахае, обратился к трактористу:

— Что, дружище, может, довезем до Хазины? Оставлять девушку в поле...

Сразу все умолкли. Тракторист кивнул в сторону саней, как бы говоря, что ему все равно, решайте, мол, сами. Увидев это, все разом загудели:

— Конечно, жаль девчонки, но и у нас дорога длинная...

— А я сказал домашним, что вернусь сегодня...

— Ах ты!— воскликнула единственная в санях женщина.— Подоили ли мою корову, ведь никого не предупредила.

А хриловатый голос поддел того, в неопущенном малахае, мужчину:

— Ты, браток, раз такой молодец, сам и проводи сестренку. А завтра после бурана пешедралом пройдешь тридцать километров.

— Ха-ха!..

— Ему бы сказать спасибо, что самого посадили.

— А что, браток, вместе и будете искать клад. Хи-хи!

— Давай шуруй, я на свадьбу спешу!— крикнул мужчина с хриплым голосом трактористу.— Этот молодец сам чужак. Никто не знает, куда он едет. Вместо благодарности...

В тот же миг на сугроб, к ногам Марфузы, упал портфель, затем спрыгнул сам мужчина. Он молча махнул трактористу, езжайте, мол...

Пассажиры в санях, видимо, не ждали, что так по-

лучится, расшумелись... Трактор рванул вперед, и очень скоро рокот утих вдали.

— Искандар,— назвался мужчина, протянув Марфуге руку. Зло сверкнули глаза, он еще раз обернулся вслед удаляющемуся трактору, взял из рук Марфуги сумочку, молча, крупными шагами двинулся вперед.

А девушка от неожиданности растерянно стояла, все глядя на широкую спину незнакомого человека. Он шел не оглядываясь. И у него на ногах только ботинки. В одной руке — портфель, в другой сумочка Марфуги. Идет себе, размахивая ими. Со стороны это кажется смешным. Марфуга с недоверием отнеслась к этому человеку, назвавшемуся Искандаром. Особенно смутили вспыхнувшие глаза... «Не похоже, чтобы был из порядочных». Действительно, кто без тайного умысла в такой ненастный вечер выпрыгнет из трактора, чтобы проводить незнакомую девушку? Возьмет да пристанет, даже крик не поможет! Кто услышит в пустынном поле и придет на помощь?

Марфуга отчаялась. Даже забыла, что сильно замерзла. Идти за Искандаром или нет? Или все же идти, но на большом расстоянии?

Пока Марфуга решалась, Искандар успел отмахать порядочно. И хоть бы раз обернулся назад! Тут Марфуга вспомнила деньги, что лежали в сумочке. Привыкла она все деньги носить с собой. И если он драпанет в сторону, предварительно очистив сумочку? Очень может быть. Мало, что ли, тех, кто только и думает о наживе. Марфуга, сама того не замечая, рванулась вперед. Смотри-ка, смотри, кажется, что-то делает, остановившись... Неужели в самом деле копается в ее сумочке? Марфуга, перепугавшись, озиралась по сторонам. Но... Лишь пустынное поле, которое постепенно тонет в белом мареве. Крик тоже не поможет. И почему она не предупредила Хуснуллу, чтобы встретил?! Мог бы и приехать на станцию...

Поравнявшись с Искандаром, она остановилась как вкопанная, поняв, что обманулась... Мужчина, оказывается, возится с малахаем, развязывая верхние тесемки. Портфель и ее сумочка в целости и сохранности лежали рядом на снегу.

— Ну, красавица, почему отстаешь?— спросил Искандар, улыбаясь.— Неужели устала?

Марфуга осторожно приближалась, не зная, верить его улыбке или нет. «В случае чего — надо кусаться». Заиндевевшее лицо мужчины вроде посветлело. Почти сросшиеся широкие брови, глаза, которые то и дело мечут молнии, острый нос, крутой лоб, толстые губы. И то, что мужчина держал себя свободно, уверенно, — чувствовалась в нем скрытая сила, которая непроизвольно рождала в Марфуге чувство восхищения. Но... Ведь в книгах именно так рисуют злоумышленников. И, чтобы все же не показать свои опасения, ответила уверенно:

— Устать-то не устала...

Искандар нахлобучил малахай до самых бровей.

— Как твое имя, красавица?

— Марфуга...

— Марфуга? Прекрасное имя, древнее... Все же, Марфуга, подойди ближе, ты же заморозила щеки. Для девушки это не годится, девушка должна быть красивой.

Искандар снял перчатки. «Вот сейчас начнется», — эта мысль обожгла мозг девушки. У нее сразу же ослабло под коленями. Поняв, что бессильна сопротивляться, закрыла глаза. Горячее дыхание Искандара коснулось кончика носа. Вот он одной рукой обнял ее за шею. Другой ладонью, пахнувшей табаком, коснулся ее щек. Марфуга обмерла и открыла рот, чтобы крикнуть...

— Ну, ну, Марфуга, потерпи, скоро пройдет, — сказал Искандар, и щеки девушки обожгло снегом.

Долго тер Искандар ее лицо. Когда Марфуга открыла глаза, он смотрел на нее, широко улыбаясь.

— Вот и все...

— Спасибо, — именно это слово, кажется, сказала Марфуга, потрогала лицо. Девушка постепенно успокоилась и открыто посмотрела на Искандара. А тот все еще тихо смеется. «Не такой уж он старик, молоденький мужчина».

— А сейчас мы сделаем вот так, — Искандар развязал свой длинный шарф и как маленькому ребенку обмотал им рот и нос девушки, а концы связал сзади.

— Не надо... — начала отказываться Марфуга.

— Стой спокойно! — оборвал ее мужчина. — Тепло костей не ломит...

— А вы?

— Я мужчина, потерплю...

С этими словами Искандар взял Марфугу за руку.
— Сейчас будем бежать во-о-н до того черного пятна. Ладно?

Марфуга кивком головы согласилась. Ей неожиданно стало весело.

Бежали долго, пока не запыхались, затем перешли на шаг. Марфуга чувствовала, как по телу разливается тепло. И ноги, кажется, не зябнут. Хоть и сгустилась темнота, она ничуть не боялась. Ибо шагавший рядом Искандар безостановочно рассказывал о забавных вещах. Марфуга даже упрекнула себя за то, что раньше плохо подумала о нем. «Если бы вместо Искандара был Хуснулла!» — размечталась Марфуга. Тогда не было бы счастливее ее человека, наверное. Стал бы Хуснулла тоже тереть ей снегом лицо? Стал бы и даже поцеловал бы! А этот мужчина... Марфуга, стыдясь своих мыслей, искоса взглянула на Искандара. А тот, почувствовав это, улыбнулся.

— Согрелась?

— Теперь согрелась, — искренне ответила Марфуга, и между ними легко вновь завязался разговор.

— То-то! А была сама не своя...

«Тебя испугалась», — подумала девушка, но ответила:

— Это оттого, что замерзла... А вы не жалеете, что покинули трактор?

— Ну что теперь вспоминать об этом? Нельзя же было оставить тебя одну.

— Те же уехали...

— Ну и что?.. И среди них есть неплохие люди.

— Видимо, у каждого было срочное дело. Они так спешили...

Искандар повернулся к Марфуге и стрельнул глазами.

«А у меня не было дела?» — вопрошал взгляд.

Девушка, покраснев, склонила голову.

— Дело есть у каждого, сестричка, — сказал он с прохладцей в голосе. — Никто без дела не шатается... Но только в последнее время в деревнях много стало таких, кто прячется в собственную скорлупу. Во всем достаток... И деньги и хлеб гребут лопатой. Перед их домом стоит легковая машина, на огороде электрический насос для орошения, в доме газ, холодильник, теле-

визор... Все есть! Живи и радуйся! Но духовный мир? Вот что волнует меня... Безразличие к чужому горю, к чужой радости. Безразличие и равнодушие... И на саях были такие!

Искандар умолк. Буран все усиливался. Приходится идти полусогнувшись, иначе и шагу не шагнешь. Марфуга чувствует, что начинает сдаваться, но виду не подает. Идет рядом с Искандаром.

— Сколько еще до Хазины?— спрашивает Искандар.

— Не знаю...

— Погоди-ка, неужели впервые идешь туда?

— В первый раз.

— Ну, сестричка Марфуга,— шутит Искандар.— Смелое у тебя сердце.

Не может же она сказать: «Вызвал Хуснулла, мы поженимся». И говорит совсем иное:

— Понадеялась на автобус.

— В такую мерзкую погоду автобус разве доберется до Хазины. А к кому идешь? В гости?

— Сестра переехала в Хазину,— девушка соврала, даже не моргнув. И, как бы извиняясь, про себя торопливо прошептала:— Иду к любимому, после института послали в эту самую Хазину, должен отработать три года. Потом переедет в Уфу.

— А-а,— кивнул головой Искандар.— Значит, вышла замуж за парня из этой деревни. Правильно?

Марфуга вместо ответа только улыбнулась. Искандар продолжал расспросы.

— Сама где живешь?

— В Уфе.

— В Уфе?! Смотри-ка, я ведь тоже там живу. Вот так встреча!

Искандар в первый раз громко расхохотался. «Подходяще для его богатырской фигуры»,— невольно подумала Марфуга и добавила:

— Работаю на швейной фабрике.

— А я инженер. В республиканском объединении «Сельхозтехника».

Так, разговаривая, они дошли до перелеска. Здесь буран не так лютовал. Зато кругом глухая темень. Дорогу занесло. Теперь даже трудно сказать, что она гравийная. Правильно идут они или нет? Лишь бы не заблудились.

Пройдя некоторое расстояние, они остановились.

— Так, так, — проговорил Искандар. — Видимо, прошли километра три-четыре. Определим-ка теперь направление...

Марфуга испугалась, не заблудились бы. Промолчала. Снова начала дрожать. Мерзли икры ног. Надо бы их потереть, да неудобно перед мужчиной.

— В четырех километрах должно быть подобие деревни из трех-четырех домов. Остальные, как я слышал, переехали в Хазину, — сказал Искандар, подняв воротник. — Ты не знаешь?

Девушка чувствует, что Искандару ответ вовсе не нужен, а спрашивает, чтобы отвлечь ее от нерадостных дум.

— Не... знаю... — вымолвила Марфуга. У самой задрожали губы.

— Не замерзай, потерпи немного, — подойдя ближе, он обнял Марфугу за плечи. — Постой-ка, постой, ты же вся дрожишь... Нехорошо. Давай-ка я согрею тебя... — Искандар распахнул пальто. Обняв девушку сильными руками, прижал к груди и запахнул полы. Марфуга уткнулась лицом в шерстяной теплый свитер и успокоилась. Вскоре перестала дрожать. Ей стало тепло. Искандар потихонечку качал ее, как маленького ребенка. Марфуга ощутила резкий запах мужского пота, исходящий от его тела, но и это новое ощущение было неожиданно приятным для нее.

...Снова шли. Оба порядком озябли. Наконец-то, почти наткнувшись на какое-то построение, увидели чуть мерцающий свет. Подойдя ближе, убедились, что это был свет от керосиновой лампы, горевшей в маленьком, как баня, доме. Оба облегченно вздохнули.

— Дошли, — сказал Искандар, отряхиваясь.

— Хазина, да? — и Марфуга в мыслях уже была у порога дома, где живет Хуснулла. Но Искандар, взглянув на нее, лишь хитро улыбнулся.

— Да, Хазина... Сейчас к твоей сестре в гости зайдем, — пошутил и тут же серьезно добавил: — Это один из четырех домов, оставшихся после переселения. Но дальше не пойдем...

Марфуга хоть и очень хотела добраться до Хазины, но не могла не согласиться с Искандаром, поняв, что

дальнейший путь в такую ночь — чистое безумие. Вдобавок очень устала и замерзла.

Постучали в окно.

Дверь открыла старуха. Она с лампой в руках оглядела путников и, не узнав их, отошла чуть назад.

— О боже, чужие странники, — проговорила она. — Давайте раздевайтесь... Совсем ведь окоченели... В такой буран-то... неужели пешком идете?

— Да, инэй¹, пешком. Еле-еле добрались до вас. — Искандар помог Марфуге снять пальто. — Хорошо, что вы не переехали в Хазину, а то куда бы податься нам...

На вид старухе не больше шестидесяти, но волосы белые-белые, как ковыль. Она быстро сняла с гвоздя платок и накрыла голову. Глаза живые, а морщинистое лицо приятное.

— Да, не стала я переезжать, — сказала старуха. — Прожила жизнь тут, здесь похоронен мой старик, здесь хранятся следы моих детей. Как я брошу все это? Сельсовет все уговаривает: переезжай, новый дом поставим, но ноги не тянут меня на новое место. Положенное прожито, слава аллаху, немного осталось...

Инэй пытливо взглянула на вошедших.

— Что это я словами вас угощаю, — торопливо ушла на кухню. Послышалось позвякивание посуды. Скоро перед Искандаром легли высокие подшитые валенки.

— На, сынок, обуи жену, совсем посинела, бедная, — сказала старуха и сама вновь ушла на кухню.

Марфуга с Искандаром переглянулись. Улыбнулись. От слова «жена» Марфуга смутилась, покраснела.

Когда девушка обула валенки, которые были выше колен, она показалась себе очень смешной. Но была она довольно приглядна и грациозна. Искандар исподтишка любовался ею. И черные, как деготь, длинные волосы, аккуратно уложенные на голове, тонко прочерченные брови, прелестный подбородок, мелкие ровные зубы, длинная белая шея, даже гибкая походка и гордая осанка — все это стало открытием для Искандара. Но вскоре отчего-то его восторженное лицо погрустнело. Марфуга это не могла не заметить. В свою очередь она тоже изучала своего спутника. Искандар, оказывается, настоящий богатырь. И лицом пригож, и фигу-

¹ И н э й — бабушка (башк.).

рой удался. Особенно нравилось девушке, как он твердо стоял на земле. «Быть бы и Хуснулле таким», — невольно подумала девушка.

А тут инэй позвала их к самовару. В доме очень тесно. В горнице одна деревянная кровать, маленький стол, ближе к двери, у окна скамья, два стула. Кухня — это просто площадка перед печкой, огороженная досками, поодаль — узкие дощатые нары. Да и других вещей не густо. Кроме нескольких подушек, двух одеял, повешенных на жердь под потолком, настенных часов с кукушкой и двух рам, полных фотографий под стеклом, глазам не на чем остановиться. Впрочем, зачем этому дому дорогая мебель? Зато хозяйка оказалась душевным человеком. Бегает, хлопочет вокруг стола. Марфуга не смогла усидеть на месте, пошла на кухню, чтобы помочь старушке. На столе выстроились сотовый мед, подмороженное топленое масло, курут и еще много лакомств. Тем временем Искандар рассматривал фотографии. Вот молодой человек в буденовке. Вот он же с женой. По ясным глазам можно догадаться, что это хозяйка дома в молодости. Правее портрет миловидной девушки, солдат... Большое семейное фото с детьми. Оно занимает четверть рамы.

Инэй неслышно подошла к Искандару и объяснила: этот, в шапке со звездой, мой старик. Эта — моя дочь, теперь замужем... Сын после армии учится в институте...

Искандар любовался каждой фотографией. А на кухне хозяйка вела разговор с Марфугой.

— Откуда идете, доченька?

— Из Уфы. Автобус повернул обратно...

— Понятное дело, буран... Куда же путь держите?

— В Хазину.

— Вот ведь все только и говорят: «Хазина, Хазина»... А меня ну нисколько не тянет клад искать...

— В гости.

— А-а, коли так, еще ничего... Муж где работает? Похож он на спокойного, понятливого человека. Начальник?

Марфуга медлит с ответом. Искандар это чувствует. Улыбается.

— Инженер. Зовут Искандар, — говорит она наконец глухим голосом.

— Нельзя не заметить,— рассуждает инэй,— что он на большой должности.

Вскоре медный самовар, попыхивая паром, перенесся на стол. В доме сразу стало уютней. Инэй, воркуя как голубка, стала потчевать гостей чаем с молоком.

Путникам стало неудобно. Инэй так старается, словно сама пригласила в гости, дожидалась их, не туша самовар.

— Ешьте, дети, ешьте,— уговаривает она, придвигая мед и масло к ним ближе.— Замерзли ведь. Мужчина, конечно, мужчина, терпит,— инэй повернулась к Искандару.— Но ты, дитя мое, мог бы и сказать жене, чтобы надела теплые чулки вместо тех, которые просвечивают. Эх, молоды вы очень...

Путники сильно покраснели. Марфуга крепко свела колени. Искандар попытался превратить все в шутку.

— Современные женщины, инэй, любят красиво одеваться,— сказал он и заговорщически подмигнул Марфуге.— Как говорится, модник не мерзнет, а дрожит...

— Да... В молодости все сходит с рук, вот когда стареешь...

Искандар, видя, как погрустнела старуха, спросил:

— Есть у вас корова, инэй?

— Корова, конечно, своя. Сено заготавливает сын, на всю зиму. А доить есть пока в руках сила. Вот говорю о сыне, если бог даст здоровье, после учебы приведет невестку, и заживем весело. А сейчас смотрю на вас и люблюсь. До чего же подходите друг другу. Глаза радуются... Как хорошо, что остановились у меня. А то целые недели сижу одна, не с кем словечком перекинуться. Раньше, когда электричество было, говорило радио, что висит в углу. Но колхоз решил больше не давать электричества, чтобы быстрее переселились. Теперь живем при свете керосиновых ламп...

Марфуга, поблагодарив, встала из-за стола. Увидев это, и Искандар перевернул чашку на блюде.

— Ах, ах... Почему так мало?— старуха искренно обиделась.

— Спасибо, инэй, согрелись,— сказал Искандар и, не зная, что дальше делать, отошел к стене. Марфуга быстро собрала посуду и унесла мыть на кухню. Старуха, перевернув чашку, прочитала короткую молитву и заспешила к девушке. Искандар еще раз пробежал гла-

зами по комнате. В доме только одна кровать. Ладно, в крайнем случае, он уйдет к соседям.

Пока он, выйдя во двор, курил, старуха постелила чистые простыни на кровати на двоих. Не успел он подумать: «Ты что же, старая, оставила себя без теплого одеяла», — как она достала из сундука стеганое одеяло потоньше и направилась на кухню. Марфуга, вышедшая после мытья посуды в горницу, тоже растерялась.

— Давайте, дети, не стесняйтесь, что дом маловат, раздевайтесь и спите, — слышался голос старухи. — Завтра утихнет буря, и, не торопясь, двинетесь дальше.

Искандар посмотрел на Марфугу, девушка — на него. Оба чувствовали себя неловко. Ее отчаяние отразилось на лице. Искандар ласково подтолкнул ее к кровати и обратился к хозяйке дома:

— Инэй, если ваши соседи недалеко, я у них переночую.

У приветливой старушки даже голос изменился, она вышла к ним, не пряча обиды.

— Ты что, сынок, раз старуха одинока, значит, можно обижать? — спросила со слезами в голосе. — Разве это важно, что дом маленький? Мне хватит места и там. Ложитесь, кровать такая просторная. Слава аллаху, будет и у нас большой дом. Когда сын вернется с учебы... Лишь бы душа была широка...

Искандар не решался больше продолжать этот разговор. Он мысленно сравнивал старуху с мужчиной, который на тракторных санях кричал, что торопится на свадьбу, и с уважением посмотрел на фотографии, висевшие под стеклом. Тем временем за перегородкой слышалось ровное дыхание заснувшей старухи.

Марфуга лежала, свернувшись под одеялом, словно зверенок, попавший в капкан. Искандар исподтишка посмотрел на нее, понял ее тревожное состояние.

— Сестричка Марфуга, я ведь не смотрю, разденься, ты ведь в гости идешь, — сказал глухим голосом. — Я буду сидеть спать, да и спать не больно хочу, — соврал он, а сам незаметно для девушки зевнул. Он вынул из портфеля бумаги, стал их читать, исправляя кое-где ручкой.

Марфуга успокоилась. Разделась. Пожалела Искандара. Сколько мук он терпит из-за нее... А что делает

Хуснулла в эту минуту? Спит? Может, в клуб пошел. А может, сидит дома. В одном из писем писал: «Не люблю сельский клуб; пляшут, подпрыгивая, по очереди, и — шабаш! Танцев не бывает...» Хуснулла — парень фартовый. В Уфе, когда бывали на танцах, танцевал, крепко обняв Марфугу за пояс. «Я должен всем телом чувствовать, что это ты», — приговаривал при этом. Его, конечно, не удовлетворяют деревенские пляски. Потом Марфуга прогнала из головы эти мысли. «Хуснулла хороший парень, я его люблю», — повторяла про себя. Все же Хуснулла не любит деревни. Зачем же тогда выучился на зоотехника? В каждом письме пишет про Уфу, как будто город медом обмазали. Марфуга же хоть с сегодняшнего дня осталась бы в деревне. Любит она деревенскую жизнь. В сельских жителях всегда чувствуется душевная чистота. Родная природа чего стоит! Да, работы тут хватит. Но Марфуга любит работать. Завтра сразу же станет она уговаривать Хуснулла остаться в деревне. Начнет он перечислять, что здесь газа нет и надо дрова заготавливать, да и скот надо держать. Но если Марфуга очень попросит, не станет сопротивляться. Пусть только попробует возражать. Марфуга не из таких, чтобы унижаться... Сколько парней отвергла, чтобы выбрать его.

Искандар осторожно оглянулся на притихшую девушку. Из-под одеяла виднелось ее плечо, перерезанное розовой ленточкой. «Заснула», — решил Искандар и встал, чтобы достать из портфеля газету и прикрыть лампу.

Размечтавшаяся Марфуга вздрогнула. Смотри-ка, она ведь совсем забыла о присутствии Искандара.

— Искандар-агай, ладно уж, не прикрывайте лампу, мне свет не мешает, — шепотом сказала она. — Мне уже расхотелось спать... — В эти минуты Марфуге совсем близким показался этот человек, который всего несколько часов назад был для нее совершенно незнакомым.

— Почему не спишь? — спросил он довольно сурово.

— За тобой наблюдаю, — ответила девушка, тихо рассмеявшись. Сама покраснела, поняв, что вдруг перешла на «ты». — Я... я сейчас встану, а ты ляжешь... По глазам видно, что устал.

Искандар улыбнулся, но не ответил. И не обернулся. Девушка даже чуточку осмелела.

— Искандар-агай, вы женаты?— задала глупый вопрос, первым пришедший в голову. Растерялась. Но Искандар сделал вид, что не заметил смущение девушки.

— Был женат,— спокойно ответил он. Это спокойствие как бы перекинуло между ними невидимый мостик доверия, и они шепотом повели разговор.

— Это почему... был... женат?..

— Развелись.

— Развелись?— У Марфуги широко раскрылись глаза. Вот с каким человеком разговаривает! Наверняка, изменял жене... И вновь смутилась от непривычных мыслей.

— А почему развелись, Искандар-агай?

Мужчина оторвался от бумаг, испытующе посмотрел на Марфугу, словно спрашивая, что, мол, ты понимаешь в таких делах.

— Считала, что я недостоин ее.

— Недостоин?!

— Да. Сказала, что не любит меня, и ушла.

— Сама ушла?

— Сама.

— А ты не сказал, чтобы осталась?..

— Нет, не сказал,— Искандар печально улыбнулся.

— Жаль,— сказала Марфуга после недолгого молчания.— А ты любил ее?

— Любил.

— Тогда я... не отпустила бы ее. Никуда!..

Искандар повернулся всем телом, посмотрел в бездонные, широко раскрытые глаза Марфуги, как будто впервые увидел девушку. Она же, испугавшись, быстро натянула одеяло до подбородка.

— Знаешь ли, сестричка Марфуга, в жизни есть святая вещь по названию — любовь. Она должна быть свободной, как птица, которая стремится обнять крыльями весь голубой небосвод. И эту птицу нельзя держать в клетке! Бесполезно... Или она умрет от невыносимой грусти, или будет расточать вокруг свое желтое горе. Раз так, зачем запирасть? Пусть летает на своем небосводе, оглашая мир радостью, пусть садится на вершины, избранные свободной душой. А моя жена... встретила свою первую любовь... Я и сказал: иди. Сказал: будь счастлива...

Марфуга молчала. Лежала, задумавшись. Искандар был возбужден. Душу, словно костер, перевероршил... Закурил сигарету и ушел на двор.

Марфуга вспомнила Хуснуллу. Любит ли он ее? А она, Марфуга, любит ли Хуснуллу? Внутренний голос как бы сказал: да, любит! Я люблю Хуснуллу,— твердо решила девушка и повернулась на другой бок. Зря, что ли, она стремится к нему, ведь Хуснулла настаивает, чтобы пожениться, раз так, почему бы и не любить его. Но где-то в сердце Марфуги что-то кольнуло.

Вошел Искандар. Он уже успокоился.

— Зовут в колхоз на работу,— глухо произнес он, как бы подытоживая сказанное.— Инженером. Ведь сейчас сельское хозяйство как выросло! Сколько техники на полях... А специалистов не хватает. Город проживет и без меня. Приеду, посмотрю и перееду. Уже давно меня тянет сюда...

С этими словами Искандар потушил свет. Задремавшая Марфуга будто сразу протрезвела. Укутавшись одеялом с ног до головы и оставив лишь щелку на уровне глаз, настороженно ждала: что он сделает дальше? А вдруг ляжет рядом? Ладно еще в доме есть старуха. Мужчины все одинаковы. В разговоре ведут себя прилично, а потом начинают приставать. Страшно!..

Марфуга вспомнила, как несколько часов назад он прижимал ее к груди. Казалось, кости затрещали. Тогда приятно было ей, ведь озябшая была. Девушка осторожно всмотрелась в темноту. Когда глаза привыкли, различила, что Искандар, прислонившись к оконному косяку, смотрит на улицу, на бушующий буран. Что-то жалко стало его. И как хорошо он сказал про любовь. Любовь, говорит, должна быть свободной, как птица, которая стремится обнять крыльями голубой небосвод... Такую птицу нельзя держать в клетке... Бесполезно...

Девушка начала дремать. Искандар все еще стоит у окна без движения. Слышно, как тяжело он вздыхает. «Станный человек»,— думает девушка. Глаза ее устало закрыты. Но все же в незатуманенном участке мозга пульсирует мысль: «Ждет, когда инэй крепко заснет, ждет удобную минуту. Надо быть осторожной...»

...Через какое-то время Марфуга почувствовала, что кто-то трогает одну из подушек. Девушка в ужасе от-

крыла глаза, мучительно пытаюсь проснуться. Слишком утомила дорога. Рассмотрев хорошенько, убедилась, что вторая подушка действительно тронута, но ее не взяли, так как на ней лежала рука Марфуги. Девушка вдруг вскочила. Должно быть, спала порядочно. Кажется, и небо посветлело. А где же Искандар? Вглядевшись пристально, увидела длинное тело, растянувшееся на дощатой лавке у окна. Рядом пристроил стулья. Только тогда поняла Марфуга, почему вторая подушка сдвинута. Искандар накрылся своим пальто, а под голову пристроил свои руки. Ноги, не поместившиеся на лавке, свесились на пол. Девушке стало жаль его. Хотел взять подушку, да раздумал, боясь разбудить ее. А Марфуга, словно байская дочь, лежит и на кровати, и на двух подушках.

В это время Искандар тихо простонал, старая лавка скрипнула под тяжелым телом. Марфуга быстренько нырнула под одеяло. «Не спит,— пронеслось в голове.— Нарочно выжидает...»

Действительно, вскоре Искандар встал. Закурив, осторожно вышел из дома. Послышалось его тихое покашливание. Марфуге казалось, что приближается момент, который пугал ее, съежилась, со всех сторон подоткнула одеяло, обняв колени, приготовилась к отпору, ждала...

В эти минуты вновь вспомнила Хуснуллу. Любит ли она парня? Да, любит. Но другой внутренний голос не поддержал, остался равнодушным. Марфуга немного полежала в ожидании этого голоса и, не дождавшись, сама прошептала: «Любит». Громкий стук сердца уже отдавался по всему телу. Искандар все не заходил. Было слышно, как он прохаживается под окном, поскрипывая снегом. Марфуга вновь мысленно начала беседовать с Хуснуллой. «Ты меня любишь, Хуснулла?»—«До самой смерти люблю, ты самая красивая девушка, в наших краях нет более пригожих, чем ты»,—говорит парень. «Я тоже,—шепчет девушка. Потом спрашивает: — Почему ты меня любишь?» — «Ты же красивая»,—отвечает Хуснулла. «А мой характер нравится?» — «Характер — это пустяк. Ты красивая. Ты самая красивая. Ты должна быть моей!»—горячо шепчет парень. У Марфуги закружилась голова. Прикусила губы, чтобы не расплакаться. Ей захотелось, чтобы Искандар поскорее

бы вернулся. Оказывается, при нем как-то спокойнее. Но дверь дома не открывалась.

Марфуга стала вспоминать такую же ночь год назад. Тогда Хуснулла только что защитил диплом. Несколько студентов-однокурсников собрались в общежитии, чтобы отметить это радостное событие. Любила ли до этого вечера Марфуга парня? До сих пор понять не может...

Вечеринка прошла весело. Была та пора, когда она встречалась с Хуснуллой просто так, ради интереса. И с другими она была в хороших отношениях. Но любила ли она? Вряд ли... До этого она только догадывалась, что такое любовь к парню. Веселье закончилось далеко за полночь. Товарищи разошлись. А Хуснулла не отпустил ее, сказал, теперь очень поздно, стыдно перед вахтером. Ложись, дескать, спи... И товарищи по комнате куда-то исчезли.

Выбора не было. Она легла на пустую койку и всю ночь не сомкнула глаз. Как и сегодня... Не спал и Хуснулла. Наконец парень не вытерпел, подошел к ней, обнял, повторяя иступленно, что любит, любит до смерти, что она должна принадлежать только ему... «Слышишь, дорогая, я ведь диплом защитил. Мне надо уехать, но я вернусь в город,— его горячее дыхание опьянило Марфугу.— Я люблю тебя... И никому тебя не уступлю. Знаю, ты красивая девушка, вокруг много парней увивается, но я до отъезда должен сделать тебя своей!.. Душа моя!...»

И в ту ночь Марфуга стала женщиной... Потом сама себя убедила, что любит Хуснуллу...

Вдруг открылась дверь. Нить мыслей у Марфуги оборвалась. Она в испуге посмотрела на дверь. Лежала, даже перестав дышать. Сердце колотилось бешено, готовое сломать грудную клетку.

Искандар, как только зашел, снял ботинки и лег на старую лавку. По комнате поплыл запах табака. Через некоторое время было слышно, как он спит и глубоко дышит. «Зря я напомнила о жене,— огорчилась Марфуга.— Поэтому много курит. Уже искурил три сигареты...»

Сколько еще так лежала, Марфуга не помнит. Она снова проснулась. Ее испуг исчез, словно смахнули ладонью. На сердце спокойно и приятно, будто качали его

в люльке. Она села, удивившись новому для нее легкому состоянию. В доме сильно похолодало. Искандар весь скорчился на лавке. Одна рука сползла на пол. Марфуга вспомнила слова о любви, сказанные вчера. Откинула одеяло. Осторожно спустилась на пол. Пол стылый, обжигает ноги. Она, в одной ночной рубашке, подошла к Искандару. Накрыла его своим одеялом, стояла возле него, с испугом вглядываясь в его лицо. Рот Искандара полуоткрыт, блестят ровные белые зубы, густые волосы рассыпались на лбу. На лице как бы хранилось неведомое Марфуге тепло. Время от времени веки вздрагивают, дергаются. «Видит сон», — с искренней симпатией подумала Марфуга и пошла к своей кровати. Накрылась теплой шалью старухи, висевшей на стене.

Когда утром проснулась, было совсем светло. Буран перестал. В доме звучала веселая мелодия. Сердце девушки забилося. Хозяйка дома сидит у окна, по транзистору слушает утренний концерт и счастливо улыбается.

— Проснулась, дитя мое? — ласково обратилась она и нежно похлопала девушку по спине. — Вот говорю о твоём муже, до чего же у него светлая душа. И вот что он подарил! Теперь и не надо горевать по поводу отсутствия электричества, радио и так говорит, — инэй хлопнула себя по бедрам. — И скажу я тебе, дочка, что встретился тебе очень хороший человек. Утром же, когда вышла подоить корову, вижу: он машет топором. Наколел дров полный двор. Вот спасибо ему...

Марфуга улыбнулась. Потом вдруг забеспокоилась: А где же Искандар? И одежды его не видно...

— Инэй... а... где же он?

Для хозяйки лишь своя радость была радость. Она возилась с кипящими в масле блинами, на миг оторвалась сообщить:

— Он-то... ушел по делу. Вроде говорил, что ему надо в какой-то колхоз. Велел не будить тебя. Выпил чаю и ушел, важный такой...

— Ушел? — мороз пробежал по коже Марфуги, словно ее окунули из горячей в холодную воду. На душе сразу стало как-то пусто. Сама того не замечая, встала и торопливо стала одеваться.

— А ты, дочка, куда так спешишь? До Хазины теперь близко. Во-он она виднеется. Чайку попьем...

Марфугу будто подменили. Не сознавая, что делает, схватила пальто...

— Инэй, он не оставил какой-нибудь записки? Я же... я...

— Ой, дитя мое, постой, успеешь. Он сказал, что дорогу в Хазину ты знаешь.

Марфуга вдруг увидела в рукаве шарф, который вчера Искандар повязал ей на шею.

— Искандар!— прошептала она, прижав шарф к губам. Потом сказала пристально наблюдавшей за ней старухе:

— Я... я, инэй, решила не идти в Хазину. Вернусь в Уфу...

Марфуга мысленно увидела Хуснулла, но... почему-то не захотела с ним встречаться. «Если бы любил, приехал бы встречать на станцию». Сама, как бы убирая перед собой невидимую преграду, сделала движение в сторону двери. Теперь и мир казался ей светлее.

Инэй суетливо собирала на стол.

— Кто знает вас, молодых, доченька. Что бы ни делали, все в ваших руках...

Сели пить чай. У девушки от волнения задрожали руки. Даже из блюдца выплескивался чай. Старуха объяснила это по-своему:

— В жизни, доченька, всяко бывает. Не беспокойся. Все же в молодости надо спать вместе...— старуха перешла на шепот.— Такому человеку да спать на лавчонке... И мы, доченька, в молодости, бывало, ссорились. Теперь скучаю по объятьям муженька... Жизнь — она ведь словно сон,— стыдливо добавила старуха,— вот и прошла...

Морская мелодия

Сагадат приехал в санаторий на день позже других. Сначала устроился с жильем. Комната была на двоих, просторная, светлая, с большой лоджией, увитой виноградом. Там стояло плетеное кресло, уютное и легкое на вид, даже садиться в него страшно. Рядом такая же плетенная из тонких прутьев тахта или что-то вроде нее. Ложись, читай книгу, загорай, сколько душе угодно. Солнце весь день бьет в окно, из которого хорошо видно море. Синее-пресинее, и воздух такой же, словно выкрасили их по просьбе отдыхающих.

Протяни руку, и на ладонь тебе ляжет тяжелая кисть винограда, сизая, отпотевшая, с бусинками росы, сверкающими на солнце. Вдали развесистые пальмы и стройные кипарисы, и еще какие-то деревья, названия которых Сагадат не знал. Прекрасное место! Чего еще лучше желать для отдыха?

И Сагадату стало очень весело. Товарищ по комнате где-то отсутствовал. Наверно, это был молодой человек. На кровати у него валялась гитара, галстуки ярких цветов, разные зарубежные журналы.

Сагадат посмотрел на свой бесцветный, скучный галстук и немного расстроился. Но, просмотрев журналы, опять повеселел, обратив внимание на снимок полуголых женщин, бегущих куда-то. Особенно поразила и рассмешила его одна толстушка, которая, видимо, старалась изо всех сил не отстать от компании. Сколько же ей лет? Наверное, сорок пять, не меньше.

Впрочем, и Сагадату уже сорок. Но мужчина есть мужчина. Сорок лет для него — это просто зрелость. А вот женщинам труднее. Все они стараются выглядеть моложе, одни с успехом, другие без успеха.

Сагадат попробовал прочесть текст под фотографией, но, ничего не поняв, закрыл журнал и осторожно положил на место, как бы извиняясь, что без спроса брал чужую вещь.

Тут он вспомнил про свою жену. Вынул из чемодана фотографию Насимы и долго рассматривал ее. А она ничего, все еще стройная, и лицо миловидное, приятное. Все еще хороша Насима. А в молодости была еще красивее. Целая толпа парней увивалась за ней. И Сагадат не избежал их участи. Как только приехал из города, где проработал немного, тут же обратил на нее внимание. В городе он поднаторел в сердечных делах. В первый же день он пошел за ней и добился внимания. Дальше больше, сердце Насимы было завоевано. Вскоре сыграли свадьбу. Все поклонники Насимы остались с носом. То ли Сагадат был опытнее их, разница в возрасте была большая — десять лет, то ли по другой причине, но Насима полюбила его.

Сагадат бережно поставил фотографию жены на тумбочку, рядом с фотографией сына. И тут он как бы услышал голос Насимы:

— Старичок, человеку не бывает дважды в жизни тридцать девять. Может, съездишь в санаторий? Сам же говорил, что предлагают путевку на юг. Съездил бы отдохнул. Бухгалтерская работа в колхозе никогда не кончится. Ослепнешь над своими бумагами да балансами. И нервы бы свои поуспокоил.

Сагадат работал в колхозе главным бухгалтером. Эту специальность он приобрел в городе. Первое время работал счетоводом, потом экономистом, и вот уже шесть лет он — главный бухгалтер. Вся статистика колхоза, все доходы и расходы в его руках.

Когда речь зашла о путевке, Сагадат сначала заколебался.

— Стоит ли, Насима? Ну что я там без тебя? А путевка только одна. Да и я уже отказался.

— Тебе действительно тридцать девять! — воскликнула Насима. Она любила эту народную поговорку «тридцать девять», которая означала, что человеку не хватает ума. — Кто же упускает из рук такую путевку? Иди проси снова. Это же Кавказ. Один воздух чего стоит.

И он пошел к председателю. Путевка комитета профсоюза находилась у него. Тот его встретил шуткой:

— Что, Сагадат Ибрагимович, объяснила тебе жена, что такое «тридцать девять»? Берешь путевку?

Председатель знал крутой нрав Насимы. Поэтому он сразу догадался, в чем дело. Она хотела, чтобы ее Сагадат жил, как и все люди. Очень была ревнива в этом отношении.

— Пристала, поезжай, да и все,— оправдывался Сагадат, делая вид, что его самого вовсе не интересует санаторий. — Все толкует насчет тридцати девяти.

— Так ведь, Сагадат Ибрагимович, тебе действительно тридцать девять.

— Да вроде...

Председатель колхоза весело подмигнул:

— Поезжай. Людей повидашь и себя покажешь. В общем, отдохнешь,— с этими словами он протянул Сагадату путевку. — Я уж было собирался отдать ее заведующему фермой. Ничего, обойдется. Он в прошлом году ездил в дом отдыха. Да, к слову, Сагадат Ибрагимович, сам знаешь, какой это коварный возраст.

— В каком смысле?

— Это та пора, когда человеку не хватает степенности. Ну да ладно, сам знаешь.

Вот так и попал Сагадат на берег моря, в комнату с большой лоджией, увитой виноградом.

Разложив одежду и вещи в должном порядке, сел бриться. Надо было привести себя в надлежащий вид, прежде чем показываться людям на глаза. Не сидеть же тут взаперти и в полном одиночестве.

Скоро появился сосед по комнате. Он вошел без стука и не удивился новому жильцу, как будто давно ждал его, давно был знаком.

— Привет, старик! — сказал он, не глядя на Сагадату. Затем оттеснил его от зеркала и стал подбирать себе галстуки из дюжины валявшихся на кровати. Ему было, наверное, около двадцати пяти. Это был парень с иссиня-черными вьющимися волосами, смуглым лицом с оспинками, тонким носом и небольшим подбородком. Глаза его постоянно перебегали с одного предмета на другой, ни на чем подолгу не задерживаясь. И сам он все время суетился, переступал ногами, как петух, которого загнали в угол. То поет, то насвистывает не-

знакомые Сагадату мелодии. Тот, понаблюдав за ним в зеркало, подумал: «Если этому доверить мою работу, то недели через две он спустит все колхозное добро, а сам сядет в тюрьму. Видно, очень уж настырный. Не из цыган ли, судя по обличию?»

Но вот взгляды их встретились в зеркале. Парень примеривал себе галстук-бабочку. Он похлопал Сагадату по плечу, и тот чуть не порезался от неожиданности.

— Я из Одессы, а ты откуда?— спросил парень.

— Я из Башкирии.

Тот перестал возиться с галстуком и уставился на Сагадату.

— Откуда?

— С Урала.

— А-а, с Урала. Слышал такое дело, слышал. Экзотика! Мой старикан, то есть папаша, в войну там жил, рассказывал. Танки, говорит, лили. Это ведь где-то на Дальнем Востоке?

Сагадат обрадовался было, что между ними завязался разговор, но тут его передернуло: «Урал на Дальнем Востоке. Ну и...»

— Да, там,— сухо сказал он и подумал: «Повезло мне с соседом. Ну да ведь здесь не выбирают, кому с кем жить. Как уж получится».

А парню хоть бы что, будто и не заметил сдержанности соседа.

— Меня зовут Василием. А для друзей просто — Васюк. Предлагаю и тебе пользоваться последним именем. Кажется, ты неплохой парень.

Сагадат кончил бриться. «Парень,— подумал он,— я еще парень». Он погладил гладко выбритые щеки и улыбнулся, мол, и ты неплохой парень, хотя минуту назад у него начало создаваться другое мнение.

— Мое имя Сагадат,— сказал он.

Васюк перестал колдовать над своими кудрями.

— Сагадат, говоришь? Интересно. Я бы сказал, звучит прекрасно: «Сагадат». Ну вот, но мы сделаем так. Я буду тебя звать просто Сагдой, идет?— Он толкнул задумавшегося Сагадату в бок. — Не колебайся, старик. Звучит современно. А в наше время нельзя отставать от жизни.

«Старик», впрочем, не колебался, ему было все рав-

но, даже интересно. Он улыбнулся. Тот, поняв это по своему, сказал:

— А ты, оказывается, умный, Сагда. Старик, у тебя, между прочим, бритва: что надо, подравняй-ка заодно и мою шевелюру,— он наклонил голову. — Только ты, старина, действуй поосторожнее, не зарежь. Жить-то ведь мне еще охота.

Сагадат побрил ему шею, а тот мягким, но сильным голосом успел спеть ему целый романс.

— Понравилась моя песня? — спросил Васюк, осторожно трогая свою бритую шею.

— Так, голос неплохой.

— Про Одессу эта песня,— глубоко вздохнул парень. — О-о! Наша Одесса! Единственный на свете город, Сагда! Единственный! И вот в этом единственном, уникальном городе единственная в своем роде девушка вынула мое сердце и оставила при себе. Поэтому и говорю, что нельзя мне умирать на чужбине. Понял?

Сагадат не выдержал и рассмеялся, глядя на этого чудного парня.

— Не слишком ли рано собрался ты умирать?

— Эх, Сагда, много ли ты понимаешь,— сказал он таким тоном, будто перевидал уже все на свете и знает, почем фунт лиха. — Вот тут, на морском побережье, увидел одну красавицу. Волосы — ковыль, белые, длинные, по земле стелются. Одной улыбкой, взмахом своих крашенных ресниц заколдовала меня. Я покажу тебе ее, Сагда.

Васюк показался Сагадату искренним парнем, хотя и мусорил словами. Поэтому он успокоился и даже обрадовался, что будет жить с молодым человеком. Одногодки ему надоели в деревне, хотелось узнать поближе молодых, чем живут, чем дышат.

— Васюк, а кем ты работаешь? — спросил Сагадат.

— Певец я, певец, Сагда,— охотно отвечал Васюк и, сграбастав гитару, забренчал на струнах, запел жалким тоненьким голосом. У Сагадата даже сердце заняло от участия к бедному певцу. И он не поскупился на похвалу:

— Хорошо поешь, Васюк. От души тебе говорю, хорошо. И гитара у тебя что надо.

Он пощипал струны гитары. Васюк радостно заулыбался.

— Предок из Парижа привез, когда в командировку летал.

Васюк надел брюки с широкими, как море, штанинами, подпоясаясь широченным ремнем и как-то на глазах преобразился, сделался гибче, стройнее.

«Вот что делает с человеком одежда,— подумал Сагадат и посмотрел на свой не слишком новый, но еще вполне приличный костюм. — Ладно, деньги есть. Можно купить какой-нибудь другой, более подходящий для этих мест».

Тут Васюк обратил внимание на фотографии, которые Сагадат поставил на свою тумбочку.

— Ого, племя Сагды! — воскликнул он и стал рассматривать фотографию Насимы, поворачивая ее и так и эдак. Сагадат с нетерпением ждал, что скажет Васюк. «Зря не взял ее девичий снимок», — подумал он.

— Ну как?

— Неплоха, неплоха, — пробормотал Васюк с уважением.

У Сагадата потеплело на душе. Что ни говори, а иногда о человеке судят по его жене.

Васюк задумался на секунду, потом сказал вдохновенно:

— Знаешь, старик, наверное, это хорошо иметь жену. Вот и твой сын хорошо улыбается, глаза у него твои. Но не забывай: ты не дома, а в санатории. Собирался целый год, деньги копил. Так ведь? — Сагадат кивнул. Он действительно собирал деньги с весны, надеясь куда-нибудь поехать. Васюк повернулся к нему и поклонился, словно извиняясь. — Ну раз так, ты только правильно пойми меня, жена тебе надоела. От семьи вообще устаешь. Ты пока забудь про них, нет у тебя семьи. Веди себя как парень. Месяц — это не так уж много. На этот месяц ты холостяк, Сагда. Понял?

— Да не совсем.

— Не важно. Важно самовнушение. В Одессе есть у меня прекрасный друг, богатырь, спортсмен. Нашли у него в мозгу опухоль. Врачи, они что, не могут же сказать, что ты скоро отдашь концы. Внушили парню, что он здоров как бык, только надо ему побольше отдыхать и веселиться. Как сказали, так и сделал. Выздоровел.

— Ну и ну, — усомнился Сагадат.

— Точно тебе говорю. Организм, старик, сам борется, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Теперь на эстраде вместе выступаем с этим парнем. Знаешь, половина женщин Одессы в него влюблена. Не преувеличиваю. Точно. — С этими словами Васюк бережно убрал фотографии в ящик тумбочки. — Пошли, что ли?

— Куда? — заколебался Сагадат.

— Известно куда, — Васюк потянулся за гитарой. Сагадату очень уж не хотелось в первый же день привлекать к себе внимание. Ему хотелось тихонько понаблюдать за окружающими, попривыкнуть, потом уж...

— Мне в магазин надо было, — виновато сказал он дожидавшемуся у дверей Васюку. Сам того не ожидая, подергал костюм за полу. — Вот. Надо бы чего-то поприличнее достать.

Васюк сразу уловил его мысль и одобрил:

— Правильно делаешь. В черном жарко, во-вторых, светлые теперь в моде, выбери посветлее.

Когда за Васюком закрылась дверь, Сагадат, слегка ошеломленный напористым парнем, некоторое время сидел в раздумье, потом решил: почему бы и правда не купить костюм? Один раз живем.

Приободрившись, вышел из комнаты и направился в магазин. После обеда в парке случайно встретился со своим соседом. Васюк, увидев его, сделал вид, что сражен. Сам он уже успел сколотить компанию, среди которой была и девушка с ковыльными волосами. Васюк отдал ей гитару и встал перед Сагадатом.

— Ну, Сагда, ты просто ослепителен! — восторженно проговорил он. — Чудесно!

Поклонился и прижал руку к груди. Наверно, ему и в самом деле понравился костюм, сшитый модно из светлой материи. Стоил он, правда, дорого, но Сагадат не поспешил. Васюк пожал Сагадату руку.

— Нравится? — спросил тот.

— Чудесно! Тссс, — он приставил палец к губам. Затем громко позвал своих товарищей: — Дорогие друзья! Будьте знакомы, профессор Сагда. Специалист по тюркским языкам. У нас на отдыхе... Лауреат.

Услышав это, Сагадат страшно смутился, но потом решил, что Васюк шутит, и успокоился. Равнодушные к нему до этого парни и девушки наперебой стали здороваться за руку.

— Здравствуйте, профессор!

— Добрый день...

— Очень рады познакомиться, профессор.

Васюк объяснил своим друзьям:

— Мы с профессором живем в одной комнате. — Он улыбнулся Сагадату, тот ему в ответ. — Уважаемый доктор Сагда, просветите нас в одном вопросе. Как на турецком объясняются с любимой?

«Веселая молодежь, — подумал Сагадат. — Понимает юмор. Надо что-то ответить».

— Я тебя люблю, — сказал он по-башкирски.

— Вот-вот, «мин хине яратам», — повторил Васюк, подмигивая девушке с ковыльными волосами. И, горячо распрощавшись с «уважаемым профессором», компания последовала дальше.

«Ты профессор», — ухмыльнулся Сагадат и посмотрел на ноги. Черные туфли, оказывается, совсем не подходили к этому костюму. И галстук, как седло на корове. Нет, надо сменить. И он снова побрел в сторону магазинов.

Вечером, когда певец вернулся из своего «турне», Сагадата было не узнать. Это был совершенно другой человек, что Васюк сразу же заметил:

— Поздравляю, старик. Теперь любая женщина влюбится в тебя без ума. — Он свалился в изнеможении на кровать, закрыл глаза и вздохнул. — Знаешь, Сагда, я ведь поцеловал эту... с ковыльными волосами. Не губы, а мед... Если бы меня в этот момент увидела моя красавица из Одессы, удавилась бы от ревности. Жить на свете хорошо, Сагда.

Сагадат осторожно подошел к Васюку.

— Ты тогда слишком насчет меня... Не надо было профессором называть. Ведь я простой бухгалтер. Узнают, засмеют.

Васюк рывком поднялся и сел.

— Сагда, сколько раз тебе говорить, что надо воспитывать в себе уверенность. Какой ты бухгалтер?! Да ты посмотри на себя! — И он стал вертеть Сагадату перед зеркалом. — Посмотри! Вылитый профессор, доктор наук. Пусть знают, с кем я живу. Та, с ковыльными волосами, сначала артачилась. Я тогда пошел заливать про тебя. У этих узкобрючных глаза полезли на лоб. Ничего, терпи свою славу.

— Стыдно же, — возразил Сагадат.

— Ерунда, старина. Сначала нам надо завоевать плацдарм, а потом все пойдет как по маслу. Ты с кем-нибудь уже познакомился, Сагда?

Тот растерялся.

— Как это... я ведь женатый человек.

— Эх ты, Сагда, Сагда! Уж сколько времени прошло с твоего приезда, а ты все еще дремлешь. Так не пойдет. Теперь тебя знает все длинноволосое население — знаменитый профессор Сагда. Тебе стоит лишь рот открыть. Совет мой такой. Не трать время попусту. У профессора всегда должны быть любовницы.

— Изменять жене?

Васюк пересел на кровать Сагадата, который уже разделся и собирался лечь спать, заглянул ему в глаза:

— Ты что это, Сагда, вчера на свет появился? Когда бросаешь одну жену и женишься на другой — это действительно предательство. А так... Ну что, у тебя убавится или прибавится? Наоборот, старик. Приедешь домой, помолодев душой и телом. Вот увидишь, жена сразу бросится на шею.

Сагадат махнул рукой.

— Не надо, Васюк, я не смогу.

— Сможешь, старик. Вижу, что сможешь. Даю тебе последний срок — до послезавтра. Потом, Сагда, научишься по-настоящему ценить свою жену, когда сравнишь ее с другими. А то так и умрешь, унижая ее. Может, она нуждается в более горячих ласках. Ладно, спи давай. И пускай тебе приснится твоя царица.

Сагадат уже с закрытыми глазами все еще думал над словами Васюка. А певец уже храпел и посвистывал носом. «А ведь поганец вроде бы правду говорит», — подумал Сагадат. И с этими мыслями заснул.

Приснились ему разные чудеса. Вроде бы он с какой-то белолицей женщиной, взявшись за руки, бегут по тихому, спокойному морю. Брызжутся водой, а сами хохочут, чему-то радуются. И вдруг он заметил на берегу Насиму, уныло взирающую на них. Сагадат оставил белолицую, подошел к Насиме и стал целовать ее со словами: «Теперь я знаю, Насима. Ты самый дорогой мне человек, самый близкий...» —

На другой день он собрался рассказать Васюку о своем сне, но почему-то постеснялся. Начнет опять смеяться, мол, ну, старик, совсем ты сошел с ума.

Прошло три или четыре дня. Певец каждый день куда-то скрывался. Сагадат заскучал. С Васюком было как-то веселее, он мог завести разговор с кем угодно. А Сагадат тяжел на подъем в этом отношении. Весь день молчит, поговорить не с кем, а от этого грустно.

И сейчас вот такое настроение, хоть топиться иди. Погулял немного в парке, съездил на экскурсию, посмотрел кино. Ну и что? Все разбились на пары, ходят под ручку, смеются, в общем, весело отдыхают. Будто заранее договорились встретиться здесь, старые знакомые.

Пытался Сагадат и «козла» забить с мужиками, и играл в шахматы. Но те, увидев кого-либо из знакомых, бросали игру и уходили.

У Сагадата даже мелькнула мысль, не плюнуть ли на все да не уехать ли домой.

Однажды, в таких вот расстроенных чувствах, он зашел в буфет и выпил полстакана коньяку. Мир сразу посветлел. Он вдруг почувствовал себя человеком. Теперь бы в самый раз найти Васюка да спеть под его гитару. Но тот забыл обо всем на свете из-за девушки с ковыльными волосами.

Сагадат зашагал в сторону моря, которое было сегодня беспокойно. Поэтому никого на берегу. Купаться в такую погоду не разрешали.

По деревянным ступенькам он спустился к воде и остановился. Шагах в пятнадцати от него молоденькая женщина старательно швыряла камни в волны, которые накатывались на берег со змеиным шипеньем. Она отбегала, взвизгивая, потом снова находила плоский камень и бросала довольно неумело, как большинство женщин. Низко над ней кричали чайки, иногда ее окатывали брызги прибоя, но она не обращала на это внимания. Сагадат подумал, что когда она замахивается, то очень похожа на птицу, которая собирается взлететь.

Тело у нее было гибкое, хотя чуть и поноватое. Упругие груди выпирали из-под тонкого синего платья, которое плотно облегалo ее, подчеркивая каждую линию фигуры. Сагадат старался не смотреть на ее круглые мокрые колени, но не мог отвести взгляда. Но вот

лица ее не было видно, короткие крашенные волосы закрывали его. На голове легкая капроновая косынка.

Сагадат хотел было пройти дальше, но остановился, увидев, как косынка упала с головы. А она как будто и не заметила потери. Между тем волна подхватила косынку и унесла ее.

Ничего не соображая, Сагадат кинулся за косынкой и успел подхватить ее, но следующая волна окатила его с ног до головы, и он сразу промок до нитки. Женщина провела рукой по волосам и вскрикнула, но, увидев косынку в руках Сагадата, успокоилась.

— Спасибо,— поблагодарила она, вся сияя. Эта конопатая женщина показалась Сагадату очень милой. Ее синие глаза смотрели на него доверчиво. И все в ней было соразмерно, и нос, и уши со сверкавшими серьгами... Ничего резко не бросалось в глаза в ее облике, но и ничего не терялось.

— Эх, пропал ваш костюм! — забеспокоилась она. — Вы совсем промокли.

Сагадат махнул рукой:

— Высохнет.

И он собрался уходить, но молодая женщина пошла за ним.

— Это ведь все из-за меня... Сейчас выступит соль. Надо быстренько постирать.

Действительно, на его дорогой костюм грустно было смотреть.

— Есть у вас во что переодеться? — спросила молодая женщина участливо и в то же время немного смущаясь.

— Есть,— нехотя ответил Сагадат.

— Тогда идемте к вам, сейчас же выстираю и поглажу.

— А здесь нельзя?

— Нет, в морской воде не годится. Вон колени уже побелели. Снимайте костюм. — Сагадат молча повиновался. И она, накинув на руку его костюм, пошла впереди. Сагадат шел в тени ее синего платья, стесняясь показываться людям в таком виде.

Когда вошли в комнату, женщина глянула на него доверчивыми синими глазами и протянула руку:

— Лиза.

— Сагадат...

Синие глаза на миг сделались серьезными, потом в них засверкали веселые искорки:

— Угораздило же вас. Мыло-то хоть есть?

Сагадат растерялся. Он еще не успел обзавестись хозяйственным мылом.

— Нету.

— Тогда придется сбегать в магазин.

— Пожалуй,— согласился он нерешительно.

— Ладно, я сама схожу,— сказала Лиза. — Это рядом, в соседнем корпусе.

Пока она ходила, он успел натянуть брюки от своего старого костюма. Больше всего сейчас он желал, чтобы Васюк задержался подольше. А то как бы не поднял на смех. Этого еще только не хватало.

Вошла Лиза. Она успела переменить платье на халат, в руках у нее был стиральный порошок. В таком виде она показалась ему еще привлекательнее.

— Иди, Сагадат, помоги мне,— сказала она из ванной. — Подержи пиджак, у него я постираю только полы. А брюки уж придется целиком.

Сагадат держал костюм за вешалку, а Лиза стирала полы. Когда она наклонялась, Сагадат видел ослепительную белизну ее тела.

Чем бы все это кончилось, неизвестно, но тут, как обычно, не постучавшись, вошел Васюк. Увидев Лизу, он присвистнул.

— Ну и дела творятся у нас.

А сам переводит взгляд с Лизы на Сагадату. Лиза рассмеялась.

— Вот окунула разок твоего профессора.

— Лиза, душа моя, так ему и надо, старику. Думаю, Сагда, ты не обижаешься, что я к твоей даме так запросто обращаюсь? Я ведь ей давно уже говорил о тебе.

«Везде поспекает, треснутый барабан»,— с досадой подумал Сагадат.

— Васюк...

— Профессор, я мешаю, да? Уже уйду, возьму вот только гитару.

И Васюк скрылся за дверью как привидение.

— Лиза,— сказал смущенный Сагадат. — Ты ему не верь. Никакой я не профессор.

— Не беспокойся. Не каждому ведь быть профессором,— сказала Лиза.

Они и сами не заметили, как перешли на «ты».

— Дай-ка я выполощу твою рубашку.

Сагадат возразил:

— Нет, нет, спасибо, я сам.

— Ты знаешь, Сагадат, между прочим, какое наслаждение для женщины стирать мужские рубашки? Так что уж не сопротивляйся.

Пришлось согласиться:

— Ладно, а гладить буду сам.

Постирав рубашку, Лиза ушла.

Вечером, на ужине, Сагадат пытался отыскать ее взглядом. Но Лизы нигде не было видно.

— А ты посмотри вон в тот угол,— прошептал догадливый Васюк.

Сагадат сделал безразличное лицо, даже отвернулся, но через мгновение украдкой взглянул на Лизу. Она как будто еще больше похорошела, надев брючный костюм. Взгляды их встретились, Лиза улыбнулась и слегка кивнула. Сагадат улыбнулся в ответ, иначе он не мог.

Из столовой он нарочно вышел позже Лизы. Он и боялся встречи с ней, и желал этого. Думал прошмыгнуть как-нибудь к себе в комнату, но ошибся. Лиза поджидала его у дверей.

— Добрый вечер, Сагадат!

И взяла его под руку. Васюк ткнул его в бок, выражая этим свое удовлетворение.

— Сагда, вы не к винному погребу? — спросил он с улыбкой. — Там есть все, чего душа пожелает. Вчера мы с «ковыльными волосами» перепробовали каждый напиток.

Васюк ушел, и Сагадат понял, что парень составил программу для него на весь вечер. «Надо же быть таким дураком,— обругал он себя.— Сам не смог догадаться».

Сагадат вывел Лизу на тротуар, поправил костюм, выглаженный и выстиранный.

— А ты, оказывается, сердцеед,— сказала Лиза.

— Одиночество всему научит,— вырвалось у Сагадата, но тут же заняло сердце от своих фальшивых слов. Лиза заглянула ему в глаза и прижалась к нему теснее. Скоро он успокоился. «Видимо, так и надо»,— подумал он.

— Ну что, Лиза, можст, действительно заглянем в так называемый «погребок»?

Лиза колебаться не стала. Доверчиво посмотрела на него своими синими глазами и ответила:

— Отчего ж не зайти. Погода чудесная.

В погребе было прохладно. И после духоты на улице можно было вздохнуть посвободнее, полной грудью. Вдоль стены, сложенной из крупных камней, выстроились маленькие столики. За одним из них и устроились Сагадат с Лизой. К ним тотчас подлетел парень с усами,

— Дорогие, что бы вы хотели заказать?— улыбнулся он им, как старым знакомым. И перечислил дюжину напитков. Сагадат не знал, что и выбрать, даже перед Лизой стало как-то неловко.

— Принесите то, что вам самим по душе.

Усатый весь просиял и убежал. Сагадат обрадовался, что так просто разрешил этот вопрос с выбором напитков. Лиза тоже была довольна.

В погребе они просидели довольно долго. Слово за слово, разговорились, как-то попривыкли друг к другу. Когда вышли на улицу, Сагадат привлек к себе Лизу за плечи. Попрощались тепло.

Такие встречи-прощанья стали повторяться каждый день. И он и она ждали их с нетерпением. Васюк, когда встречал их вместе, прямо торжествовал.

— Моя школа! Приехал бухгалтером, а теперь посмотрите на Сагду. Вылитый профессор. Парень экстра-класса!

В последнее время Сагадат стал возвращаться в палату очень поздно. Старуха в белом халате, дежурная, недовольно качала головой:

— Дня вам не хватает...

Как-то Васюк привел их в комнату.

— Вы что это в такую жару на улице?

Он подмигнул Сагадату.

— В комнате хорошо, прохладно. Сидите тут. Я, например, до самого вечера не вернусь. Поссорился с «ковыльными волосами». Надо вести ее в погребок мириться.

— Не надо,— поспешно сказала Лиза, стесняясь. — Это, пожалуй, не совсем удобно. — А сама с нежностью посмотрела на Сагадату своими синими глазами, мол,

ну а ты как думаешь? За Сагадата в таких случаях отвечал Васюк:

— Сагда согласен. Сам вчера жаловался, что устали в парке, где бы отдохнуть. Так ведь, старик?

Сагадат понял, что Васюк вкладывал в него новую программу, и хотел возразить:

— Но Васюк...

Певец тут же перебил его:

— А-га, понял, Сагда, понял. Я еще вчера все купил. Сделано все, как ты велел. — С этими словами он вынул из ящика шифоньера плитку шоколада, бутылку коньяка и выложил все это на стол. — Деньги потом отдашь.

Сагадат метнул на того сердитый взгляд, чуть было не выругался, но Васюк схватил гитару и так бесшабашно, весело запел, что бухгалтер невольно улыбнулся. «Так, наверно, и надо», — подумал он. Настроение улучшилось. Лиза тоже повеселела.

— Ну и артист твой друг, — покачала она головой, но, видимо, была довольна Васюком. А тот уже выскочил за дверь.

— Как видишь, — сказал Сагадат, разливая коньяк. — Эстрадный певец. Из Одессы...

— Ну раз из Одессы, тогда понятно, — рассмеялась Лиза. Звонкий смех ее наполнил комнату и отвлек Сагадата от мрачных раздумий. Выпили коньяк. О чем они потом говорили, о чем рассуждали — это, наверно, не имело ни для кого никакого значения. Они пересели на диван, и Сагадат поцеловал Лизу, она ему отвечала.

— Люблю тебя, Лиза! — шептал горячо Сагадат. В ответ она обвила его шею горячими руками.

Так проходил день за днем. Скоро надо было возвращаться домой, кончался срок путевки. Сагадат стал трезветь, опьянение Лизой проходило. Он вспомнил о жене и торопливо нацарапал домой два письма, мол, жив-здоров, отдыхаю нормально, все в порядке. Отправив письма, он подумал, что надо привезти Насиме какие-то подарки.

С Лизой о своей семье он не заводил разговора. Впрочем, она и не интересовалась этим. О себе тоже ничего не рассказывала.

За день до отъезда, после обеда, Лиза ушла в свою комнату, сославшись на головную боль. Сагадат не

стал просить ее остаться. Ему надо было обойти магазины. Он решил купить для Насимы платье, а сыну какую-нибудь хорошую игрушку. Платье он давно уже присмотрел, и с этим делом было быстро покончено. Но вот что купить сыну?

В универмаге он увидел школьный костюм, и размер был подходящий. Он решил купить. Пошел платить в кассу и вдруг... увидел Лизу впереди себя. В одной руке у нее были деньги, в другой платье для маленькой девочки. Оба очень смутились, будто застали друг друга за чем-то нехорошим, позорным. Вместе вышли на улицу.

— Полежала, а голова все болит, вот и заглянула сюда,— сказала Лиза, опустив глаза.

— Я тоже,— пробормотал Сагадат,— зашел от нечего делать. — Между ними возник какой-то незримый барьер. Сагадат старался держаться подальше от Лизы, на расстоянии. Молчание становилось неловким.

— Ты купила билет, Лиза?

— Купила. На поезд. Отходит завтра, после обеда. А ты?

— Я достал на самолет. Вылетаю чуть позже тебя...

И больше не разговаривали до самого санатория. А ведь только вчера казалось, что жизни не хватит наговориться вволю. Может быть, это просто от тоски перед разлукой? Но Сагадат не особенно беспокоился за Лизу и чувствовал, что она к нему не тянется, как прежде, да и его как будто к ней не влечет.

— Ну до вечера,— сказал он, и они расстались.

Но после ужина в их настроении ничего не изменилось. Казалось, что вдруг сильно похолодало, и все вокруг погрузилось в серьезную, задумчивую тишину. Побродив немного в парке, рано расстались, объяснив это тем, что перед дорогой им обоим надо как следует отдохнуть, набраться сил.

У себя в комнате Сагадат достал из ящика тумбочки фотографию Насимы, и ему показалось, что жена смотрит на него с укором, сын тоже уставился немигающими, подозрительными глазами. Сагадат провел рукой по лицу жены, как будто прося у нее прощения.

В это время в комнату ворвалась компания молодых людей с Васюком во главе, который был, как всегда, весел. Он понимающе улыбнулся Сагадату:

— Грустим, старик? Это естественно, впереди разлука. Давай, Сагада, поднимем по бокалу вина, выпьем на прощанье. Друзья провожают меня на вокзал.

С таким же шумом и весельем, как пришел, Васюк ушел, нагрузив своими вещами почти всех товарищей.

— Ну, старик, не забывай. Если не на этом, то на том свете обязательно свидимся. Будь здоров!

— Пока, Васюк.

«Этим молодым все дается легко,— подумал Сагадат. — Все с них как с гуся вода».

Утром он проснулся с головной болью, что-то плохо спалось. Настроение было на нуле. Побаливало сердце, одолевала грусть. Хотелось быстрее сесть в самолет и добраться до дому, к Насиме.

После завтрака он поехал на вокзал провожать Лизу, пытаясь казаться беспечным и веселым. Она тоже делала вид, что все у них по-старому, но это у нее плохо получалось.

— Ну ладно, Сагадат, не поминай меня лихом,— с невеселой улыбкой сказала она.

— И ты,— промямлил он.

Когда поезд тронулся, Сагадат привлек к себе Лизу, но не поцеловал. Она спрятала лицо, вышло как-то неловко, но вполне прилично.

Потом она махала ему рукой из вагонного окна, радостно улыбаясь. Сагадат улыбнулся в ответ и тоже чему-то радовался от души. Это была радость избавления друг от друга.

В санаторий стали прибывать новые партии отдыхающих. Они легко отличались от старожилов своей неуверенностью и некоторой скованностью. Сагадат и сам когда-то был такой. Да таким бы, наверно, и остался, если бы не Васюк. Впрочем, при чем здесь Васюк?

Сагадат собрал вещи и вышел из санатория. На прощанье ему захотелось сходить к морю. Он повернул туда, вышел на берег и поразился. В набегающие волны бросала камни девушка. Весь ее облик, гибкое тело и даже платье напомнили ему Лизу. Но это была не Лиза.

Сагадат грустно улыбнулся и зашагал в сторону ворот...

В ожидании очереди

Хотя они и вышли из одного дома, а к сельсовету подошли с разных сторон. Магинур шла по прямой дороге, а Шагит, чтобы не встречаться с женой, двинулся окольным путем, по переулку. Во дворе сельсовета они встретились и вдруг как-то оба растерялись. Одновременно потянулись руками, чтобы открыть дверь, нечаянно прикоснулись друг к другу и отпрянули в разные стороны.

— Ну чего ты споткнулся, иди первый,— сказала Магинур и, гордо вскинув голову, отвернулась. Мол, не желаю больше с тобой разговаривать.

Взглянув на ее крепко сжатые пухлые губы, рдевшие щеки, перехватив ее горящий, если не вдохновением, то решимостью, взгляд, Шагит невольно залюбовался ею: «Как ей идет, когда она вот так злится». А сам, чтобы не выдать своих чувств, холодно ответил:

— Заходи первая, ты же все начала.

И встал столбом около двери с независимым видом. Жена даже не пошевелилась. Это совсем его расстроило. Не зная, что предпринять, он вытащил из кармана сигарету и закурил.

— У нас женщинам почет,— сказал он, кивнув на дверь. А сам отошел в сторону, прислонился к стене и жадно затянулся.

Хотя он и старался держать себя спокойно, не обращая ни на кого и ни на что внимания, сердце его в эту минуту здорово колотилось, руки слегка дрожали. Он заметил это и спрятал руки в карманы. Сигарета торчала в зубах, дым попадал в глаза. Прищурив правый глаз от едкого дыма, он смотрел на жену, что она теперь станет делать.

На его продолговатом худом лице блуждала высокомерная и в то же время жалкая улыбка. «Иди давай, больно уж ты хорошо себя показала. Мне, конечно, не нравится все это, но что поделаешь, не я первый начал»,— как бы сообщал он ей своим независимым видом.

Магинур взглянула на мужа и прикусила губу. Она чуть не заплакала от обиды в эту минуту. «Нахал,— подумала она,— еще и губы скривил, надо идти, ничего не поделаешь».

— Эгоист, всю жизнь ты таким был,— сказала Магинур и незаметно вытерла глаза платочком. Потом положила его в сумочку, поправила светлые воздушные кудри на лбу и вздохнула.

Шагит невольно поймал себя на том, что любит каждый ее движением. Но, вспомнив утренний разговор, вернее, ссору, он сказал:

— Эгоистом называешь, давай называй. — Скрипнула дверь, он добавил торопливо: — И заявление сама, первая написала.

В эту минуту ему хотелось побольше отомстить ей за свою обиду. Магинур круто обернулась и бросила на него ненавидящий, обжигающий взгляд.

— Ладно... — сказала она глухим голосом, но продолжать не стала, потому что услышала чьи-то приближающиеся шаги, и решительно рванула дверь.

По тому, как она жестко, будто вколачивая гвозди, простучала каблуками по деревянному полу коридора, он понял, что многое еще не успела ему высказать жена. Значит, придется ругаться и там, внутри, где люди ждут приема. Очень уж ему не хотелось ссориться при народе. Поэтому он медлил заходить. Наверно, некоторые будут жалеть их, а некоторые, наоборот, обрадуются. Кто знает?

А жена с треском все выложит, все расскажет. Ей плевать на то, что он лучший колхозный шофер вот уже много лет. Скажет, мол, гуляка и домой редко заглядывает. А приходит если, то на заре или среди ночи. С этой потаскухой Гамбарией все гуляет... Это, пожалуй, главное.

Шагит ненадолго представил себе жену. Да, так она все и скажет, разъяренная, с плачем да с ревом. «Пусть,— скажет она,— если уж так дорога ему Гамба-

рия, возьмет да и женится на ней. А я с ним жить не буду. Хватит и того, что уж десять лет промучилась».

Женский знакомый голос оборвал мысли Шагита: — Ты чего это, Шагит-мырда, дверь сторожишь сельсоветскую?

Шагит обернулся, и ему захотелось тут же провалиться сквозь землю. Рядом стояла Багида-апай, первая его учительница. Он машинально выбросил окурок, весь подтянулся, поправил пиджак и улыбнулся как-то вымученно и неестественно.

— Здравствуйте, апай,— пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу.

Встреча с учительницей была для него слишком неожиданна и сильно смутила его. В деревне Багиду-апай все очень уважали несмотря на то, что она уже давно на пенсии, поседела, лицо в мелких морщинках, в общем, стала старушкой. Но глаза у этой старушки были очень живые.

Шагит встретил ее пытливый взгляд и покраснел, как провинившийся ученик.

— Да ты стал солидным,— сказала Багида-апай, по-прежнему пристально вглядываясь в него. Шагит улыбнулся:

— Багида-апай, так ведь на следующий год мне все сорок исполнятся. — Как только он произнес эти слова, ему стало вдруг легче на душе. Мучившие его недавно мысли отодвинулись в сторону. Багиду-апай он любил, как родную мать. Да, пожалуй, и не только он, все бывшие ученики любили ее. А она, как только кого-нибудь встретит из своих бывших питомцев, наговориться не может. Все ей хочется знать, кто чем дышит, у кого какое горе или радость.

Багида-апай имела прямое отношение к его женитьбе на Магинур. Тогда он только что вернулся из армии и работал в колхозе шофером. Привез он как-то дрова для колхозной библиотеки. В это время дверь отворилась, и оттуда вышла Багида-апай со стопкой книг под мышкой. В то время она еще учительствовала.

Вышла и остановилась, любуясь, как сноровисто и проворно работает Шагит. Потом подошла к нему и дружески похлопала по спине, как вот и сейчас.

— Вот и ты человеком стал, спасибо тебе,— обрадовалась она. — Только что из армии пришел, а уж и

профессия есть. Остается жизнь по-хорошему наладить, устроить как следует.

— Успеем еще,— смутился Шагит.

Багида-апай посмотрела в сторону библиотеки и спросила:

— А ты не бросил читать книги?

— Когда время бывает, почитываю немного,— ответил он.

Багида-апай не успокоилась на этом:

— А ну-ка тогда пошли.

И она подтолкнула его в сторону библиотеки.

— Куда? — удивился он.

— В библиотеку. Возьмешь при мне что-нибудь почитать.

— Да ведь я... лучше уж потом.

— Иди, иди,— сказала решительно Багида-апай. А сама стала расхваливать незнакомую ему молодую библиотечаршу. — Такая проворная, такая скромница, только что после техникума. Грамотная, культурная и с человеком поговорить умеет. И не хочешь, да выберишь книгу, какую она тебе предложит.

Да, так оно и было, их с Магинур впервые познакомила Багида-апай. О чем думала Магинур в первые минуты их знакомства, он не знал, но сам очень волновался тогда, пожимая осторожно мягкую маленькую ручку скромно улыбающейся библиотечарши, и особенно когда встретился с ней взглядом. Она ему сразу понравилась. И внешностью своей, и походкой, и как приседала у полки, чтобы достать книгу, или вставала на цыпочки, тянулась за книгой, а потом как-то виновато одергивала подол коротенького платья.

С того дня Шагит превратился в самого активного читателя. В библиотеку его тянуло неудержимо.

Сейчас, когда он все это вспомнил, вытянувшись в струнку перед Багидой-апай, ему стало совсем неловко. Потом уже он понял, что учительница познакомила их неспроста. И вот сейчас она стоит рядом и ждет, наверно, от него откровенных, искренних слов. А что мог сказать Шагит?

— Сынок-то Хамит как растет? — спросила Багида апай.

— Да хорошо, большой уже.

— Сколько ему теперь? Вот память-то...

— Девятый год пошел.

— Девятый. Вот она, жизнь. И оглянуться не успеешь, как пролетела.

— А вы, Багида-апай, не особенно изменились,— польстил Шагит, желая увести разговор подальше от своих семейных проблем. — Для меня вы все та же Багида-апай, моя учительница.

— Э-э, мырда, только тебе, наверно, так кажусь,— рассмеялась Багида-апай. — Стареем, как не стареть. Время летит. И сам небось не стоишь на одном месте. К слову сказать, что это Хамита вашего не видно? Он ведь, когда мои внуки приезжали из города, от нас не выходил.

«Ну все,— подумал Шагит,— я попался». У него даже по телу пробежал озноб, так неприятно было изворачиваться и врать.

— Каникулы ведь, к теще в гости отправили,— промямлил он, моля бога, чтобы Багида-апай не продолжала разговор на эту тему.

— Хорошо, хорошо, пусть погостит. Ну, а Магинур как? Как ее здоровье?

Шагит опять вздрогнул. Разве скажешь, что они с Магинур расходятся? Нет, ему не хотелось портить настроение доброй Багиде-апай. Ведь она даже заболеть может от горя, так близка ей их судьба. Всегда всем сердцем переживала за них. И на свадьбе первая сказала тост за их счастье. Правда, это было уже десять лет тому назад, но кто может забыть такой день? Шагит стал вспоминать, что еще тогда говорила она. Кажется в том духе, что таких славных пар, как Магинур и Шагит поискать надо. Они похожи друг на друга не только характером, но даже и внешностью, и они будут счастливыми, я верю в это, говорила она. Особый смысл, который учительница вкладывала в свои слова, Шагит хорошо понимал. «Ведь это мой ученик!» — как будто с гордостью говорила она. И весело, дружелюбно смотрела на него, и он читал в ее смеющихся глазах: «Не зря ведь я познакомила вас тогда».

Да, действительно, не зря. Магинур с того дня не выходила из головы Шагита. Каждую минуту ему хотелось увидеть Магинур, эту симпатичную голубоглазую библиотекаршу. Каждый день он ходил к ней в библиотеку, а по вечерам встречал ее в клубе.

Магинур была из города, но как-то быстро привыкла к своему новому положению, легко сошлась с деревенской молодежью, со всеми перезнакомилась, танцевала и плясала с парнями не хуже других. И ребята не стеснялись танцевать с ней.

Особенно Шагит удивлялся смелости Басира. Тот приехал из города, где учился, в первый же день познакомился с Магинур в клубе, пригласил ее танцевать. Многие ребята завидовали Басиру, и, конечно, Шагит тоже.

Шагит был стеснительный парень, и дело у него шло медленно, разве что поздоровается с Магинур, да и только. Между тем в душе он так сильно ревновал девушку к Басиру, что хоть и невелик ростом и не силен, чуть не схватился с Басиром. Но и тут природная застенчивость помешала ему выполнить намерение. А Басир ни на шаг не отходил от библиотекарши. И об этом знала вся деревня.

Шагит чувствовал, что за парень этот Басир, не чистая у него душа. Да тот и сам рассказывал ребятам, мол, погуляет до конца отпуска и уедет в город. Если что и случится с Магинур, то пусть она пеняет на себя.

Как-то раз он задержался по делам в райцентре, и домой пришлось возвращаться довольно поздно. Надо было получить новый культиватор. И вот пока выписывал, грузил на машину, дожидался очереди, прошло немало времени. Когда выезжал из города, на автобусной остановке увидел Магинур, которая держала в руках несколько тяжелых свертков. Сначала он не хотел останавливаться. Ему казалось, что она знает, как он ревнует ее к Басиру. Было неудобно. Но, вспомнив, что последний автобус прошел, нажал на тормоз. Девушка удивилась и обрадовалась:

— Шагит?!

Впервые он услышал, как она произносит его имя, и это было приятно. Но тут он опять вспомнил Басира и промолчал. Все добрые чувства его вдруг остыли.

— А я, пока в книготорге выбирала книги, опоздала,— объяснила Магинур, укладывая свертки в кабину. — Вышла, а автобуса уже нет, ушел. Ну что теперь делать, думаю, а тут ты. Как хорошо, что ты встретился, Шагит. — Магинур так мило и доверчиво взглянула

на него своими голубыми глазами, что он не знал, что и отвечать.

— Са-адитесь,— чуть заикаясь, пробормотал он.

Магинур протянула ему свою руку, и щеки у нее порозовели от смущения.

— Шагит, помоги, пожалуйста. Не могу подняться, юбка узкая.— Тепло ее руки так подействовало на парня, что будто вытащили его из ледяной воды да бросили в кипятки.

Тронулись в путь. В голову Шагиту вдруг пришла мысль, когда он взглянул на белые ручки Магинур: «Вот этими руками она, наверно, обнимает Басира». И больше он старался не смотреть ни на ее руки, ни на ее довольное лицо. Да и дорога была плохая, в кузове мотался плохо закрепленный культиватор.

Шагит чувствовал, что Магинур хочется о чем-то поговорить с ним. Но она не решалась, да и Шагит стеснялся заговорить первым, как-никак у нее другой парень, Басир.

Проехали довольно много. Девушка вдруг затосковала, погрузилась заметно, сложила на груди руки и устремила свой взгляд на бесконечную полосу горизонта впереди.

Вечерело. Шагит включил фары, но одна из фар несколько раз мигнула и потухла. Пришлось остановиться.

Из-за далекого горного хребта медленно показалась полная, как медный поднос, луна и окутала таинственным светом дорогу. Слегка подул ветерок, зашуршали колосья у дороги.

— Какой вечер! — восхищенно сказала Магинур, успевшая выйти из кабины. Шагит, отвинчивающий ободок у фары, нечаянно взглянул на нее и пришел в восторг от ее стройной фигурки, четко вырисовывающейся на фоне светлого неба. Чтобы не смотреть на нее и не искушать себя напрасными иллюзиями, он надвинул кепку на лоб и занялся делом.

А она, как нарочно, подошла прямо к нему и стала следить за тем, как он снимает стекло фары.

Потом, когда он закончил работу и вытер руки, спросила:

— Шагит, а почему ты меня избегаешь? Почему ты не хочешь со мной разговаривать? Всегда...

Шагит распрямился и впервые так близко увидел глаза Магинур. В них было что-то такое таинственное и влекущее, что он отвернулся.

— Как это всегда?

— Да всегда. Даже на улице избегаешь меня.

— Не знаю, видно, нечего сказать вам.

— Неправду ты говоришь. Я ведь вижу.

— Хы... — растерялся Шагит, не находя слов, потом взял себя в руки. — Тебе и без меня надоедают многие.

— Эх ты, — укоризненно сказала Магинур и пошла к кабине.

Когда снова тронулись, осмелевший Шагит сказал:

— Басир ведь большой мастер потрепаться.

Тут-то они и разобрались наконец во всем. Магинур сказала, что Басира она не любит, потому что сразу поняла, что он за человек.

После этого случая дело пошло на лад, стеснявшаяся мнительностью и ревностью Шагита, разрушилась. Они и не заметили, как полюбили друг друга.

По деревне прошел слух, что Басир грозился разделиться с Шагитом и что Магинур все равно будет принадлежать ему. Однако на это никто не обратил особого внимания.

Скоро сыграли свадьбу и зажили дружной семьей.

Сколько уже прожито, и любовь была настоящая. А теперь вон до чего дошло. Что тут скажешь Багида-апай? «Как Магинур?» — спросила она. Всего не объяснишь. Шагит долго стоял и думал, что ответить, потом сказал буднично:

— Ничего, здорова Магинур.

А сам невольно опустил глаза, смутился. Багида-апай, конечно, не могла этого не заметить, но виду не подала.

— Ладно, живите счастливо, — ответила она и перевела разговор на другое. — Старик-то мой отвез внуков сыновьям, и вот я опять одна осталась. А без дела тяжело, вот я и пришла сюда, может, чем им помогу. Председатель у себя?

— Не знаю. Я только что пришел. Магинур пошла очередь занимать.

Багида-апай мельком взглянула на Шагита, как будто на совершенно незнакомого ей человека, и поднялась на крыльцо.

— По делу вы пришли, что ли? А то ведь время-то рабочее.

— По делу,— чуть слышно ответил Шагит и, как только Багида-апай вошла в сельсовет, закурил сигарету. Он снова вообразил себе Магинур. Какой она сейчас поднимет шум у председателя. Тем более Багида-апай тоже там и, наверно, не скоро оттуда выйдет. Магинур при ней еще больше разъярится. «Путается с этой... с этой Гамбарией,— слышал он ее голос. — А мной так только недоволен, словечка ласкового не скажет. Ночью повез ее на машине в район, а оттуда завернули в лес. Вернулись за полночь. А та, бессовестная, хоть бы тайком, а то прямо посреди улицы из машины вылезла. Своими глазами видела. Не буду с таким бесстыдником жить, ни минуты не буду. Разведите нас, вот мое заявление!»

Шагит жадно затанулся и сунул руку во внутренний карман. Там он нащупал сложенный вчетверо лист бумаги и немного успокоился. У него тоже было написано заявление. «Неправду она говорит,— скажет он для начала председателю. Шагит представил, как вытащит потом свою бумагу и подаст председателю.— Да, неправду, все было не так».

И он расскажет обо всем. И о том, что колхоз нынче велел ему работать на молоковозе, что тоже дело ответственное, не всякому можно доверить. И вот из-за очереди на маслозаводе, там у них сломалась машина, все молоко у него прокисло. Целая машина молока. А ему ведь отвечать, с него спросят отчета. Поэтому он вернулся в колхоз, прихватил там заведующую фермой Гамбарию, снова приехали на маслозавод, установили виновных. Ну, а потом, не пропадать ведь прокисшему молоку, заехали на свиноферму. Вот как было дело на самом деле. И Багиде-апай он не постесняется посмотреть в глаза, потому что душа у него чиста, а совесть незапятнана. Ну а что люди болтают, на то они и люди, язык ведь без костей.

А вот о самой Магинур ему есть чего порассказать. Расскажет о Басире, который теперь в деревне отдыхает. Так ведь днюет и ночует в библиотеке. Люди все видят, ничего от них не утаишь.

Он вдруг вспомнил, что, перед тем как зайти в сельсовет, Магинур обозвала его эгоистом. Шагит покачал

головой в задумчивости: «Ведь и слово-то найдет такое. И там наверняка повторит, у председателя». А ему что ответить на это? Надо было что-то придумать. И тогда на память пришло вычитанное где-то в газете: «Аморальный поступок». «Если я эгоист, то она пусть будет аморальная,— решил он. — А там посмотрим. Мы ведь тоже не из пропащих».

Потом он снова стал составлять про себя речь. «Мы,— скажет он,— растим ребенка. Сын уже не маленький, в таком возрасте, когда многое понимает. И это не дело, что Магинур шушукается с другими мужчинами, особенно во время рабочего дня. Это аморально. И от своего заявления я не отказываюсь. В том, что разрушается наша семья, виновата только Магинур».

Шагит раздавил сапогом сигарету и решительно взялся за ручку двери.

В коридоре, кроме его жены, было еще несколько человек. Все они ждали своей очереди, чтобы попасть к председателю. Магинур была самая последняя. Шагит немного постоял, не зная, куда сесть, но, ощутив любопытные взгляды односельчан, торопливо присел на край скамейки рядом с женой. Магинур молча взглянула на него и отодвинулась. Некоторое время молчали, потом Шагит, чтобы о них не подумали что-нибудь плохое, сказал будничным голосом:

— Народу, оказывается, сегодня много.

Мол, если так, то мы можем и завтра прийти, нам не к спеху. Магинур охотно отозвалась на его слова:

— Да, много. Сколько не сделанных дел останется.

Обида на жену у Шагита вроде поуменьшилась. Он заметил на кофте у жены приметную соринку, и у него появилось острое желание снять ее, но он остановил себя, обхватил ладонями голову, оперся локтями на колени и притих, прислушиваясь к разговору людей. А вдруг те успели заметить их ссору, как-то догадались обо всем?

Одна из старушек, первая на очереди, сетовала на то, что сдала в сельпо молоко и никак не может получить за него деньги.

Другая старушка поддержала ее:

— Ой, и не говори! Ведь от своего рта отнимаем,

сдаем. Нет чтобы спасибо людям сказать, так они еще вместо этого и обидят человека.

В разговор вмешался мужчина:

— Если есть у них деньги на счету, то дадут и без жалобы. А вот у меня телка прямо на озимом поле околела, объелась. Поговорю с председателем, может, за страховку получу...

Одна из женщин пришла за справкой, сыну паспорт хлопочет. Сидел Шагит, слушал и расстраивался. У каждого свое дело, своя жизнь, обычная. А они?

Мужчина, у которого пропала телка, прервал его мысли:

— А вы что, мырда, вместе с женой по какому делу пришли?

Шагит растерялся, взглянул на Магинур, мол, ты еще не успела тут разболтать? Почувствовав доверчивость во взгляде жены, он пробормотал:

— Да есть тут одно дело.

Мужчина на этом не успокоился. Любопытство его разгорелось, будто расшевелили угли в очаге:

— Сейчас у молодых так уж заведено,— сказал он обидчиво. — Жизнь свою устраивают скрытно, все у них в секрете. Ты тоже, Шагит-мырда, наверно, из таких.

Вся очередь с любопытством повернулась к Шагиту, тот ничего не ответил, только двусмысленно улыбнулся.

— Знаю, знаю, мырда, в чем дело,— сказал мужчина, делая хитрое лицо. — Хоть и не говоришь, да я чувствую, по какому делу. Говорили, кирпичный дом собираешься строить. Наверно, пришел просить у председателя новое место для дома. Да... а почему тебе и не строить. Шофер. С машиной-то дело другое. Все, что надо по хозяйству — привезешь, ни у кого и спрашивать не будешь. Жена у тебя устроена, деньги идут. Так чего тут еще раздумывать.

— Я ведь на молоковозе,— возразил Шагит. — Много ли на нем навозишь.

И он посмотрел на Магинур, чтобы сообразить, правильно ли он отвечает. Не дай бог той вспылить, наговорит такого...

— И молоковоз машина,— сказал мужчина.— Вон этой ночью сын Гатифы с нижней улицы, который работает на бензовозе, приволок бревно для матицы.

— Да, машина, она машина и есть,— поддержали его другие. Потом все замолчали, чему Шагит немало обрадовался.

Да, в этом году и правда, они задумали строить кирпичный дом. Даже договорился на мебельной фабрике и привез оконные косяки. Строят-то сейчас по типовым проектам. И насчет кирпича договорился, только плати деньги да увози. И вот теперь никому это не нужно. А ведь Магинур сама ездила на кирпичный завод договариваться.

Дверь в кабинет председателя открывалась и закрывалась, кто-то заходил, кто-то выходил. На глаза Шагиту снова попала соринка на кофте жены, и он сам не заметил, как убрал ее, чисто машинально. Но Магинур заметила и как будто улыбнулась, но, наверно, вспомнила, по какому делу они пришли, нахмурилась и отвернулась.

Шагит сделал себе внушение: «Не виляй хвостом, аморальное это дело».

Он вообразил Басира. Тот приехал в деревню на своей машине. Говорят, институт закончил, в аспирантуру собирается поступать. Набрался уму-разуму. Будущему кандидату наук много книг надо, вот и просиживает целыми днями в библиотеке около Магинур. Так-то оно, конечно, так. Да только обидно ему. Недавно жена сказала: «Ты, непутевый, хоть бы поступил заочно в техникум, поучился бы немного». Намекает, что Басир вон какой стал ученый. Тут хочешь не хочешь, а разозлишься.

«Если тебе так нравится этот будущий кандидат наук, садись в его машину да и уезжай с ним,— сказал он тогда жене. — Наверно, все еще не можешь забыть его, как он за тобой ухаживал в молодости».

«А я и уеду, жалеть не буду,— тотчас ответила Магинур. — А ты иди к своей Гамбарии».

Тут-то и вскипел Шагит. Как можно спокойно выслушивать напраслину? Кто потерпит такое? Если он настоящий мужчина, а не овца?

«Если ты не перестанешь,— закричал он. — То вон дорога, можешь уходить. Хоть к Басиру, хоть к самому черту!»

Конечно, это было лишнее, надо было сдержаться. Да уж поздно. Будто в огонь керосину плеснули.

Магинур ответила ему еще похлеще. Ругань тянулась у них целую неделю, и вот оба пришли к сегодняшнему «делу»...

Шагит вышел покурить. Чем ближе подходила их очередь, тем больше они сникали. Что ни говори, а муж и жена они последние часы в жизни, даже минуты...

Магинур достала из сумочки зеркало и стала рассматривать себя, поправила волосы, погладила щеку. «Выгляжу еще не старой,— подумала она с удовлетворением. — Могу нравиться».

А Шагит расстраивался: «Если она уведет сына, как я все это выдержу? К теще отправили, чтобы он не видел, как они станут расходиться. Значит, оттуда он больше уже не появится. Там и останется».

Оба они, и Магинур и Шагит, когда открывалась дверь, вздрагивали.

Наконец он спросил с опаской у Магинур:

— Багида-апай у председателя?

— Там, конечно, она ведь не выходила,— охотно ответила Магинур. — Вечером нас обоих приглашала на чай.

— Ты пойдешь? — спросил Шагит.

— Зачем мне идти? Она твоя учительница, сам и пойдешь.

В очереди оставался только один человек впереди них. Скоро им тоже заходить. Магинур что-то очень тихо шепнула ему. Он не разобрал и поспешно наклонился к ней.

— Шагит, хорошая я была или плохая,— сказала Магинур,— однако корову не доверяй первому встречному, молока станет меньше давать. Сама ведь я ее выхаживала. — Шагит молча слушал, опустив голову. — Станете пользоваться электрическим сепаратором, обращайтесь с ним поосторожнее...

Голос у Магинур задрожал и оборвался. Шагит невольно придвинулся к ней поближе, взглянул на старушку, которая вот-вот должна была войти к председателю. А потом и их черед.

— Магинур,— сказал он дрожащим голосом. — Разреши уж мне иногда повидать мальчика.

Магинур молча кивнула головой.

Мужчина, у которого пропал телок, решил уже свой вопрос и вышел на крыльцо покурить. В приоткрытую

дверь было видно его довольное лицо. Он с кем-то разговаривал и улыбался, наверно, дело со страховкой вышло. Шагит почему-то остро позавидовал ему. Если бы и у них было что-нибудь вроде этой страховки!

Шагит и Магинур вдруг со страхом посмотрели друг другу в глаза, как будто наконец до них дошла вся истина дела, которое через минуту должно решиться.

Старушка вдруг встала со скамейки, опустевший конец которой взлетел вверх, и они чуть не грохнулись оба. Шагит едва успел поддержать свою жену. Они снова уселись рядом. Шагит молча поглаживал шероховатую доску скамьи, потом шепнул на ухо жене:

— Помнишь, это ведь та самая скамья, когда мы еще приходили расписываться...

Магинур повернулась к нему и уставилась во все глаза, как будто увидела его впервые. «Как не помнить,— говорил ее взгляд. — Мы ведь тогда тоже сидели на этой скамье».

Магинур была очень взволнована, на ресницах у нее дрожали слезы. Шагит взял ее за руки и легонько притянул к себе. Магинур поспешно встала, с испугом поглядела на председательскую дверь, тихонько освободила локоть из рук Шагита и, опустив глаза, пошла к выходу.

Шагит поспешил вслед за женой. Мужчина, у которого пал телок, с удивлением заметил:

— А эти, кажется, так и не зашли к председателю. Приходили просить место для нового дома. Интересный народ пошел...

Тот, кому он все это высказал, возразил:

— А зачем им новое место? И там, где они сейчас живут, место хорошее. Славная пара.

И он долго провожал взглядом Шагита и Магинур, которые медленно шли по улице, о чем-то оживленно толкуя.

Мешок пшеницы

Вот уже третий день Масалим возит колхозное зерно на мельницу. Возит на лошади, хотя машин в колхозе хватает. Конечно, на машине за один раз можно перевезти столько, сколько на лошади и за день не перевезешь. Но что толку? Жернова быстрее вертеться не станут. А мельница и так завалена мешками с зерном, которое принадлежит разным хозяевам. У одного три мешка, у другого два, и всем надо смолоть. Но за них возьмутся не раньше, как управятся с колхозным зерном.

Поэтому Масалим и не торопится на своей лошадке. Привезет воз, сдаст его мельнику, заберет муку с отрубями и — на ферму. С фермы на склад, оттуда на мельницу. А там уже смолото к тому времени.

— А все-таки лучше лошади нет ничего, — рассуждает Масалим. — Тише едешь — дальше будешь.

Обычно на телегу он грузит мешков семь или восемь, потом сам взгромоздится на них, спину распрямит, приосанится, дернет вожжи:

— Н-но! Коняга! Пошел!

Выехав за ворота склада на дорогу, отпустит вожжи и начнет закуривать свой самосад. Другого курева Масалим не уважал, папиросы там или сигареты. Если уж курить, так курить. Чтоб внутри все прожгло.

По этой причине Масалим каждый год сажал табак. Едва земля начнет освобождаться из-под снега, он уж на огороде. И час стоит, и другой стоит, чего-то высматривает, соображает. А что у него в голове, никому неизвестно, разве что кроме жены.

Посмотрит та на него да и рукой махнет:

— Ну его, табачника. Опять лучшее место под табак займет.

Из-за этого табака и прозвище прилипло к Масалиму — «табачник». Даже ребята малые и те к нему: «Дядя табачник, дядя табачник, угости табачком». Но Масалим совсем не сердится, даже где-то в душе гордится своим прозвищем. А жена частенько ворчит:

— Всех мальчишек к табаку пристрастил. Да и сам весь провонял табачищем.

А Масалим ничего, разве только посмотрит на свои прокуренные пальцы да улыбнется:

— Я-то здесь при чем? Иди вон ругай Петра Первого. Он табак-то распространил.

— Ну и что? — нахмурит брови Гатифа. — То ведь царь.

Масалима теперь не остановишь, любит порассуждать.

— Э-э, Гатифа, нынче каждый сам себе царь, — говорит он, отрывая от газеты аккуратный листочек и сворачивая толстую самокрутку. — Заруби себе на носу, если мы курим табак, значит, живем не хуже царей. Что было доступно царю, то и нам теперь доступно. Значит, хорошо живем, справно. Когда тянет человека покурить? После хорошего обеда. А хороший обед теперь у каждого.

Слушает Гатифа мужа и вроде бы согласна с ним. Вон как дело повернул, конечно, у каждого теперь есть хороший обед...

Масалим успел закончить всего четыре класса, потом началась война. Пошел пасти лошадей, и так уж сложилась судьба, с тех пор не разлучался с лошадьми, полюбил их.

Бывает такое дело, кончается у мужиков табак, а магазин закрыт, тогда идут к Масалиму угощаться. Вот и начинают хитрые мужики хвалить Ласку, резвую колхозную лошадку, которой почти что один Масалим и пользовался:

— Нет, на этом свете все равно без лошади не проживешь. Взять хотя бы, к примеру, твою Ласку. Славная лошадка.

— Славная лошадка, — соглашается Масалим, — работающая.

И идет за табаком, надо угостить хороших людей.

— Присвоил себе колхозную лошадь,— ворчит кто-то.

— Тише, услышит, будет дело.

— Он ведь не по своим делам на лошади ездит,— вступает за Масалима конюх. — Честнее не найдешь человека. Ухаживает за лошадыю, как за дитем малым.

Между тем возвращается Масалим с табаком, все угощаются, чадят самокрутками. Масалим возвращается к прерванному разговору.

— И при коммунизме лошадь будет,— убежденно говорит он. — Как человеку без лошади?

Хочешь курить, сиди и слушай Масалима, не перебивай. И мужики слушают, тем более что рассуждает Масалим интересно.

Выращивать табак научил его Максим из русской деревни, которая лежала за Гунушем. Этот же табак и сблизил их, сдружил. Теперь друг к другу в гости ходят, поговорить есть о чем, да и так приятно провести время с человеком, у которого то же увлечение, что и у тебя.

Надоест Масалиму работа или поссорится с женой, бросит все и — к Максиму. Заберутся в огород и сидят там целый день, попивая медовуху да покуривая табак. Такие дни — настоящие праздники для них.

Иногда Максим и сам навещает Масалима, и тот прежде всего показывает ему свой табак.

— Хороший табак,— непременно скажет Максим. — Даже в этом году лучше, чем у меня.

— Нет, у тебя лучше,— возразит Масалим, однако в душе сам очень доволен Максимовой похвалой. Не знает, чем и угостить гостя...

Вот почему Масалим и усердствует со своим табаком, чтобы рос не хуже, чем у друга, и едва начнет сходить снег, часами пугалом торчит на своем огороде, пробуя землю лопатой. Гатифа переживает, у нее свои планы, не выдерживает и подходит к нему:

— Что ты, Масалим, я ведь тут лук собиралась посадить.

Но попробуй переубеди Масалима.

— На этом месте табак хороший вырастет. Табак, понимаешь?

— А я куда лук-то дену?

— Хватит места и для лука. Много ли нам надо.

— Ох, беда мне с этими мужиками,— ворчит Гатифа.— Скоро весь огород займет табаком. Ну что толку с твоего табака?

Но Масалим уже не слушает. Скоро подсохнет земля, и можно будет вскопать грядку под табак, удобрить как следует, а потом табак зацветет.

Летом, когда солнышко жарит вовсю, Масалим все свободное время проводит на огороде, полет, рыхлит, поливает. Потом отойдет в сторонку, издали полюбуется. Нет, и правда: хорош нынче у тебя табак. Гатифе, которая наблюдает за ним, и смешно и досадно. Табак для него все, как будто ничего на свете нет.

— А ты, Масалим, ляг на грядку да и целуй свой табак. Лучше вырастет.

— И поцелую,— отвечает Масалим. — Это ведь не ты.

Но Гатифа не обижается на мужа. Хоть он и не особенно разговорчив, кажется нелюдимым, но любит ее, души не чает. Ну, а уж когда зацветает табак... Настроение у Масалима поднимается. И дома, и на работе он другой человек. Вдруг возьмет да и обнимет свою Гатифу, поцелует крепко.

— Ты что, Масалим?

— Да так.

И молчит, как будто боится, не находит подходящих слов для нахлынувших чувств. И в любви-то едва сумел объясниться. Правда, когда любишь, и без слов все ясно. Гатифа быстро догадалась о чувстве Масалима...

Вот и сегодня Масалима не узнать, так весь и светится улыбкой, а работа спорится. Играючи кидает он тяжелые мешки на телегу, похлопывает мимоходом свою Ласку, и та чувствует настроение хозяина. Легко сдвигает с места воз и выходит на дорогу. Масалим не натягивает вожжи, не понукает, смотрит на Ласку и кивает головой, мол, вот так, нынче у нас праздник, табак зацвел.

Заведующая складом Самара тоже чувствует настроение Масалима и догадывается: «Наверно, у него табак зацвел».

— Женщины созданы не для тяжелой работы,— говорит Масалим. — Женщины для красоты созданы. Есть кому мешки поднимать и без тебя.

— Вот это Масалим-агай! — восхищается Самара. — Все бы так рассуждали, то-то мы бы зажили.

Мельница в трех километрах от склада, в соседней деревне. Масалим уже один раз съездил. Сейчас поедет опять. Иногда за день удаётся сделать шесть ездов. Можно бы и больше, но Масалим не торопится, все привык делать основательно, доводить до конца.

Телега наполовину уже нагружена. Зерна на складе осталось немного, поездки на две, на три. Да и было его немного, остатки от посевной. Вот и решили смолоть да свозить на ферму подкормить скот отрубями да мукой. Только Масалим не уверен, что коровам много перепадет, раздадут людям муку. Прибегут просить. Им, мол, коровам, и отрубей хватит, комбикорма вон завезли.

Самара стоит с тетрадкой рядом и отмечает карандашом, сколько мешков погрузит Масалим. А сама любит его расторопными движениями. Масалим носит мешки на телегу, не останавливаясь ни на минуту.

— Дядя Масалим, — говорит Самара, — ты чего это улыбаешься без конца? Табак, что ли, зацвел?

Масалим завязал мешок, перехватил поперек и ловко кинул его на телегу.

— Как ты догадалась, что зацвел?

— Да уж догадалась.

Масалим насыпает новый мешок.

— Хоть бы покурил, — говорит Самара.

— Потом покурю.

— Да не спеши ты, немного и осталось.

— Потому и надо спешить, что немного, — говорит Масалим. — Чтобы уж поскорее закончить.

— А может, твой друг Максим в гости придет? — допытывается Самара.

— Нет, вроде не договаривались.

— Ну, значит, табак твой зацвел, — решает Самара. Масалим улыбается.

Осталось положить на весы последний мешок, но тут Самару позвали к телефону.

— Дядя Масалим, подожди меня немного, я быстро, — попросила Самара. Масалим покачал головой:

— Нет, не могу ждать. Некогда.

— Ну тогда сам взвесь и накинь на дверь замок.

И убежала к телефону.

Масалим взвесил мешок, прикрыл дверь склада, сел на телегу и поехал.

Чудной вид у Масалима. Мохнатые брови от муки заиндевели, весь побелел, и щеки и лоб, а во рту цигарка потрескивает, чадит.

— Н-но, лошадка, торопись. А то мы так и уснем с тобой на дороге.

Понятливая Ласка идет быстрее, но на рысь не переходит. Она знает, что большего Масалиму и не надо, говорит по привычке. Куда уж тут с возом рысью.

Когда выехали на большую дорогу, Масалим вдруг вспомнил, что последний мешок забыл отметить в Самариной тетрадке. «Как же это я так? — расстроился Масалим.— Вот пустая голова!» Но тут же, впрочем, и успокоился, вернется с мельницы, отметит, дело нехитрое.

Дорога была ровная, сбоку тянулись электрические столбы. Масалим поглядывал то на них, то на чистое небо. Настроение и правда было у него прекрасное, даже принялся мурлыкать себе под нос. Вообще-то он не из тех, кто поет. Ни голоса, ни слуха. Но вот когда такое настроение, Масалим начинает тянуть песню, кроме которой, пожалуй, ничего и не знал:

У русских марьяжки
Ткут холст, делают добро.
А башкирские жены
Чай пьют...

Все в деревне знают Масалимову песенку. И поют ее обычно подвыпившие. Шутят, бывало, а что, уже запел песню Масалима? Нет? Ну значит, скоро запоем.

Самого Масалима к водке не тянет. Редко дома или у своего друга Максима по праздникам немного выпьет, чтоб на душе веселее. Быстро захмелеет и больше уж в рот не берет, не валяется, как некоторые, крепко стоит на ногах. Разве что песню свою затянет.

Сегодня у Масалима праздник — зацвел табак. Утром он вышел в огород и понюхал цветы. Никаких духов не надо, такой аромат. Этой весной он посеял разные сорта. Может, приедет Максим в гости, тогда уж они посидят.

Или сам к Максиму съездит, позовет к себе. Он вообразил, как вечером они беседуют с Максимом, а

рядом цветет ароматный табак, поговорят, покурят, угостятся табачком прошлого урожая. А скоро будет и свежий. Много ли надо в жизни человеку?

Масалим стал закуривать и вдруг увидел на вершине столба электрика Шайдулла. Рядом на обочине стоял его трехколесный крытый мотороллер. Увидев Масалима, электрик стал проворно спускаться.

— погоди, друг табачник! Пстой!

Масалим остановил лошадь.

— Чего случилось?

— Случиться-то не случилось. А ты куда, на мельницу?

— На мельницу.

Шайдулла похлопал по мешку.

— Пшеница?

— Она самая. А что?

Шайдулла обошел вокруг телеги, посмотрел на мешки оценивающим взглядом и хитро улыбнулся:

— Может, уступишь мешок? Одним больше, одним меньше, а?

Масалим сегодня в хорошем настроении, даже сердиться неохота. В другое время он бы и разговаривать не стал с этим мошенником Шайдуллой.

— Не болтай ерунду,— добродушно сказал Масалим.

— Подожди. Давай покурим.

— Путнику лучше быть в дороге,— сказал Масалим и поудобнее устроился на мешках.

«Сейчас уедет,— подумал Шайдулла. — Кто узнает? После мельницы ведь не взвешивают. И место как раз тихое, низинка». Шайдулла похлопал Масалима по плечу:

— Шучу, друг. А ты и поверил. Чего я хотел у тебя спросить, табак еще не зацвел? Надо бы как-то зайти к тебе посмотреть. На тот год и сам думаю посадить грядку. Папиросы — трава, только деньги зря переводишь.

После таких слов Масалим, конечно, растаял.

— Наконец-то и ты взялся за ум, Шайдулла.

— Лучше поздно, чем никогда,— усмехнулся Шайдулла.

— Так,— кивнул Масалим.

Шайдулла почувствовал, что Масалим смягчился,

дал, как говорят, слабинку, когда заговорили о табаке. «Врать, так уж врать»,— подумал Шайдулла, не спуская глаз с мешка, который и лежал как-то неловко, будто вот-вот свалится.

— А ведь я видел сегодня твоего друга. В ихний колхоз ездил по делам.

— Видел Максима?

— А то кого еще? Да что ты сидишь, слезай, пойдём вон там на травке посидим. Работа не волк, в лес не убежит.

Не дожидаясь ответа, Шайдулла зашагал в сторону своего мотороллера и сел на траву. Масалиму стало как-то неудобно, неловко отказываться. Он слез с телеги подошел к Шайдулле, достал табак, и оба стали закуривать.

— Максим ничего не передавал мне? — спросил Масалим, чиркая спичкой.

— Как не передавал... Погоди, а главное-то я и забыл.

Шайдулла порылся в сумке, вытащил оттуда бутылку водки, ловко разостлал газету, выложил на нее лук, курут. Масалим и глазом не успел моргнуть, как стол был накрыт.

— Ну это уже лишнее,— запротестовал Масалим, пытаюсь встать. Но Шайдулла, зыркнув на телегу с мешками, ухватил его за рукав.

— Сиди, друг. Ты что, от добра не бегают.

Он сунул стакан в руки Масалиму. Тот вздохнул и пробормотал:

— Нехорошо это. Ведь рабочее время.

— Да ладно. От полстакана ничего не будет. Ты ведь не за рулем. А ведь Максим вечером нас с тобой в гости звал.

Масалим и сам не заметил, как выпил водку, вытер ладонью рот и спросил:

— Звал, говоришь?

— Звал. Да ты бери лук, чего стесняешься.

— Да я и сам собирался к нему наведаться.

— Тем лучше.

Слово за слово, развеселились.

— Ты знаешь, у Максима какой табак уродился,— врал Шайдулла. — Весь в цветах. А запах во, даже пиджак пахнет.

Шайдулла понюхал полу своего пиджака для пушей убедительности.

— Да ведь как ему не уродиться,— согласился Масалим. — Семена из Болгарии выписаны.

Голова у Масалима кружилась, настроение было совсем праздничное. Хотелось говорить и говорить только приятные слова.

— Ты хороший человек, Шайдулла,— сказал он.

— Да ведь как без этого. Какой раз на мельницу?

— Второй.

— Шустро. Самара отпускает?

— Она самая. Хорошая девушка. Вот только один мешок я увез нечаянно, забыл в тетрадке записать. Даже на душе как-то нехорошо.

Услышав такое, Шайдулла встрепенулся.

— Масалим, забыл сказать тебе об одной просьбе Максима. Случай как раз подходящий. Не может ли, мол, Масалим достать мешок зерна. Нечем птицу кормить. Сам знаешь, какие прожорливые эти куры.

— Это верно.

— Так ты и отдал бы тот мешок, который не записан. Скакун вон у меня готов. — Шайдулла кивнул на мотороллер. — Тут живо, ни одна душа не заметит.

«Ишь куда гнет, черт рыжий. Ну и пройдоха этот Шайдулла»,— подумал Масалим и коротко, как отрезал:

— Нет. Зерно колхозное, парень. Никак нельзя. Расстроил ты меня, однако.

Шайдулла протянул ему стакан:

— Ладно, давай выпьем и помиримся.

— Выпить выпью, но мириться... Ничего из этого не выйдет.

— Да ты сначала выпей.

Масалим выпил и стал собираться в дорогу.

— Ладно, я двинулся, дружок. А то что-то весь расслабился. Надо же такое, совсем опьянел.

Что-то еще бормоча, он поправил чересседельник, залез на мешки и тронул лошадь, не обращая внимания на Шайдуллу.

Все кругом казалось ему веселым и забавным. Даже спеть захотелось.

Шайдулла, впрочем, и не думал отступаться, все еще надеясь уговорить Масалима.

— А может, договорились бы?
— Нет, не получится это дело у нас.
— Чего ты боишься? Никого ведь нет. Из-за одного мешка колхоз не обеднеет.

— Обеднеет.

Но Шайдулла все не отставал.

— Ты с горы поедешь, а там колдобина. Мешок-то может и выпасть... Ну что ты за человек. Какой-то твердокаменный. Ты меня не видел, я тебя не видел. Все шито-крыто.

— Но! — гаркнул Масалим и дернул вожжи. Лошадка побежала рысью, и он сразу забыл про Шайдулла, только жалко было потерянного зря времени. Пустой человек Шайдулла, нечего о нем и думать.

Чтобы как-то наверстать упущенное время, повернул напрямую, через луг. Здесь дорога была хоть и похуже, поухабистее, зато ближе.

Телега с грохотом покатила вниз. «Как бы меня не встряхнуло», — подумал Масалим, покрепче упираясь ногами в передок телеги.

Когда он спустился с горы и оглянулся назад, то вдруг заметил, что не хватает одного мешка. «Видно, обронил», — подумал Масалим.

Но возвращаться искать не хотелось. Да и выпали в самом деле мешок? Черт его втянул в эту историю с Шайдуллой. Только бы не остановись тогда. А вдруг это он? Не может быть. Масалим вдруг разозлился на себя, на Шайдулла, потому что не знал, что и подумать. В голову пришла успокоительная мысль, зерно-то ведь не взвешенное. Самара не отметила его в своей тетрадке. «Эх Масалим, Масалим! — тут же укорил он себя. — И ты туда же, заодно с этим мошенником!»

С досады он хлестнул лошадку плеткой. Ласка обиженно поджала уши, удивившись такой перемене в настроении хозяина, и побежала рысью.

Масалим отвез воз на мельницу, погрузил муку и поехал на ферму. Порожняком выехал обратно. Он уже совсем протрезвел. Мысль о потерянном мешке не давала ему покоя. Может, и в самом деле обронил? Он свернул по своим следам на прямую дорогу, спустился с горы. Но мешка нигде не было. Праздничное настроение испарилось, вот тебе и зацвел табак.

И как мог Максим просить Шайдуллу насчет зерна. Как теперь разговаривать ему с Максимом, как смотреть в глаза?

Мешок с зерном не мог испариться в воздухе. И даже если он его обронил, кто мог его поднять в таком пустынном месте? Кто, кроме Шайдуллы?

Расстроенный Масалим поехал домой, как раз было время обедать. В переулке он неожиданно встретил Шайдуллу на своем мотороллере. Шайдулла улыбнулся ему как-то по-особенному, подмигнул, мол, мы с тобой кое-что знаем, да только никому не скажем.

Масалим даже и бровью не повел, проехал мимо, будто не Шайдулла перед ним, а пустое место.

Гатифа удивилась, когда увидела хмурого, на себя не похожего Масалима. Она знала, что когда цветет табак, Масалим радуется как ребенок. Ведь если правду сказать, то эти дни и для нее праздник. Она даже позвала на обед свою мать. Вместе как-то и обедать веселее. А теперь вон лица на мужике нет. Гатифа даже испугалась.

— Что с тобой, дорогой, уж не захворал ли?

Масалим словно онемел.

— Нет, не заболел,— буркнул он и пошел на огород. Там потрогал цветы табака, понюхал, но никакого запаха не почувствовал.

Потом он залез на чердак. Там у него висели мешочки с табаком от разных урожаев. Понюхал из одного, но с досадой повесил на место, не ощутив никакого удовольствия от запаха табака, который нынче показался ему каким-то пресным и невкусным. «Ну Шайдулла — понятно,— думал он,— но Максим, с которым они выкурили не одну самокрутку. Как мог Максим пойти на такое?»

Он вернулся в дом и молча сел за стол.

— Жена Максима заходила,— сообщила Гатифа.

Масалим не донес ложку до рта, весь напрягся.

— Ну и что она сказала?

— Друг-то твой, оказывается, в больнице. Вторую неделю уже лежит. Привет велел передавать.

«Вот оно что,— подумал Масалим. — Значит, Шайдулла для себя старался. И как это я ему поверил».

Масалим поднялся с места.

— Ты куда? — встревожилась Гатифа.

— Я сейчас, дело есть.

Он торопливо вышел, вскочил на телегу и махнул плеткой. Скоро остановился он около дома Шайдуллы. И мотороллер стоял тут, а сам Шайдулла умывался во дворе, но тут же направился к Масалиму, радушно улыбаясь.

— Давай заходи в дом, гостем будешь. Рад, что ты пришел.

Масалим сел на скамеечку и стал закуривать, но, кроме горечи, не ощутил никакого вкуса табака. Затянулся разок, другой, раздавил окурок сапогом. Потом посмотрел в бегающие глаза Шайдуллы и сказал:

— Что стоишь? Вынеси и положи на телегу.

— О чем это ты? — прикинулся удивленным Шайдулла.

— О том самом.

— Да ты что, спятил?

— Я повторять не буду. Что сказал, то сказал.

— Да ведь ты же сам...

Масалим вскочил, крепко сжимая в кулаке плетку.

— Ну!

Шайдулла испуганно попятился, побледнел.

— Да ты что? И правда того.

Глядя на разгневанного не на шутку Масалима, Шайдулла понял, что тот сейчас способен на все, чего доброго, еще и драться полезет.

— Ладно,— сказал он. — Не ори.

Он зашел в сарай, вынес оттуда мешок пшеницы и молча кинул на телегу:

— На, подавись. Смотри, допрыгаешься, табачник. Не споткнись на ровном месте. Видали мы таких, и не мало.

Шайдулла зло плюнул под ноги.

Масалим на это ничего не ответил, он сел на телегу и погнал к складу. Но на двери висел замок, и он поехал к дому Самары.

— Ты чего, Масалим? — удивилась та.

— Да вот ведь какое дело. Один мешок увез, а в тетрадку мы не записали. Надо взвесить, зерно-то ведь колхозное.

Самара с уважением глянула на Масалима, как будто увидела его впервые в жизни.

— Спасибо тебе, Масалим-агай,— сказала она и улыбнулась.

Масалим глубоко вздохнул и сел на порог.

— Ты не торопишься? — спросил он.

— Да нет, я уже обедала.

Масалим благодушно улыбался. Он неторопливо скрутил самокрутку и глубоко затянулся.

— Ну что ж, съезжу еще разок сегодня на мельницу, да и хватит. Сегодня ведь у меня праздник.

— Какой же? — улыбнулась Самара, как будто ей и невдомек, о каком празднике сказал Масалим.

— Табак цветет,— как-то торжественно сообщил Масалим.

Ворота

— Давай, сынок, пей еще, в город уедешь, соску-чишься по нашему чаю.

Гатифа-инэй вытерла концом платка капельки пота на лбу и уж в который раз налила мне чаю. Цветастый чайник слегка дрожал в ее руках. По избе распространился вкусный, ароматный запах полевой душицы.

— Спасибо, Гатифа-инэй.

— Если чай не крепкий, что толку от него,— сказала инэй, выглядывая в окошко на улицу.

Я остановил свой взгляд на ее морщинистом лбу. Она, как будто почувствовав это, обернулась и тихонько засмеялась, прикрыв кончиком платка свой беззубый рот. Под глазами собрались морщинки.

— День-то, день-то какой! — проговорила она. — Слава богу, какие славные нынче времена.

Я задумчиво разглядывал стены. Срублены они были из одинаковых, звенящих, как тут говорят, сосен. Внутри бревна гладко обтесаны, так что не надо никаких обоев. Со временем они пожелтели, но это была приятная, ласкающая взгляд, живая желтизна крепкого дерева. Бревна местами рассохлись. В одну из щелей, прямо над головой Гатифы-инэй, был засунут гребень, а около него, сложенный вдвое, голубой конверт. Выше к потолку щелей было больше. Вдруг они мне напомнили морщины на лбу Гатифы-инэй. Я посмотрел на нее.

Но, уловив мой взгляд, она по-своему растолковала его, взглянула на голубой конверт и сказала:

— Письмо от самого младшего. В офицерах служит, на границе где-то. Нынче уж срок кончается. На-

думал податься в родные края. А тебя, мама, говорит, к себе заберу, в город. Слава богу, и так он мне хорошо помогает. То посылку шлет, то деньги. А вот невестку ни разу не видела. Воспитанная, видать, в каждом письме приветы шлет. Русская ведь она у меня, невестка-то. Детей двое у них. Старшего называли Булатом, по-башкирски, а младшего по-русски — Володей. Вот чудеса какие.

Инэй улыбалась во время рассказа доброй улыбкой, которая говорила мне о том, что она довольна заботой детей и своей старостью. Довольна она и другим сыном, который жил в этой же деревне, выстроил себе большой дом.

— Хисматулла после работы всегда старается заглянуть ко мне. То дров принесет, то воды наносит. Внуки за скотиной присматривают. Сын уговаривал вместе жить. Оно бы легче, забот меньше, да о младшем подумала я, не согласилась. Подумала, летом в отпуск приедут, так хоть отдохнут в своем доме.

Много бы еще чего порассказала инэй, но я, поблагодарив, поднялся с места.

— Пей еще, пей, сынок,— уговаривала меня старушка. — Не отведал ни масла, ни меда.

Я отказался, но еще раз порадовался тому, что, приехав в дальний колхоз в командировку, остановился у такой милой, доброй старушки.

Мне оставалось доделать кое-какие дела и не сегодня-завтра можно было двигаться в путь.

Наблюдательности особой не требовалось, чтобы отметить, как хорошо, богато живет сейчас народ в деревне. Да и сама цель моей командировки кое о чем говорила. Я приехал, чтобы составить проект проведения телефонной связи. Да и люди понимали всю выгоду этого мероприятия. Не понадобится за каждой мелочью гнать лошадь. Только покрути ручку телефона, и тебя свяжут с кем угодно, и с тетей и с дядей, мол, к семи вечера ждем тебя в гости.

Аромат весеннего воздуха потянул меня на улицу. Я вышел в садик Гатифы-инэй, чтобы посидеть в холодке. Чего только не росло в этом саду: и вишня, и смородина, и крыжовник, и яблони. И все это буйно цвело и благоухало. Деловито гудели пчелы, перелетая от цветка к цветку.

Я заглянул через забор к соседям. Там был такой же сад и тоже весь в цвету. Еще дальше видна нижняя улица деревни. И в воздухе, и во всей природе царила весенняя чистота и благодать. Что еще надо человеку? Такие мысли невольно приходили мне на ум.

В это время на улице загудел мощный мотор, зашумела появившаяся откуда-то детвора, потревоженные, вспорхнули с деревьев птицы. И только скворец беспечно высвистывал свои рулады. Я невольно притих, восхищаясь его чистым голосом. Потом вышел на улицу, чтобы узнать, какая машина там появилась.

По улице ехал комбайн, за ним бежала целая орава ребятишек. Орут, визжат, цепляются за соломокопнитель. Целое представление.

Когда техника поравнялась со мной, молодой комбайнер, чем-то сильно довольный, с улыбкой до ушей, сорвал кепку с головы и помахал мне. Парню явно не сиделось на месте, то руль крутит, то с треском переключает скорости.

Дорога около дома Гатифы-инэй поворачивала налево, в кузницу. На этом повороте комбайнер лихо развернулся и поехал дальше сломя голову.

Проходивший мимо меня пожилой мужчина растолковал мне поведение комбайнера-лихача:

— Вот шалопай этот Тимерьян. Дурачится, как мальчишка. Нынче первый раз на технике. Комбайн только что из ремонта ведет.

Высказав свои соображения, он прошел дальше, а я встал и тоже двинулся вдоль по улице, соображая, где должны стоять телефонные столбы.

Прямо перед собой я увидел большой кирпичный дом под железной крышей, окруженный со всех сторон садом, с крепкими узорчатыми воротами. Соседний дом тоже был неплох. В нем жил бригадир, во дворе стояла легковая машина, поблескивая стеклами в ярких лучах солнца. Неплохо жили люди в этих краях, крепко жили, основательно.

Так я прошел всю улицу и вернулся к дому Гатифы-инэй с противоположного конца. Внимание мое привлек старый, с подгнившими углами низенький домик, который стоял в тени большого дома Гатифы-инэй.

Несколько раз я проходил мимо, но как-то он мне не бросался в глаза. Сейчас в деревнях слишком мало таких домов осталось. В них почти никто не живет: или держат птицу, или пускают на дрова.

Наверное, и в этом никто не жил. В уютном дворике стоял сарай да одинокая ветла. Все это огорожено ветхим частоколом. Ближе ко мне стояли покосившиеся ворота, привязанные к двум потемневшим от времени дубовым столбам. Плотно они не прикрывались. Дорога в этом месте проходила совсем близко, и доски ворот потому все заляпаны грязью.

«Вот ведь как, нынешняя молодежь быструю езду любит,— подумал я и невольно загрустил. — Нет чтобы притормозить. Скорость им нужна».

Как все-таки быстро менялось настроение. Только что радовался, на душе словно праздник какой, а сейчас при виде этого убого домика в душе будто серые сумерки. Я даже пожалел, что не уехал утром. Дела можно было и вчера вечером закончить.

Мое сумрачное настроение не могла не заметить чуткая Гатифа-инэй. Такое уж чувствительное у нее сердце.

— Не заболел ли?—спросила она.

— Да, видно, на солнце перегрелся, голова разболелась,— пожаловался я, хотя голова у меня и не болела. Но свое настроение я толком объяснить бы не смог.

— Надо было что-нибудь на голову надеть,— улыбнулась она. — Все вы такие, городские, не бережете своего здоровья.

Я вышел во двор. Коров уже пригнали. Над деревней стояло, поднятое стадом, легкое облако пыли, во дворах изредка взлаивали собаки. Вечерний шум разносился далеко. Между тем солнце заходило, и его последние лучи полыхали в стеклах окон. Я взобрался на пригорок, с которого было хорошо видно, что делается в соседних дворах.

Окруженный цветущим садом двор с левой стороны полон скотины. Я увидел, как красивая девушка, звеня подойником, подошла к жующей жвачку корове. Увидев меня, незнакомого человека, слегка замедлила шаг и улыбнулась. Восхищенный ее простотой и наивностью, я тоже улыбнулся ей в ответ. Легко ступая,

она прошла в загон для скота. Но нет, в данный момент не она меня интересовала. Я невольно бросил взгляд в сторону двора справа, на этот низенький ветхий домишко. Там все-таки кто-то жил. Теперь я вспомнил, что по вечерам там светила яркая электрическая лампочка. И правда, скоро во двор дома вошла старушка, ведя за собой козу.

Лицо у старушки было все иссечено морщинами, но двигалась она легко и быстро.

В это время Гатифа-инэй постучала в окно:

— Давай, сынок, выпей-ка парного молока. Очень уж оно полезно. — С этими словами поставила полную кружку пенистого молока на подоконник, а сама отошла к печке и перевела разговор на другое: — Вон у нас Гульсум, уж такая она трудолюбивая. С любым делом справляется. И корову подоит, и полы вымоет. В прошлом году десять классов кончила. Сейчас на ферме работает, денег получает кучу. Ну да не сглазить бы нынешнюю молодежь, разболталась я. Осенью Гульсум в институт собирается. Пусть всегда будет такой скромницей.

Гатифа-инэй щелкнула выключателем, и просторная изба залилась светом. Я допил молоко и спросил:

— Инэй, а кто у вас в этой развалюшке живет?

Гатифа-инэй как бы пожалела, что разговор повернулся на другое, но виду не подала. Лицо ее снова осветилось улыбкой.

— Это Шамсия-енга, — ответила она. Я молчал, и она продолжала: — Учительница она. Сейчас на пенсии. Очень уважаемый человек. И моих мальчишек она учила. Говорят, государство вручило ей орден какой-то, да только я не видала, чтоб она носила его.

Разговор наш оборвался, в окна ударил яркий свет. Послышался шум мотора, который все усиливался, приближался. Кто-то пел деревенскую частушку:

Мы пройдем по улице,
Все ограды поломаем,
А если встретим девушек красивых,
Неприменно уведем.

— Вот-вот, родителям Гульсум намекают, черти полосатые, — сказала Гатифа-инэй, прослушав куплет. Но когда песню подхватил охрипший голос, она быстро наклонилась к окну и прокомментировала:

— Пройдоха, зимогор. Хоть бы уж людей не смешил, седи́на в голову, а бес в ребро.

Я узнал голос деревенского кузнеца.

Мы думали, едет машина,— оказался комбайн. Гати́фа-инэ́й вглядывалась в окно, пока комбайн, покачивая широким хедером, не проехал около ее дома, потом заметила недовольно:

— Пьяницы несчастные, разъезжают на комбайне, как на собственной машине.

Комбайн убавил газ, приостановился на перекрестке и повернул в переулок.

Гати́фа-инэ́й начала выговаривать Тимерьяну, а это был он на комбайне:

— Сколько раз говорила тебе, браток, чтобы не связывался и не дурил с этими старыми ослами. На механизатора-то ведь совсем недавно выучился. Подумай о матери, сколько мук она вынесла, чтобы не умерли братья твои от голода. Дурачок.

Гати́фа-инэ́й задернула шторы, взяла начатое вязанье и присела на краешек дивана, потом продолжала свой рассказ:

— Хотят ему Гульсум сосватать. Видел, поди, ее?

— Видел,— сказал я, но меня не оставляла мысль о другой ее соседке, одинокой старушке, что жила в хибарке. Перед глазами все стояли покосившиеся ворота и как она гонит козу, семена маленькими шажками. И я снова заговорил о ней.

— Да, Шамсия-енга хотя и одинока, а все тянется наравне со всеми. То, что пережила Шамсия-енга, скажу я тебе, не дай бог никому пережить.

В нашу деревню привез ее Самигулла откуда-то издалека, и жили они очень дружно. Она тогда, еще совсем молоденькая, учила детей. Муж работал председателем колхоза.

Гати́фа-инэ́й размотала немного клубок и бросила его на крашеный пол. О чем-то задумалась, вспоминая прошлые времена, а может, и задремала.

— Ну и что, Гати́фа-инэ́й? — подал я свой голос.

— Вот как сейчас помню. Дело было во время жатвы,— она вздохнула. — Моего старика стащили с лобогрейки, избили, вызвали в милицию и увезли в район. Кто-то наговорил на моего Фатхи, будто он украл колосья. О горе мне, да разве это похоже на него?

А в те времена немало было плохих людей. И люди знали, кто оговорил старика, только милицию убедить не смогли. Сердце у меня разрывается, куда идти, у кого защиты просить? Побежала я к Шамсии-енге. И Самигулла ее дома. Ну и рассказала обо всем без утайки, какое горе у меня. Оба они партийные были. Поняли меня, все поняли. На завтра сама Шамсия-енга поехала в райком...

— Отпустили старика-то? — спросил я, так как Гатифа-инэй снова задумалась.

— Отпустили. Как не отпустить безвинного человека. Опять приехала милиция, разобралась, что к чему. Выявила кляузников.

И она значительно посмотрела на меня, вот, мол, какие дела случались в наши времена.

— А потом началась война,— продолжала она, принимаясь снова за свое вязанье. — Всех троих сыновей и мужа своего Самигуллу проводила на войну. Одна осталась с маленькой дочкой. Ну и проворна была Шамсия-енга, везде поспевала. О себе мало думала, все для людей старалась, кому добрым советом, кому делом. Когда убило мужа на войне, когда получила бумагу о его смерти, за одну ночь все волосы поседел. Люди этому не очень-то верят, что можно посесть за одну ночь, но вот, оказывается, так бывает.

Помню, как поженились они. Молодость наша, сынок, пришлась на байские времена. Долго шел к своей Шамсии Самигулла, весь обморозился, дорога длинная, зима трескучая. А байские сынки в дороге чуть не зарубили его топором. Это вместо того чтобы согреть беднягу да чаем напоить.

Конечно, если чувство настоящее, то все чепуха. Раны-то ведь заживают. Приполз он к дому едва живой, оставляя за собой кровавую дорожку на снегу...

Потом он все-таки привез Шамсию, и они поженились. И вот остался на поле боя. Как тут не поседеть Шамсии?

Гатифа-инэй достала из печки живых углей и добавила в самовар.

— Давай, сынок, чаю попьем. Садись-ка за стол. Да, судьба приготовила Шамсии-енге большие испытания. Вот мой муж Фатхи простудился, заболел воспалением легких и умер у меня на руках. Так уж я думала,

не осилить мне такого горя. Хорошо хоть сыновья рядом были. Есть кого обнять да голову приклонить. А ведь у Шамсии-енги из троих сыновей ни один не вернулся. Правда, один-то, кажется, пропал без вести. Вот она его до сих пор и ждет, все на что-то надеется... Надежда — это как свеча, собравшаяся потухнуть. То ярко разгорится, то вот-вот угаснет. Достаточно слабого сквозняка, чтобы затушить ее. Но человек привык жить с надеждой.

В деревне уж думали, не выдержит она, сломит ее горе, сама угаснет вроде свечи. Дочь была, и та умерла при родах, не смогла разродиться. Сколько валится бед на одного человека. А она все выдержала, бедная.

Живет теперь как в темноте, погасло для нее солнце во всех окнах.

Не работает уж, полуослепшая, да и памяти не стало.

Сейчас ведь много ученой молодежи. А прежде на всю деревню одна Шамсия, четыре класса вела. Нет человека, который бы не поучился у нее. Но уж и государство не обидело ее, пенсию платит. Пей еще чашку, а я уж не буду...

Я подумал, бывает же такое, что встречаешь неожиданно совсем незнакомого человека, и вдруг все его радости и горести становятся близкими тебе. Я долго не мог заснуть, думая о Шамсии-инэй.

Утром, когда я проснулся, в избе и на улице опять по-весеннему было празднично. Все залито щедрым солнцем.

На столе гудел самовар, улыбчивая Гатифа-инэй хлопотала с завтраком.

— Спи, спи еще,— сказала она, заметив, что я собираюсь вставать. — В молодости сон-то ведь сладок.

— Спасибо, инэй, мы люди рабочие, не в отпуске,— ответил я. Пока я одевался да умывался, на столе выросла горка блинов.

— Садись, сынок, пока горячие.

В это время мимо окон кто-то прошел.

— Кто-то идет,— сказал я.

— Ешь давай, ешь. Это соседка твоя Гульсум. Что-нибудь, наверно, по делу.

В это время дверь растворилась, и на пороге встала Гульсум в цветастом ситцевом платице, смущенно по-

здоровалась и взглянула на меня. Взгляды наши встретились, и она покраснела. Да я и сам чуть не покраснел, так она была хороша, так веяло от нее молодостью и здоровьем.

— Дяденька,— начала она и запнулась, опустив глаза. — Дело у меня к вам.

— Не стесняйся, Гульсум,— вмешалась Гатифа-инэй. — Зачем ты его стесняешься. Человек он хороший. Говори, какое у тебя дело.

После ободряющих слов Гатифы-инэй осмелилась:

— Ворота у Шамсии-инэй повалили. Вчера комбайн задел. Может, вот он поможет.

— Ах этот Тимерьян! — расстроилась Гатифа-инэй. — Молоко на губах не обсохло, а уж вино ему подавай.

Я оделся и вышел на улицу. Перед глазами у меня стояло горестное лицо Шамсии-енги. Мне казалось, что она стоит над поваленными воротами и слезы тихо льются из ее глаз.

Сломанные ворота валялись на дороге, ограда из тонких жердочек совсем развалилась. И без того унылый ветхий домишко без ворот выглядел совсем жалким. Сердце у меня защемило.

Около поваленных ворот в накинутой на плечи шали стояла неподвижно Шамсия-инэй. Ветерок шевелил ее белые, как ковыль, волосы. В тусклых глазах не отражалось ни единой мысли. Я подошел к ней и поздоровался, но она не отвечала мне. Я подумал, что она глуховата, и сказал громче:

— Не расстраивайтесь, инэй, сейчас починим ваши ворота.

И стал снимать пиджак. Тут подошли Гатифа-инэй и Гульсум. Но Шамсия-инэй и на этот раз ничего мне не ответила, да и никого из нас как будто не замечала. Она выбрала из развалившейся ограды сухую жердинку и, опираясь на нее, медленно побрела к дому.

Я собрал доски от ворот, попробовал было поставить упавшее бревно на место, но оно было сломано внизу. Вообще-то для ворот нужны были новые доски и бревна, старые приспособить никак нельзя. «А где их взять, эти новые доски и бревна?» — подумал я и, совсем расстроившись от своего бессилия, от невозможности как-то помочь делу, пошел за Гатифой-инэй домой.

— Вот ведь правду говорят люди, одна беда не приходит в дом,— сказала Гатифа-инэй. — Сироту и обижают как сироту. Ведь другие ворота в деревне не сломали. Мало ли ворот в деревне? Так нет же, нашли чьи сломать. Не знаю, переживет ли все это Шамсия-енга?

— Ужасно все это неприятно,— пробормотал я.

Гатифа-инэй рассказала мне историю этих ворот.

— Я уж тебе рассказывала, что байские сыновья Самигуллу тогда чуть не зарубили. Но он поправился скоро, раны зажили. Выздоровел к лету и тогда же украл себе в жены Шамсию.

И в первые же дни их совместной жизни он поставил эти ворота назло всем своим врагам. Из крепкого звенящего дуба поставил. Мол, для счастья да для друзей ворота всегда открыты, а для горя да для врагов наглухо заперты. Пусть вечно стоят.

Как сейчас помню, Самигуллу копал ямы для столбов, а жена его порхала как птичка.

И дом они выстроили. А под окнами на память посадили березу да ветлу. Береза — Шамсия, ветла — Самигуллу. Доски ворот с годами меняли, а столбы дубовые стояли крепко. До вчерашнего дня. Береза под окнами почему-то засохла в тот год, когда кончилась война. Уже после победы, когда многие вернулись домой, один из ее деревни много раз сватался к ней, давай, мол, будем жить вместе, судьбы у нас похожие. А вместе всегда легче, уедем в город. Но Шамсия-енга не согласилась. Как она может расстаться с землей, по которой ходили ее дети?..

Господи, как она смотрела на эти ворота, будто на своего Самигуллу. Да ведь и правда, его руками они были поставлены. Как выдержит ее бедное сердце, пойду-ка я схожу, справлюсь о ее здоровье...

И Гатифа-инэй ушла к соседке. Я ломал голову над тем, как поправить ворота. Вся эта история очень задела меня. Но что может быть под рукой у человека приезжего,— ни инструментов, ни материала.

Так ни до чего не додумавшись, я вышел на улицу с тайной надеждой, что, может, те, кто сломал ворота, сами догадаются их починить. Или попрошу у кого-нибудь помощи.

Подходило уже время обеда, но у дома Шамсии-инэй никого не было. Один столб так и стоял надлом-

ленный, будто раненый солдат на поле боя, который пытается приподняться из последних сил. Я подумал, что, может быть, и Самигулла вот так же, смертельно раненный в бою, пытался подняться.

С такими невеселыми чувствами я подошел к дому бригадира и постучался. Тот вышел, широко улыбаясь, пригласил к себе:

— Проходи, товарищ, гостем будешь.— И он вошел в дом, неслышно шагая по полу, застеленному дорожными коврами. И тут же стал собирать на стол.— Давай не стесняйся, присаживайся. Я ведь тоже на обед пришел... Да, телефон, конечно, нужен. Без него в наше время как без рук. Вот тумбочку купил, место для телефона. Дело за вами.

Я поспешил рассказать ему о причине моего прихода:

— Я к вам с просьбой, товарищ бригадир.

— Дело делом, а пообедать тоже не грех,— улыбнулся он.— Мы люди простые, деревенские. Если что надо, так прямо и выкладываем, извини уж, друг.

Я сел на стул около двери и начал о своем деле:

— Вчера комбайн развалил ворота у дома Шамсия-инэй.

На лице у бригадира не дрогнул, как говорят, ни один мускул.

— Ха, ворота, говорите, развалил? А кто это сделал, интересно? Хотя ее ворота развалить не так уж трудно, дунь — и упадут.

— Так-то оно так, но вот до сих пор никто не пришел и не починил.

— Черт побери. Так это, наверно, Тимерьян, его дело. Комбайн обкатывал. Молодежь у нас пошла неважная, дружок, непослушная. На работу не дозовешься.

Я не хотел сдаваться. Перед глазами все стояла Шамсия-инэй около сломанных ворот.

— Надо заставить, чтоб этот парень починил ворота. Ведь всю жизнь Шамсия-инэй отдала молодому поколению, служила народу. Хотя бы из уважения к ней надо что-то придумать с воротами, выделить доски, материал, в общем, помочь.

— Это, конечно, так... — бригадир задумчиво почесал затылок.— Шамсия-енга свой человек, немало потрудились на своем веку. Ведь и я у нее учился. На

уроках у нее всегда было интересно. Да, времена... Кстати, вон и председатель подъехал. Давай-ка мы к нему.

И вот мы в просторном кабинете у председателя колхоза. Меня как гостя посадили в глубокое уютное кресло.

Когда разговор зашел о Шамсии-инэй, председатель долго предавался воспоминаниям.

— Мы ведь учились вместе со старшим сыном Шамсии-енги,— закончил он и вздохнул. — Хороший был парень, только вот с войны не вернулся.

— Многие не вернулись,— вставил бригадир. — У меня вот отец...

Председатель достал сигарету и повернулся к бригадиру:

— В каком году ей орден-то вручали?

— Когда провожали на пенсию. Большой тогда был пир, с уважением проводили мы ее, с почестями.

Я решил воспользоваться, что руководители колхоза растрогались воспоминаниями, и сказал:

— Такой женщине, пользующейся заслуженным уважением, неплохо бы, товарищи, чтобы колхоз построил дом. Во многих хозяйствах заслуженным пенсионеркам помогают с жильем.

— Да, да, очень хорошо бы,— председатель постукал толстым пальцем по столу и строго сказал бригадиру:— Хватит потакать этому Тимерьяну. Сегодня же прими меры. На комбайне разъезжает, распивает. Этого кузнеца тоже надо предупредить, наказать. Пусть расплачиваются.

— Примем меры,— согласился бригадир. — Давно пора.

Председатель повернулся ко мне:

— Извините, а вы родственник Шамсии-енги?

— Нет, я живу на квартире у ее соседки.

— Скоро, наверно, уедете?

— Да, работа, можно сказать, почти вся закончена. Остальное другие завершат.

— Ну, браток, большое тебе спасибо за помощь. А за ворота Шамсии-енги не беспокойтесь, примем меры. Таких людей, как она, у нас немного.

На другой день, закончив работу, я шел на квартиру, невольно поглядывая в сторону дома Шамсии-енги.

Уж очень мне хотелось увидеть там новые ворота из свежих выструганных сосновых досок. Но желаемое — это еще не действительное.

По-прежнему, как раненый солдат, торчал сломанный столб, ворота валялись на земле. На сердце у меня стало невыносимо тяжело, даже в глазах потемнело. «Где ты, Самигулла? — горько подумал я. — Где-то ты лежишь в братской могиле? Уж нет хозяина, не придет».

Я вошел во двор, нашел там лопату и пошел к сломанным воротам. «Попробую-ка взяться за дело сам, будь что будет», — подумал я.

Уж очень мне не хотелось оставлять ворота в таком виде. Я знал, что если уеду, ничего не сделав, то буду очень жалеть потом об этом. Вообще-то лопаты и топора я и в руках никогда не держал. Тем не менее с большим рвением стал копать землю у сломанного столба.

Я не заметил, как ко мне подошла Гульсум, в руках у нее тоже была лопата.

— Дяденька, а Тимерьяна оштрафовали, — сказала она. Мы посмотрели друг на друга, и я невольно подумал: «Эх ты, чистая душа, открытая всем и каждому. Жаль, если ты со временем запрешь ее от людей на крепкие запоры и станешь равнодушной к горю и страданиям человека».

Мне очень хотелось высказать ей все это, но я не посмел. Зачем прежде времени мутить этот незамутненный родник? Вызывать в душе сомнения?

Я молча продолжал копать, она тоже опустила свою лопату в начатую яму. Нечаянные прикосновения ее рук к моим вызвали во мне трепет. Я понял, что готов шуровать лопатой весь день, лишь бы она была рядом. Наши лопаты со скрежетом сошлись в яме, мы оба выпрямились и от души рассмеялись. Я почувствовал в себе какую-то необыкновенную легкость, будто сейчас поднимусь к небу, как перышко.

Вдруг она обернулась назад и сказала:

— Смотрите, кто идет.

К нам шел мужчина с пилой.

— Здравствуйте, — сказал он. — Давайте-ка помогу. Двоим-то вам тяжело.

Вскоре к нам с разных улиц деревни стал подходить

народ. Кто тащил доску, кто бревно, кто топор или лопату.

— Гостю бы, пожалуй, и отдохнуть пора,— сказал мужчина, который пришел первый.

Гульсум тихо улыбалась и посматривала на меня. Когда взгляды наши встречались, она смущенно опускала глаза. Я пьянел от ее взгляда, от ее смущения, был счастлив.

Между тем день, хмурившийся с утра, наладился. Тучи рассеялись, разбрелись по небу.

Ворота были уже почти закончены, когда вернулась домой Шамсия-инэй. Старушка растерялась, лицо ее вдруг прояснилось, и она проворно заторопилась в дом. Вынесла оттуда в зеленом чайнике айран и направилась к нам.

— День жаркий, пейте вот айран,— сказала она, сдержанно улыбаясь. И сразу после ее слов все повеселели, стали нахваливать айран. Я смотрел на новые ворота, и на душе у меня было легко.

А вечером подъехала председательская «Волга», чтобы отвезти меня на станцию. Я попрощался с Гатифой-инэй, сказал, чтобы она приезжала в гости.

— Приеду, приеду, сынок,— отвечала она. — Будь здоров, чтобы руки-ноги никогда у тебя не болели.

А я уже искал взглядом Гульсум. Она стояла неподалеку, в глазах у нее была легкая печаль. Я улыбнулся ей, помахал рукой, чувствуя, что Гульсум превращается в эту минуту в бесконечно дорогого мне человека.

**Дуб,
разбитый
молнией**

Поравнявшись с деревянной бочкой, наполненной водой, трактор круто остановился. Забир-агай, у которого все лицо было покрыто пылью и только лишь зубы сверкали, спрыгнул на землю и так потянулся, что хрустнули кости. Вынув из кармана платок, он вытер лицо, присел на корточки, стал сворачивать сигарку.

— Му, Маулет, не устал на плуге, сильно трясет? Гляди-ка, уже светает.

— Устать-то не устал, но трясет и правда славно. Место-то каменистое, плуг так и выкидывает.

— Это ничего,— пробормотал Забир-агай. Он похлопал по карманам, отыскивая спички, прикурил и зашагал к близлежащему холму. Я понял, что мысли тракториста чем-то заняты, а до моего ответа ему и дела нет. Но я-то знаю, зачем он остановил трактор на месте, у бочки с водой, и почему спросил, сильно ли трясет. Просто чтобы немножко отвлечь меня от утомительной работы, дать передохнуть.

Я знаю, так уже бывало, сейчас он подымет на этот холмик и, приставив руку козырьком ко лбу, начнет смотреть в сторону деревни. Ну, а уж если там не покажется лошадь, укоризненно посмотрит на солнце, которое заменяет ему часы, заберется в кабину, забыв даже долить воды в радиатор, и поедет.

Но на этот раз все было не так. Не доходя до балки, Забир-агай свернул направо. Он остановился около дуба, поваленного молнией несколько дней тому назад во время сильной грозы. Зачем-то снял фуражку, левой ногой наступил на обгоревший пенек.

Я пытался вообразить себе лицо Забира-агай в эту минуту. В такие минуты карие глаза его грустнеют, широкие брови нахмурены, а длинные волосы падают на лоб. Продолговатый шрам на виске подергивается. Этот шрам у него остался с войны. Говорят, в височной кости у него до сих пор сидит осколок мины. О чем так тяжело раздумывает Забир-агай, я не знал.

Почему-то он любил и тянулся к одинокому дубу посреди поля. А ведь вроде бы и пользы никакой от этого дерева, ну разве что тень дает, отдохнуть можно в холодке. Как пахать или сеять, ровно никак не проедешь, дерево на дороге.

Как-то бригадир уж и людей послал, чтобы спилили дуб да выкорчевали, но Забир-агай всех погнал оттуда, не дал пилить.

Одинокий дуб. Чем он ему так дорог? Что их сдружило, сблизило? Какая судьба?

Я побрел к Забиру-агай, уж очень мне хотелось узнать, о чем он думает, что у него на уме.

— Вот грохнулся, бедняга,— начал я издалека. Забир-агай ничего не сказал на это. Он неподвижно стоял все в той же позе, уставившись в невидимую точку. — Говорят, раньше два дерева тут были...

Разговор не получался. Забир-агай и на этот раз ничего не сказал. Он только тяжело вздохнул и повернул обратно. А заговорил, только когда мы подошли к бочке с водой.

— Ты давеча, сынок, неверно сказал насчет дуба. Это не бедняга, а гордое дерево, очень гордое.

— Как это понять, Забир-агай?

— А видишь, остался один-одинешенек, но выстоял. Ничто не могло его сломить. Тут раньше действительно стояли два дуба, бок о бок, как близнецы. Один попал в беду еще раньше, видать, судьба такая. Остался второй. Но жить и бороться за себя и за попавшего в беду друга нелегко. Вот он и надломился. Наверно, земля дрогнула, когда он рухнул.

Забир-агай говорил о дереве как о живом существе, как о человеке.

Между тем солнце выглянуло из-за горизонта, и поле осветилось его красноватыми лучами. Прохладный воздух был напоен запахом весны. Вспаханное поле простиралось вокруг нас и казалось тяжелым черным одея-

лом, прикрывшим землю. Низины утопали в молочном тумане. Тот холмик, на который обычно поднимался Забир-агай, закурился под лучами солнца. Начинало потихоньку пригревать.

Через какое-то время на краю поля со стороны деревни показалась лошадь, запряженная в телегу. Забир-агай быстро и неожиданно залез в кабину и махнул мне рукой.

— Ты, Маулет, оставайся.

И трактор ушел, оставив за собой глубокие свежие борозды.

Водовоза деда Сагита я узнал издали. Но вот кто-то, сидящий рядом с ним, спрыгнул с телеги и замахал мне рукой, мол, скорее. Это была наш кашевар Марьям-апай, которая каждый день на заре привозила нам завтрак.

Когда на мягкую росистую траву постлана была скатерть, которой служил кусок брезента, я растянулся рядом. Дед Сагит сидел на телеге, хитро прищурив левый глаз, поглядывал на меня да похлопывал кнутовищем по сапогам.

— Ну, парень, когда же ты невесту в дом приведешь? Кажись, она у тебя с нижнего конца улицы? Чья хоть дочь-то? Открой старику секрет.

Но Марьям-апай, не успел я смутиться, оборвала словоохотливого старика:

— Тебе бы только шутки шутить. Они ж всю ночь пахали, а не на перине валялись. Небось парень-то проголодался.

Сказала и зыркнула в сторону трактора, тарахтевшего в поле и казавшегося издали черным, упорно ползущим куда-то жуком.

Глаза Марьям-апай смотрят на мир невесело. Теперь ей уже под сорок. Все в деревне считают ее несчастной, невезучей. Не сложилась у нее жизнь. В семнадцать лет вышла замуж за какого-то забулдыгу, тот ее часто обижал, иногда даже бил. Не привыкшая к такой жизни и гордая Марьям-апай оставила мужа и вернулась к своим родителям. Так вот и живет теперь, без детей и без мужа. Какое уж тут счастье.

— Забир-агай решил попахать немного, пока я завтракаю, — сообщил я Марьям-апай, хлебая горячий суп.

— Ну, ему виднее,— сказала она. — Видать, не проголодался.

Трактор сделал круг по полю и остановился около дуба. Сколько-то прошло времени, а Забир-агай все не приходил к завтраку.

Марьям-апай забеспокоилась, что тот не идет, накинула на плечи платок и ушла:

— Пойду схожу позову, суп-то остынет.

Дед Сагит, схватившись за поясницу и покряхтывая, медленно слез с телеги. Он долго смотрел вслед женщине, шагавшей по вспаханной земле, и наконец пробормотал:

— Эх, жизнь...

Я хорошо понял его слова.

— Что ж они не поженятся?

Тот вместо ответа погладил пегую кобылу по спине. Тут я вспомнил прошлогодний случай. Это произошло в самый сенокос. Кашеваром и тогда у нас была Марьям-апай. Как-то раз она привезла нам обед. И вдруг ее ужалила змея. Мы все растерялись. Пока стояли да хлопали ушами, прибежал Забир-агай. Не долго раздумывая, осколком стекла он надрезал место укуса и выдавил отравленную кровь. Потом он разорвал свою рубашку, перевязал рану, поднял Марьям-апай на руки и понес в деревню. И надо было видеть, как, несмотря на боль и рану, счастливо улыбалась она у него на руках. Забыла и боль и опасность, а на ресницах все еще дрожали слезы.

Вот о чем я вспомнил после того, как старик сказал: «Эх, жизнь...» Может быть, и он в это время подумал об этом.

Из глубокой задумчивости меня и старика вывел вдруг душераздирающий крик Марьям-апай:

— А-а-а!

Дед Сагит от неожиданности даже кнут из рук выронил.

Когда мы подбежали к трактору, то не все сразу и поняли, что случилось. Марьям-апай будто окаменела, лицо белое как бумага. На пашне около нее, распластав руки, ничком лежал Забир-агай. Как будто он хотел обнять землю, мягкую, как пух, теплую, как парное молоко.

— Забир... дорогой, что же с тобой такое?! — запр...

читала Марьям-апай, повалилась на землю, стала целовать и тормошить тракториста, обливаясь горячими слезами. — Вставай же, ну встань...

Но Забир не вставал. Он уже не видел ни сияющего солнца над головой, ни вспаханной им плодотворной земли, не слышал порывистого пения жаворонков в синем небе, ни нас троих, немо вопрошающих судьбу, что же это случилось и за что такое наказание.

Как сошел он на землю, заглушив трактор, так и упал с остановившимся вдруг сердцем, рухнул, как тот дуб, сраженный молнией. И лег в свой последний миг так, будто хотел обнять землю.

Мне казалось, что я страдаю больше всех. Дышать было нечем, несмотря на звонкий и чистый утренний воздух, голова кружилась, сердце то замирало, то будто вырывалось из груди. Мне до слез было жалко Марьям-апай. Теперь она совсем одна.

Мы положили Забира-агай на телегу и поехали с поля. Марьям-апай отстала и едва плелась где-то сзади.

У старика, сидевшего рядом со мной на телеге, блеснула на щеке слезинка.

— Счастливая смерть наступает на заре,— сказал он, не глядя на меня. — Такой мужик, поищешь, да не скоро найдешь. Был, и вот уж нет его. Жизнь...

Сагит некоторое время ехал молча, потом сказал:

— Вот послушай, сынок, расскажу тебе одну историю. — Старик прокашлялся. — Коллективизация тогда шла. Тревожные годы... Всякое бывало тогда. Забира выбрали председателем коммуны, потому как парень был одним из самых сознательных, самых толковых в деревне. Ну и, конечно, человек был отчаянный. Страх не ведал, смерти в глаза смотрел, а уж с прямой дороги не сворачивал. Из нужды бедный люд хотел вывести и все силы отдавал на пользу людям.

Комсомол тогда организовали, в мечети школу устроили. Опять же учительницу молоденькую привез Забир из волостного центра. Учебу наладил.

Ну, а муллы-муэдзины разве стерпят такое? Как-то молодая учительница Суюимбике задержалась допоздна в школе. Эти гады заперли ее и подожгли школу, а сами орут, проклиная:

— Окаянная, погань нечестивая! Сгори живьем, вероотступница!

Вот какое дело, парень. Когда Забиру рассказали об этом, а он был в поле тогда, вскочил на коня, прискакал в деревню. Не мешкая, кинулся в огонь, вот уж отчаянный парень, и спас Суюимбике.

Мы с дедом невольно оборачиваемся назад, чтобы взглянуть на Забира. А тот будто живой, просто заснул.

— Что дальше, дед? — спросил я.

— А дальше они поженились. Школа опять открылась. Но кулаки не могли успокоиться. Сделали свое подлое дело.

Как-то Забира вызвали в волость. Пользуясь случаем, что хозяина нет дома, кулаки ночью выломали дверь и забрались в избу. Суюимбике в ту ночь исчезла.

На другой день Забир приезжает домой, а в доме все перевернуто, все побито, жены нет.

Дед указал кнутом на недопаханное поле и продолжал:

— Тело жены он нашел вон там, на суку дуба, разбитого нынче молнией. Тут он ее и похоронил, прямо тут, под деревом.

Дед Сагит умолк и сошел с телеги, я соскочил тоже, и мы пошли рядом. Вокруг стояла какая-то удивительно мирная тишина, и, как обычно, солнце поднималось на небо, и кувыркались в нем жаворонки. И все это никак не вязалось с несчастьем, с бедой.

— Значит, сегодня мы пахали как раз у этого места, — сказал я.

— Да, сынок, как раз у этого места. И неудивительно, что у него разорвалось сердце, когда он увидел разбитый дуб. Вспомнил, видно, разбередил старую рану. Ведь он сильно любил ее, и после нее никого у него не было... А вот могилку-то теперь, наверное, вспашут, раз уж дуб повалился, выравниют поле.

«Наверно, вспашут, — подумал я. — А надо бы посадить на этом месте сад, чтобы он цвел и шумел».

И я пытался вообразить себе этот сад, цветущий и прекрасный, с гудением пчел и веселым щебетом птиц, но перед моими глазами стоял дуб, сраженный молнией, и гордое лицо Забира-агай.

Белые избы моей деревни

Было еще очень рано, когда мы подъехали к пристани. Небо едва начинало светлеть.

— В такое время лучше всего на пароходе,— сказал таксист, доставая из багажника мой чемодан. — Лето есть лето, не зима. А пароход отходит, кажется, через час. Касса вон там.

Шофер неопределенно махнул рукой, надвинул кожаную кепку на сонные глаза, сел в машину и хлопнул дверцей.

В мою деревню можно было попасть и на автобусе, но чего ради трястись в такую жару в пыльном душном автобусе, когда можно проехать на пароходе, любуясь живописными берегами Агидели.

В зале ожидания подремывало немало народу. Я подошел к кассе и сразу понял, что билетов на пароход нет, проданы. Окошко кассы было задернуто занавеской. Потоптавшись около кассы в невеселом раздумье, я на всякий случай решил попытать счастья и постучал в окошко. «Чем черт не шутит, а вдруг найдется один билетик».

Занавеска отдернулась, и я увидел девушку, которая посмотрела на меня с досадой, мол, что вы без конца меня беспокоите, сказано ведь, билетов нет.

— Девушка, мне бы один билетик до Ташмуруна?

Она развела руками, сочувствуя, видимо, моему невезенью:

— Если бы чуть пораньше...

— Раз в жизни решил прокатиться на пароходе — и то не удалось,— пробормотал я, отходя от кассы. Но

не успел я ступить и двух шагов, как девушка окликнула меня:

— Куда, вы сказали, едете?

— До Ташмуруна. В отпуск еду, в родную деревню.

— Ташмурун, Таш-мурун... — проговорила она в задумчивости. — Вы, дяденька, минутку подождите, я сейчас.

Накинув на плечи шаль, она куда-то торопливо вышла. Времени прошло немало, но наконец девушка появилась в зале и подошла ко мне.

— Зайдите к дежурному, он вас ждет, — сообщила она мне с улыбкой, не скрывая, что рада случаю сделать человеку добро.

Я пожал плечами, потому что не знал, что получится из ее затей.

— Идите, идите.

— Иду.

И решительно направился за ней.

Дежурный, к которому привела меня кассирша, оказался пожилым мужчиной. Он сердито выговаривал кому-то по телефону и поначалу не обратил на меня никакого внимания. Повесив трубку, он некоторое время стоял в задумчивости, потом не спеша вынул из кармана носовой платок, вытер пот со лба, расстегнул ворот рубашки и пошел к столу, заметно прихрамывая на правую ногу.

Я внимательно присмотрелся к нему. Волосы у него были уже совсем белые, на широком лбу пролегли глубокие морщины, нос с горбинкой, а лицо в темных пятнах. Задумчивые глаза смотрели на мир строго и пылливо. Я подумал, видно, немало жизненных невзгод прошло через его сердце. Но что он мне хочет сказать?

Он взглянул на меня искоса и сухо спросил:

— Это вы, что ли, едете в Ташмурун?

— Да, но вот билет не успел взять. Давно в родных краях не бывал. — И я выжидающе посмотрел на дежурного, поможет ли он мне с билетом.

— В Ташмурун, значит, в родные края... — проговорил он. И вдруг меня осенило, да ведь я где-то и раньше разговаривал с этим человеком. И черты лица как будто знакомые.

Дежурный достал из нагрудного кармана очки, надел их и уставился на меня.

— Так, погоди... — сказал он дрожащим голосом, сильно хромая, пошел ко мне и взял за руки. — Фарит, что ли?

— Гайзулла-агай! — невольно вырвалось у меня.

— Вот тебе на! Вот так встретились земляки.

— Уж такая встреча...

Все еще держа друг друга за руки, мы отошли в сторонку и сели на диван. Между тем молоденькая кассирша вдруг тоже оказалась рядом. Она счастливо улыбалась, будто нарочно устроила нам эту встречу.

— Ты погоди-ка, вот чудеса-то, — весь просияв, сказал Гайзулла-агай.

Но мне все же показалось, что в его взгляде мелькнула некоторая растерянность, неловкость, что ли. Впрочем, мне хорошо было известно, откуда это шло.

— Сколько же лет мы с тобой не виделись?

— Да лет пятнадцать.

— А пожалуй, время бежит, парень, — тяжело вздохнул мой односельчанин, и яснее проступили темные пятна на его лице. — Жизнь, что вода текучая. Вот как, Фарит. А давно ли ты верхом на ивовом пруте скакал. А теперь настоящий мужчина.

Гайзулла-агай встал. Хромая, прошелся взад-вперед по комнате, побряхтел, повздыхал. Взгляд его вдруг оживился. Видно, вспомнил что-то близкое сердцу. Я догадывался о его мыслях, мы, кажется, подумали об одном и том же. И я задал вопрос, который собирался задать в самом начале нашей встречи:

— Где же теперь Махмуза-енга?

Гайзулла-агай вздрогнул, услышав это имя. И молча, долго глядел на меня. В комнате установилась гнетущая тишина.

Не знаю, что было бы дальше, но тут вошел какой-то человек и сказал:

— Гайзулла-агай, баржа пришла, куда разгружать? Я им говорю, нету у нас места, а они свое, давай разгружать, да и все.

Односельчанина моего вдруг будто бы подменили, лицо его приняло строгое выражение.

— Эх, браток Фарит, видишь, как получается. Не дали даже посидеть, поговорить с тобой, — сказал он с досадой. — Ты подожди тут немного, я тебя потом про-

вожу. А насчет билета не беспокойся, уладим как-нибудь.

И он торопливо вышел. Я тоже вышел на улицу и направился в сквер, прилегающий к станции.

Утренний воздух был свеж и прохладен. На раскидистых, кудрявых тополях щебетали пичуги, и когда они вдруг взлетали, на меня сыпались сверху увесистые капли росы. А я все шагал и шагал взад-вперед, не в силах освободиться от впечатления, произведенного неожиданной встречей. Из головы не выходил вопрос, заданный Гайзулле-агаю. В самом деле, где же теперь Махмуза-енга? И почему вдруг остолбенел Гайзулла-агай, услышав ее имя?

И еще я думал, хоть и коротка человеческая жизнь, а все же богата воспоминаниями, у каждого есть что вспомнить. На долю одних выпадают ровные, просторные дороги, а другие шагают через камни и чащобы по худым тропам. Но в этом для них заключается прелесть жизни, хотя бывает, что и спотыкается кто-то и поворачивает назад. И когда они потом выходят на верную и торную дорогу, то живут только прошлым, когда они продирались сквозь скалы и чащу. В воспоминаниях они находят радость и утешение.

Думая о Гайзулле-агай, я невольно вспоминал и Махмузу-енгу. Как сейчас помню ее чуть тронутое морщинами лицо, глаза, которые никогда не выдадут чувств, даже если внутри и сжигает огонь, сурово сжатые губы, заскорузлые, с набрякшими от тяжелой работы венами, руки.

Все это последствия войны. Немало горестей вынесла она в это тяжкое время. Но в фигуре Махмузы сохранилась статность и грациозность, свойственные некоторым женщинам.

Впрочем, стоило с ней познакомиться поближе и поговорить, стоило улыбнуться, как лицо ее преображалось. И будто перед тобой совсем другой человек.

Я вспомнил один случай, который произошел еще в детские мои годы.

В наших местах есть такой обычай. Как только приходит весна, люди начинают белить свои избы. И вся деревня вдруг преображается. Белые дома плывут в синем воздухе, будто цветущие кусты черемухи.

Обычно сговариваются несколько хозяев и на длин-

ных арбах едут на Алатау за белой глиной. Традиция эта настолько укоренилась, что стала для сельчан праздником. Поездка за глиной, побелка изб всегда заканчивались званым вечером, люди зовут друг друга в гости.

Махмуза-енга тоже как-то собралась за белой глиной, но так как она была одинока, ей предложил свою помощь Гайзулла-агай, который жил по соседству через несколько домов.

— Хоть и калека, а все мужчина,— рассуждали соседи по этому случаю.

Гайзулла-агай пришел с войны без ноги. Говорили, что до войны он учился в медицинском институте, но потом ушел на фронт санитаром.

Потеряв ногу да еще вдобавок получив контузию, он совсем пал духом, вернулся в родную деревню и запил. Рассуждения его на этот счет были несложные, мол, кому он нужен, калека? Чем дальше, тем хуже. Однажды сельчане едва успели вынуть его из петли. Бесчувственного сняли с березы, что росла у него во дворе. С тех пор он стал угрюмым и молчаливым.

Некоторые в деревне зубоскалили:

— Нынче утром Гайзулла улыбнулся, видать, день выдастся солнечный. — Но большинство его жалели. Гайзулла сторонился людей, ходил жалкий, будто в воду опущенный, орел с подрезанными крыльями.

За глиной тетя взяла с собой и меня. Решили ехать на двух подводах, чтобы за один раз привезти побольше глины.

— Айда, шурин, прогуляешься. Увидишь, что к чему, а джигитом станешь, одного будем посылать,— сказала она, похлопав меня по спине.

Тетя меня любила. И я понимал из-за чего. Потому что я очень был похож на своего старшего брата, мужа Махмузы, погибшего на войне. Мама, бывало, говаривала, что я как две капли воды похож на Карамэта.

Карамэт погиб в последние дни войны, похоронная бумага о нем пришла, когда уже собирались праздновать День Победы. Так вот овдовела моя тетя. Второй раз идти замуж она не собиралась и пресекала всякие разговоры об этом. Меня она после смерти брата любила еще больше. Часто ласкала и приголубливала.

В такие минуты на глаза у нее наворачивались слезы, она тихонько уходила в избу, открывала большой сундук и начинала перебирать пожелтевшие бумаги, треугольные письма от своего мужа, моего старшего брата...

В послевоенные годы, дело понятное, выпросишь лошадь, нет хомута, раздобудешь хомут, телега сломана. Пока раздобывали все это по дворам да по избам, подошел обед, и до Алатау добрались только к вечеру. Пока копали глину, совсем стемнело. Решили ночью домой не ехать, а переночевать тут.

Гайзулла-агай развел костер, тетя вымыла одно из ведер и повесила над огнем кипятить чай. Я то и дело бегал за хворостом, а они знай себе толкуют о чем-то. Иногда тетя вдруг рассмеется словам Гайзуллы-агай, а мне обидно, ревную к нему.

И вот уж теплая летняя ночь. На небе звезды помигивают, в кустах птицы возятся. Где-то поблизости ухает сова, нагоняя на меня страху.

Тетя забралась на телегу и легла спать. Я у костра тоже на минутку сомкнул глаза, но был разбужен уханьем совы. Посмотрел, а Гайзуллы-агай рядом со мной нет. Ярko светила луна. Тут с телеги донесся ко мне гневный шепот невестки, и вдруг из арбы вылетел Гайзулла-агай и грохнулся об землю.

— Нахал бесстыжий! — яростно прошипела Махмуза-енга, приподнимаясь с телеги и поправляя растрепанные волосы.

— Ты знаешь, кто я? — обиженно сказал Гайзулла. — Я... я прошел огонь и воду.

— Ты бы помнил о Карамэте, бесстыжий.

— Я на войне ногу оставил ради вашего счастья, — простонал Гайзулла-агай, видно, он здорово ушибся, падая с арбы. Да и оскорбленное самолюбие, и стыд чувствовались в его голосе.

Тетя сошла с арбы, подошла к Гайзулле-агаю и, спокойно положив руку на его плечо, сказала:

— Хоть бы ты пить бросил, бестолковый! И работу бы по себе нашел, и человеком бы стал. А так, на кого ты стал похож?

Тот вдруг обмяк, съежился.

— Я ведь с горя пью... Махмуза, с горя! — выкрикнул он, взмахнув рукой. — Тебе разве понять. У тебя

целы ноги, а я... Какая там работа, не до работы мне. Э-э, разве бабе втолкуешь!

Махмуза-енга тихонько подошла ко мне. Увидев, что я не сплю, обняла меня за шею и заплакала.

— Подумаешь, горе у него, ноги нет. С горя он пьет. А мой Карамэт... его и в живых нет! Горе у него. Ему радоваться надо, что жив остался, да жить по-человечески.

Горячие слезы Махмузы-енги жгли мне руку. Она дрожала всем телом.

— Нечего с бабой и толковать,— пробормотал Гайзулла-агай.

— Нечего, да разве легко вдовой-то сидеть с эких лет, когда бы жить только да ворковать. Смотрите-ка горя его не понимают...

— Не понимают! — взорвался Гайзулла-агай. В эти минуты он был похож на человека, мстящего за все свои муки, за все свои переживания, горести и жгучую боль сердца. Все это лавиной обрушилось на Махмузу-енгу.

— Кто видел, чтобы до орлиного гнездовья сорока долетала! Это сказки! Горе вон там! — Гайзулла-агай яростно ткнул костылем в ночную темноту. — В орлином гнезде — на фронте!

И тут молчавшая до сих пор Махмуза закрыла лицо руками и поднялась с места. Отбросила назад спадающие на грудь косы и побежала к стогу сена, где стояли лошади. Ни я, ни Гайзулла-агай не тронулись с места. Вскоре арба с грохотом пролетела мимо нас. На ней стояла во весь рост моя тетя и погоняла лошадей, размахивая вожжами.

— Махмуза! Махмуза-а! — крикнул умоляющим голосом Гайзулла-агай. Он хотел подняться, но не смог и со стоном опустился на землю. Арба с Махмузой тем временем исчезла в темноте. Из глубины степи еще некоторое время доносилось ее погромыхивание, потом все стихло. В это время, наверное, впервые в жизни навалилась на меня какая-то щемящая тоска, горький комок застрял в горле. А потом вспыхнула ненависть к человеку, который обидел мою тетю.

Я встал и огляделся вокруг. Одинокая лошадь нетерпеливо била копытами землю. Видно, и она тосковала, оставшись одна без своей пары.

Ушла за тучи луна, сверкавшая до этого как раскаленная сковорода. Почти ничего не было видно. Мне пришло в голову догнать Махмузу-енгу. Догнать и уехать вместе, оставив Гайзуллу одного.

Я встал и побежал к лошади, быстро оседлал ее и пустился вдогонку за Махмузой. Но, проскакав немного, я осадил лошадь и стал рассуждать. Ведь Гайзулла-агай безногий, как он попадет домой без лошади? Тетя слишком горда, она не вернется. От досады на Гайзуллу и на себя я чуть не заплакал. Однако повернул обратно. Когда я подъехал к Гайзулле-агай, тот стоял, опираясь на костыль.

— Не догнал?

— Нет...

Делать было нечего, и мы снова легли под копну, прижавшись друг к другу. Гайзулла-агай сдержанно погладил меня по голове. Наверно, извинялся за тетю.

Утром мы накопили глины, погрузили ее в телегу и поехали домой. Всю дорогу Гайзулла-агай постанывал от боли. У него открылась старая рана выше колена, он то и дело поглаживал больное место.

Потом он свернул «козью ножку», несколько раз жадно затянулся и, повернувшись ко мне, неожиданно обронил:

— Люблю я ее.

Я ничего не ответил на это, но когда заглянул в его глаза, то даже испугался, такие они были тусклые, потухшие.

— Жизнь дается человеку только один раз, браток. Видать, не суждено мне прожить ее как другие.

И Гайзулла-агай посмотрел на меня, будто бы спрашивал, понял ли я его. Потом продолжал:

— Вот ты подумай-ка хорошенько, браток. Догонит ли мышка вон ту птицу? Нет, не догонит. Так вот я и есть та мышка. А невестка твоя Махмуза...

Он долго молчал, думая свою невеселую думу, потом снова заговорил:

— Невестка твоя что горящие угли в печи! Ее уже разожгли, она хранит в сердце ласку твоего брата Карамэта. А я? Я — калека. У меня даже гнезда своего нет. Дурак я, хотел голыми руками взять горящие угли.

Тогда я мало что понял из слов Гайзуллы. Но его скорбь была близка и понятна моей душе.

Белую глину, которую мы привезли, люди разобрали быстро. Все побелили свои дома, и наши деревенские улицы стали светлее, радостнее. Лишь одна изба не была побелена. Ее хозяин Гайзулла-агай запил с горя. Его видели пьяного и около магазина, и на перекрестках улиц, и дома, если кто к нему заходил. И многие ему сочувствовали поначалу, отводили домой. Но часто он оставался на улице.

Как-то к нам зашла соседка и сообщила:

— Вот бедняга-то.

— Кто?

— Да Гайзуллу опять видела. Валяется у своего дома, глаза красные, опухшие, на лице ни кровинки. Видать, уж не жилец он на этом свете. — Тетя выслушала все это спокойно, оделась и ушла. Потом она стала чаще навещать сиротливый дом Гайзуллы-агая. И, случалось, возвращалась от него очень поздно. И теперь уж никто не видел, что пьяный Гайзулла валяется на улице или торчит у магазина. В деревне стали поговаривать на этот счет. Но когда однажды Махмуза-енга выбелила дом Гайзуллы, так все и ахнули. Мол, теперь-то уж все ясно. И пошли разные слухи. Одни говорили, что Махмуза скоро должна родить и поэтому сама пришла к Гайзулле. Кто говорил, что баба тронулась, ожидая своего Карамэта. Чего только не услышишь от деревенских сплетников. Впрочем, толком никто ничего не знал.

Прошло какое-то время, и Гайзулла-агай совсем исчез из деревни. «Куда он денется? — рассуждали люди, которым до всего было дело. — Поездит и вернется. Пропащий человек...»

А через несколько месяцев, не попрощавшись с нами, уехала и невестка наша Махмуза-енга. С тех пор никто не знал, где они, что с ними, как живут.

Тетю Махмузу я очень любил. До сих пор не могу забыть, как она ласкала меня, похлопывала по спине, как это, бывало, делал мой старший брат.

Мы ждали, что Махмуза вернется, но напрасно. Больше мы ее не видели. Кто-то потом говорил, что она подалась в сторону Ташкента, а Гайзулла-агай уже помер. И вот встреча...

Долго я бродил по скверу, размышляя о прошлом, вспоминая эту историю, которая с годами поветри-

лась из моей памяти, а теперь снова вспомнилась со всеми подробностями, щемящими сердце.

Когда подошло время отплытия парохода, я спустился к пристани. Гайзуллы пока еще не было. Река скрывалась в белом плотном тумане и почему-то живо напомнила мне сверкающие на солнце белые избы моей деревни. Будто реку кто-то выбелил белой глиной, привезенной с нашего Алатау.

Между тем подошел Гайзулла-агай. Лицо его было печально, и сам он будто постарел на несколько лет.

— Пароход запаздывает, пойдем побродим,— сказал он.

Мне вдруг стало жалко его, и я сказал:

— Гайзулла-агай, съездил бы ты в родные края!

Он лишь невесело улыбнулся:

— Эх, Фарит, дружок, и самому страшно охота повидать Ташмурун, но дороги туда мне заказаны. Не могу. Давай-ка присядем да посидим немного.

Мы уселись около воды, которая безмолвно шевелилась у наших ног.

— Передай привет белым избам родной деревни,— проговорил Гайзулла-агай. — Они для меня дороже жизни, но ехать не могу... Без Махмузы.

— Где же тетя? — невольно вырвалось у меня.

— Мы жили в этом городе,— сказал Гайзулла-агай. — Неплохо жили. Я и тогда работал здесь. Двоих сыновей вырастил. Да вот... в прошлом году не стало той, которая вернула меня к жизни, открыла мне глаза. Да, я одинок, но сердце мое, дружок, бьется и за нее, за Махмузу. Ты уж, пожалуйста, передай там мой привет.

Подошел пароход. Мы попрощались.

Гайзулла-агай, стоявший в одиночестве на берегу, все помахивал мне своей шляпой, пока мы не скрылись за поворотом, а он не потерялся из виду. Лишь чайки суетливо носились над рекой, оглашая пространство своим пронзительным криком.

Идет ливень

Небо заволокло распухшими, как подушки, иссиня-черными тучами. Накрапывавший с утра дождь перед обедом усилился, полил как из ведра, внося свою лепту в осеннее уныние.

Агидель вздулась и помутнела. Крупные, как горох, капли дождя хлестали по воде, иногда проносился вихрь, оставляя за собой белесый след на реке.

Один из таких вихрей пронесся над мужчиной, сидевшем на мотоцикле в ожидании парома. Яростный порыв ветра будто пытался сорвать с него серый плащ с башлыком и опрокинуть мотоцикл с деревянного настила пристани, но мужчина даже не пошелохнулся. Хотя видно было, что он потерял всякое терпенье и газанул, будто собираясь бросить и себя и машину в бурную проворную воду реки.

А дождь все лил. Плащ, туго обтягивающий широкую спину, давно уже промок. Но на пароме ни живой души.

Теряя всякую надежду переправиться на тот берег, он привстал с сиденья и оглянулся. Новый порыв хлестнул его в лицо, сорвал с головы кепку, и он едва успел подхватить ее и нахлобучить до самых бровей. Мотор заглох.

— Нищему и ветер против,— пробормотал Мигран, сходя с мотоцикла.

Давя кирзовыми сапогами красную глину, откуда-то нанесенную на дощатый настил, подошел к воде. Остановился на самом краю, широко расставив ноги, сцепив за спиной руки, и стал пристально вглядываться в противоположный берег.

— Э-ге-гей! Есть там кто?

Но с того берега некому было ответить. Одни только мутные ручьи сбегали в Агидель по пологому откосу. Мигран еще раз крикнул, помахал рукой, хотя никого не было видно. И даже пронзительно свистнул, потом закурил. С краев капюшона капала холодная вода. И он подумал: «В такую погоду хороший хозяин и собаку не выпустит на улицу. Наверно, паромщик ушел домой, раз нет людей. Чего ему тут мокнуть? Только я, дурак, еду к черту на кулички. А вода в реке поднялась».

Да, неудачно складывалось путешествие. Только теперь он это понял. Но кто мог подумать, что дождь зарядит надолго?

Он простоял тут больше часа, с надеждой поглядывая на тот берег, не появится ли там кто, какая-нибудь живая душа. А дождь продолжал лить, небо все заволгло, никакого просвета. И он подумал: «Может, повернуть обратно, пока не поздно?» Но тут же вообразил себе Алимгулова, скривившего лицо в кислой улыбке, его покровительственный тон: «Ну, убедился, товарищ агроном, что из твоей затеи ничего не выйдет? Говорил же я тебе, не один раз предупреждал, а ты свое. Молод ты, парень, многого не понимаешь. Ну зачем нам эти семена? В Подмосковье, дескать, до шестидесяти центнеров получили. Верю. Но там и техники и удобрений куры не клюют. Если каждый квадратный метр ласкать да лелеять, как невесту, то и наша пшеница даст не меньше. Мода это, браток, мода! У нас еще пока нет таких условий, как в подмосковных колхозах. Научись сначала как следует выращивать башкирскую пшеницу».

Мигран досадливо поморщился и плюнул в воду. «Нет уж, раз собрался, не поверну обратно,— подумал он,— пускай хоть каменный дождь идет на мою голову». И, набрав в легкие побольше воздуха, снова заорал:

— Эге-гей! На том берегу!

Пустой паром сиротливо притулился у того берега. Хоть бы какая машина показалась на той стороне, отыскали бы паромщика. Где он, каналья, скрывается?

Мигран отряхнул кепку и снова надел. Мысли его вернулись к Алимгулову, председателю колхоза, где работал Мигран.

Осторожный человек председатель, если не сказать лучше, просто трусоват. Наверно, даже когда шагает, небось все думает, как бы не споткнуться да нравится ли его походка тому или другому.

Когда Мигран сообщил ему, что собирается привезти новый сорт пшеницы, который в Акьяланском районе дал очень хороший урожай, сразу воспротивился. Правда, сначала говорил мягко:

— Кто же даст нам эти семена?

И Мигран в ответ на это рассказал о своих планах:

— Да есть там у меня один товарищ по институту, поможет. Встретил его на совещании передовиков сельского хозяйства. Ну и повоздействовал на его слабые струны. Поможет.

— Ай-вай, получится ли, товарищ агроном? И потом, у нас нет лишней земли для таких сортоиспытаний.

— А Боярышниковое урочище? Чем худо?

У Алимгулова чуть глаза на лоб не полезли.

— Нет, это не пойдет. Не имеем права тронуть даже один метр этой земли. Урочище находится под контролем райкома партии. Не помнишь, что сказал представитель райкома? Память у тебя короткая. А он сказал, чтобы мы там выращивали овощи. Понял?

— Алимгулов-агай, я не противник овощеводства. Но оттуда до воды далеко. Не меньше трех километров. Под овощи я нашел другое место.

— Не пойдет. Ты свое образование показывай в другом месте, если можешь. А тут,— Алимгулов поднял кверху большой палец,— пожалуйста, не суйся в дело, подконтрольное райкому. Молод ты еще, опыта нет.

Мигран молчал. Алимгулов решил, что убедил его, и, подойдя вплотную, зашептал на ухо:

— Хороший совет хочу дать тебе, браток. Что ни говори, а ты из наших. Женись-ка давай, завтра же женись. А то ведь смеются, надо мной смеются. Мол, товарищ Алимгулов, а твой агроном случаем не того? Прожил тридцать лет, а жены все нет. Стыдно, ей-богу! Давай забудь пока о сортовых семенах.

Тут-то Мигран и взорвался. Кому какое дело, женат он или нет? А может, и вовсе не будет жениться.

Назавтра, то есть сегодня утром, сел на мотоцикл и уехал. Второпях не заметил, что собирается дождь. Мысль была одна: надо ехать в Акьяланский район и

добыть семена во что бы то ни стало. Засеять Боярышниковое урочище. В райкоме его поймут, там тоже люди с умом. А если не захотят понять, то он им докажет, убедит. Есть чем доказать и убедить. Агроном живет на земле ее заботами, а не сидит в кабинете.

Когда он оформлял в бухгалтерии командировку, как назло, встретился Алимгулов и спросил:

— Куда так торопишься?

— Еду за счастьем,— процедил Мигран сквозь зубы. Будь другое время, он бы на такую дальнюю дорогу выпросил «газик» у председателя. А теперь кланяться не хотел.

— Все-таки едешь,— покачал головой огорченный Алимгулов.

— Еду,— сказал Мигран и газанул.

— Смотри не оброни свое счастье! — крикнул председатель вслед.

Вспомнив сейчас все это, Мигран подумал, что если уж найдет он свое счастье, то не обронит.

Дождь все лил. Хоть бы на миг показался просвет, но просвета не было. Казалось, все небо обрушилось на Миграна. Настроение и без того неважное, а тут еще этот непрерывный ливень.

«Паромщик когда-нибудь да придет,— подумал Мигран.— Может, он тоже промок и ушел домой выпить стакан горячего чаю. Скоро, наверно, придет».

Мигран спустился к воде, мокрая галька хрустела под ногами. Помыл руки, сполоснул лицо и совсем успокоился. Вытер лицо носовым платком и поднялся на мостик. А когда закурил сигарету, мир снова показался ему прекрасным.

И тут он увидел немного в стороне одинокий домик, весь вымокший, почерневший от дождя. Железную крышу, видно, давно не красили. Кое-где железо поржавело, продырявилось. Окна, словно глаза унылого человека, смотрели на мир печально и холодно. Одна ставня соскочила с петель и болталась на ветру, как пустой рукав однорукого. Мигран подумал о паромщике, не там ли он живет? Но, вспомнив, что паром на той стороне, отказался от этой привлекательной мысли. Да как-то и не тянуло его в этот дом-сироту.

Он снова стал кричать:

— Эге-гей! Есть кто там, у парома?!

Крикнул еще раз, но не было ему никакого ответа. Вдруг за спиной он услышал шаги:

— Ты чего это разоряешься?

Перед ним стояла пожилая женщина. На ней была толстая черная шаль и бешмет с потертым воротником, на ногах глубокие калоши, а в руке ивовый прут. Лицо ее было угрюмо, посиневшие губы плотно сжаты, а в глазах никакого движения мысли. Словно вставили вместо настоящих стеклянные. Женщина гнала корову с телком, которые тоже остановились, когда остановилась она.

— Здравствуйте, вы это мне говорите? — спросил Мигран как можно вежливее. Сам подумал, что, может, она все-таки человек с открытой душой, несмотря на ее лицо.

— Кому же, если не тебе.

И женщина прошла мимо, чавкая калошами по грязи.

— Куда поворачиваешь, проклятая? Чума бы тебя свалила! Пошла давай.

Мигран поглядел ей вслед и, спохватившись, крикнул:

— А где паромщик, не знаете?

Она обернулась... Молча постояла, глядя то на Миграна, то на паром у того берега.

— Я бы ему заплатил, — добавил Мигран, надеясь этими словами добыть у нее какие-нибудь сведения. Может быть, паромщик ее муж.

Но та продолжала свой путь.

— У нас теперь все платят деньги, — слышались ее слова. Мигран покачал головой: «Ну и тетя».

Настроение снова испортилось. Откуда она взялась на его голову?

Без нее он стоял тут хоть бы что. Наверное, люди, живущие около перевоза, похожи на сегодняшний ненастный день. Старик у нее, видимо, пьяница, денег домой не приносит. Потому-то она такая и хмурая, ненавидит весь свет. Один такой человек может отравить настроение сотне людей. Ну и дела. Такие вроде чертополоха посреди поля. Вырвать с корнем да вон. Впрочем, глухо это. В агротехнике можно и нужно избавляться от сорных трав. А тут... Есть нечто, называемое человечностью. Есть надежда, что дурные люди могут исправиться, стать настоящими людьми. Надо в это верить,

а иначе невозможно. Человек не сорная трава, это явление в этой нашей большой и трудной жизни. Надо воспитывать, убеждать тех, кто сбился со своей тропы. Но вот можно ли перевоспитать старика у этой женщины? Свое он, видимо, уже прожил. Ива и та, старея, делается хрупкой.

Мигран грустно улыбнулся. Снова закурил, пряча от дождя сигарету. Опять вообразил себе Алимгулова.

— Ну и что? — говорит он. С кончиков его усов каплют дождевые капли.

— Ну и ничего, — мысленно отвечает Мигран.

— Своенравен ты, братишка! — смеется председатель, показывая желтые от табака зубы. — Говоришь, надо искать счастье? Смотри, как бы оно у тебя не выпало по дороге. Она, брат, штука скользкая, это счастье.

— Не выпадет, — кричит в ответ Мигран. Но председатель шепчет ему на ухо:

— Молод ты, братан, и опыта у тебя — кот наплакал. Слушайся-ка моего совета. Женись, дорогой. Я сам, когда первая жена стала слишком много на себя брать, развелся и женился на такой красотке, просто эх! Ты знаешь, у начальника жена должна быть всегда молодой и красивой. Заруби себе это на носу. О начальнике должны судить по красоте его жены!

Мигран отогнал назойливое видение председателя, швырнул сигарету, раздавил ее сапогом и выругался:

— Дьявол!

— Кого ругаешь? — раздался голос, уже знакомый ему, той самой пелюдимой женщины. Мигран быстро обернулся и рассмеялся, поняв, что разговаривал сам с собой.

— Ругаю дождь, — сказал он, стараясь голосом не выдать свою недавнюю обиду. Виновата ли эта женщина, если ее муж пьяница? — В такие ненастные дни у моей мамы ноют кости. О ней я думаю.

Мигран и правда в последний момент почему-то вспомнил о своей матери.

При его последних словах лицо у женщины прояснилось.

— Вот беда, и у меня ведь в такую погоду болят ноги, — сказала она уже с некоторой симпатией к Миграну. — Ты куда направляешься-то?

— Далеко. Да вот только дождь что-то не перестает. Если бы паром ходил, наверно, добрался бы к вечеру.

— Не знаю,— женщина посмотрела на реку, приставив ладонь ко лбу.— Не видно его, непутевого, водится с этими рыбаками, пьяницами... Всю душу мою надорвал.

Она тяжело вздохнула. Мигран подумал, что предположение о ее старике правильное, но женщина, не привыкшая, видно, жаловаться людям на свою судьбу, умолкла. Лицо ее снова посуровело, глаза будто остекленели. Она надвинула на глаза черную шаль и сказала уже другим голосом:

— Заходи в дом. Нечего тут мокнуть. Вернется, есть-то ведь захочет.

Мигран даже сказать ничего не успел, как женщина пошла вперед, шлепая калошами по грязи. «Идти за ней? — подумал он.— Или тут подождать? Да ведь и скотина в конце концов возвращается в стойло. И старик, наверно, скоро придет. Дело-то ведь уж к вечеру».

Странная женщина чем-то привлекла внимание парня, то ли своей чрезмерной суровостью, то ли бог знает чем. Ее сразу не раскусишь, не поймешь. Во всяком случае, думал он, в душе у нее осталась какая-то теплота. Он это чувствовал, и ему было жалко ее. Он даже подумал, если снять с нее эту черную шаль, то перед ним предстанет совсем другой человек. Так или иначе, он решил зайти в дом. Впереди еще длинная дорога, надо отдохнуть немного, посушиться. Да ведь и паромщик все равно придет сюда.

Мигран вытащил мотоцикл на бугорок, поставил на ножки и направился к дому.

Вокруг строения не было никакой ограды, не было никакого двора. В сени можно было попасть со всех четырех сторон. Вместо порога лежал мельничный жернов, неизвестно как попавший сюда.

Открыв дверь, Мигран зашел в сени, чуть не разбив себе лоб о деревянный выступ. Потолок тут был дырявый, капало отовсюду. Как на улице. Березовые веники, подвешенные на шесте, крепко пахли душицей и терпким листом. Их аромат щекотал Миграну ноздри, и веяло каким-то уютом. Он потянул дверь на себя.

— Можно?

Никто не ответил. Мигран постоял в раздумье, не зная, войти или не входить. Но тут из-за печки послышался голос женщины:

— Чего ж ты не заходишь?

Зашел. В доме пусто. Никакой мебели. На стене полотенца, вышитые, видно, хозяйкой, на окнах занавески, тщательно отутюженные, белоснежные, с диковинными украшениями на концах величиной с воробьиную головку. И скатерти на столе коснулась, видимо, чья-то ласковая рука. Пол недавно вымыт и тщательно выскоблен ножом, но уже кто-то успел наследить. Под калошами, брошенными у порога, образовалась грязная лужа.

Мигран снял сапоги и поставил их в сенях, где было посуше и не капало. Снял плащ, повесил на гвоздь и, не зная, как быть ему дальше, прошел к столу.

В большой печи, старательно побеленной кем-то, весело потрескивали дрова. Где-то, невидимые Миграну, тикали часы. За печью переодевалась женщина, слышны были ее неторопливые движения. Немного посидев в непривычной тишине, Мигран стал раскаиваться, что зашел сюда. Тишина его угнетала. Он взял с подоконника утюг и от нечего делать стал его рассматривать. Утюг был неисправен, нарушен контакт. Мигран вынул из кармана перочинный нож и принялся за ремонт. Зачистил провода, прикрепил их концы к клеммам и воткнул штепсель в розетку. Утюг стал нагреваться. Это почему-то обрадовало Миграна.

— Починил вам утюг,— сказал он вышедшей из-за перегородки женщине.— Хоть в чем-то от меня польза.

Женщина даже и глазом не моргнула. Она закуталась в другую шаль, и теперь, без башлыка, видно было, насколько она худа. «Наверно, как пушинка»,— подумал Мигран. Он не обиделся за ее молчание и, что бы ни случилось, решил не обижаться. Мало ли какие у нее заботы.

Женщина скрылась за перегородкой, и оттуда послышался ее голос:

— Вот исправил твой утюг, жги теперь электричество сколько хочешь.

На это ворчание возразили:

— Мама, зачем же так, зря ты...

Мигран сообразил, что в доме кроме них есть и третий человек, невестка или дочь. Он подумал, что и бело-

снежные занавески и вышитые скатерти — это дело ее рук. Кому ж еще?

Снова наступила тишина. Мигран забеспокоился: «Неужели они забыли про меня?» Он уже согрелся. И только сейчас почувствовал, как замерз, хотя там, под дождем, об этом ему и в голову не приходило. На него накатила приятная истома, и он решил посидеть еще немного. Может быть, паромщик скоро вернется.

— Когда же вернется паромщик? — громко спросил он, не с целью узнать, а чтобы напомнить о своем присутствии. Но из-за перегородки слышалось сердитое ворчанье:

— Ты что же это печку обтираешь? Иди давай ставь чай. Ведь мусульманин же он.

«Мусульманин — это я», — подумал Мигран. Услышал, как звякнуло ведро, как льется вода в самовар, шуршат угли, падая в трубу.

Однако скоро затарахтела на всю реку моторная лодка. Пожилая женщина поспешно вышла из-за перегородки и унесла топор, лежавший перед печкой.

— Едет, чтоб земля его проглотила. — Потом прикрикнула на невестку: — Аклима! Чего стоишь, выкупив зенки? Картошка сварилась?

Лицо пожилой женщины чуть оживилось, да и двигаться она стала попроворнее. Торопливо схватила утюг со стола и спрятала в сундук. Потом оценивающе посмотрела на Миграна и, кажется, осталась довольна его видом. Как будто решила про себя: «Ну этот парень не из хилых». Подошла к окну.

— Что, шумит, когда пьяный? — спросил Мигран. — Сын, что ли?

Женщина обернулась:

— Душа стареет из-за таких. — И опять прикрикнула на невестку: — Ну что ты там копаешься? Вон идет, шатается. Родной же муж.

За перегородкой слышалась возня. Через мгновение в сенях открылась дверь, и раздалась песня:

Тырдария-городок,
Тырдария-городок, хай!
То ль мне замуж выходить,
То ль жениться мне...

Паромщику на вид было около тридцати пяти, невысокого роста, крепко сбитый, востроглазый, но с пожел-

тевшим, опухшим лицом. Шагнув через порог в избу, он все еще тянул свою песню, но вдруг взвизгнул:

— Аклима! — и потопал к перегородке, оставляя на полу грязные следы от сапог, которыми будто месил глину. — Аклима, дай-ка мне пятерку. Славные ребята встретились.

Мать удержала его за руку:

— Тише, чтоб язык твой отсох, мы тут не одни. Чужие люди.

Паромщик совсем распалился:

— Плевал я на вашего чужого! Поняла? Аклима! Кому сказано? Ну! — Он сунул руку за занавеску и ударил жену. Но тут заметил Миграна. — Ха, а это еще что за попугай? Гость, оказывается, у нас. Почему не сказали? Кто я вам здесь? Ну-ка, скажи... Этот гость... Да уж не к тебе ли он принюхивается, Аклима? Ну я его сейчас... сейчас.

Сжав кулаки, он пошел на Миграна. Его жена, вышедшая в этот момент с тарелкой в руке, в сердцах крикнула:

— Ашраф!

Мигран вскочил. Тарелка выпала из рук у Аклимы и разбилась, картошка покатилась по полу. Паромщик глянул снизу вверх на Миграна, который был на целую голову выше, и отступил назад:

— Ага, да это, оказывается, друг, наш друг. Ха-ха! Друг ведь, Аклима!

Но ни Аклима, ни Мигран не слышали Ашрафа. Ошеломленные, они смотрели друг на друга и были потрясены такой неожиданной встречей.

Миграну в этот краткий миг показалось, будто из него вынули сердце и вложили вместо него целую кучу пылающих углей. Он задыхался. Пробормотал, едва пошевелив губами:

— Аклима.

Закрыв лицо руками, она кинулась за перегородку. Мигран без сил опустился на стул, который скрипнул под его тяжестью. Кровь хлынула в голову, лицо запылало. Руки невольно сжались в кулаки, а тело напряглось, будто он поднимал непосильную ношу.

Но он сумел взять себя в руки, хотя нахлынувшие чувства и были слишком горьки. Эти знакомые глаза были дороги ему.

Ашраф между тем как будто протрезвел, стал собирать рассыпавшуюся картошку. Мать принесла тазик и сложила в него осколки от разбившейся тарелки. Никто не промолвил ни слова. Аклима не выходила из своего убежища. Мать и сын пока еще не поняли, что произошло между Миграном и Аклимой. Каждый объяснял случившееся по-своему. Паромщик, сделавшись удивительно покладистым, подошел к Миграну.

— Ну парень, ладно еще не стукнул,— сказал он, осторожно тронув крепкое плечо Миграна.— Тебе что, на ту сторону надо?

— На ту сторону,— сказал Мигран, не сводя с Ашрафа пристального, колючего взгляда. Тот еще больше съежился, даже ростом как будто стал меньше.

Мигран встал со стула, молча потянулся за плащом, надел фуражку.

— Чай ведь вскипел,— сказала пожилая женщина. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Спасибо, путнику лучше быть в дороге,— сказал Мигран и покосился на перегородку. Оттуда за ним жадно наблюдали знакомые до боли глаза.

Ашраф тоже оделся. Вышли на улицу и зашагали прочь от дома. Чем дальше уходил Мигран, тем острее чувствовал взгляд Аклимы, будто две раскаленные стрелы вонзились ему в спину.

Ашраф почти бегом трусил за ним, извиняясь на ходу:

— Ты уж, друг, не обижайся. С нашим братом всякое бывает.

Если бы мог, Мигран одним ударом сокрушил бы его, но нельзя, человек не сорная трава. Нельзя вырвать его с корнем и выбросить вон. Его надо воспитывать, человечность в том и состоит, чтобы помогать друг другу.

Немного спустя Мигран спросил у паромщика:

— Значит, ты бьешь жену?

А сам искоса изучал его лицо и видел жидкие волосы, спадавшие на узкий лоб, белесые брови, синие бегающие глаза, впалые щеки, нос пуговкой, большой некрасивый рот. Внешность Ашрафа показалась ему отталкивающей.

— Без этого нельзя,— прохихикал паромщик,— это надо, чтобы жена крепче любила мужа.

— И все же ты больше не бей ее,— тихо сказал Мигран.— Они рождены для других целей, женщины. Понял?

Ашраф в недоумении поморгал глазами.

— А-а-а, понятно, конечно... для каких целей. Хи-хи, понятно.

Мигран сердито взглянул на него и с огорчением подумал, неужели эти синие глаза обманули Аклиму?

— Ты самый настоящий сорняк, чертополох,— сказал он и махнул рукой, дескать, что с тебя, дурака, возьмешь.— Женщина рождена для радости, заруби себе это на носу.

— Сорняк? Что зарубить?

— Ты сорняк, идиот.

Мигран подошел к своему мотоциклу. Когда он ска-
тил его на мостки, Ашраф уже сидел в моторной лодке.

— Надо паром перегнать сюда,— завел разговор паромщик.— Дело, конечно, простое, но там ребята ждут. Выпить надо, дашь на поллитру?

Мигран будто не слышал его слов. Он то и дело оглядывался на уютный дом, сиротливо темневший на берегу. Ему казалось, что из одного окошка струится к нему нежное тепло. Нудный голос паромщика привел его в себя:

— У ребят болит голова. Надо выпить. Сам видишь, каково в такую погоду тянуть паром. Так как насчет поллитры?

— Сколько положено, столько и заплачу! — рассердился Мигран. На этот раз Ашраф чувствовал свое превосходство. Он сидел в лодке и был на приличном расстоянии от Миграна.

— Ах, вот как! Ну и мокни тут, раз жалеешь денег, скряга!

С этими словами паромщик завел мотор и уехал вниз по реке.

— Подонок, сорняк! — процедил сквозь зубы Мигран. Поставил мотоцикл на ножки. Что ж теперь делать? Так все неудачно складывается. А может быть, прав Алимгулов? Уехал, не послушавшись его. Но раз уж назвался груздем, полезай в кузов. Надо идти до конца. А с другой стороны, чего ему раскаиваться? Вот встретил Аклиму. Но радость это или горе? Не видел ее, и сердце не так болело, а теперь опять.

Он невольно вспомнил отца, вернувшегося с войны. Иногда, в непогоду, он, бывало, сидел, обняв колено, в котором застрял осколок, раскачивался всем телом и го-

ворил: «Тише, дети, не шумите, что-то нога разболелась». Так вот этот осколок как будто перебрался из раны отца в сердце Миграна. Осколок этот — Аклима...

Мигран перевернул доску мостков сухой стороной кверху и сел на нее. Закурил и подумал, что теперь Аш-раф не скоро вернется.

В глазах у Миграна все еще стояла Аклима. Как это получилось, что их пути разошлись? Сколько же лет прошло? Сильно переменилась Аклима, лицо пожелтело. Только вот глаза, те остались прежними, глаза, которые любил Мигран до смерти.

А на небе все никакого просвета. Хоть и не лило теперь как из ведра, но нудно моросило. Мигран опять промок, но не обращал на это внимания. Снова закурил сигарету и отдался мыслям, которые увели его далеко от сегодняшнего дня.

С малых лет семье Миграна пришлось переезжать с места на место. Сначала жили в маленьком городке. Но семья была большая, из-за этого переехали в совхоз, потом уже подались в колхоз. Отцу все время нездоровилось, поэтому работал сторожем, мать ходила на разные работы, куда пошлют. Кормить надо было шестерых детей, один другого меньше. Мигран — самый старший среди них. Едва ему исполнилось тринадцать лет, пришлось идти на работу. Чужой колхоз, чужие люди. Исправных машин почти не было. Хлеб убрали два «Коммунара». Они отличались от сегодняшней уборочной техники, как небо от земли. Каждый комбайн обслуживали восемь человек. Два тракториста, комбайнер с помощником, двое на соломокопнителе, двое на кантарке.

У комбайнов не было выгрузных шнеков. Приходилось открывать руками заслонку бункера, наполнять мешок зерном и перекидывать его на бестарку. Мигран до сих пор не знал, почему все это называлось кантаркой. Помнил только, как бригадир ходил по деревне и жаловался: «Никак не найду людей на кантарку». Обычно на кантарку назначались женщины и подростки.

К Миграну прикрепили быка по кличке Моряк возить зерно от комбайна. Что касается клички Моряк, то удивительного в этом ничего не было. Все быки в деревне имели прозвища, например: бык Хабир или Насир.

В те годы лошадей было мало. Колхоз покупал у населения быков, которых приучали ходить в упряжке.

Называли животных почему-то по имени хозяина, иногда по имени мальчика, заменявшего в хозяйстве отца, которому не пришлось вернуться с войны.

Вспомнил Мигран случай. Как-то их соседка Фаиза прибежала к ним с плачем да с причитаниями: «Вот горе-то, говорят, умер Абдулгата». А тот приходился ей дальним родственником. Но потом выяснилось, что речь шла о быке Абдулгате, который попал в яму. Хоть смейся, хоть плачь.

Ну, а историю, почему назвали быка Моряком, Миграну рассказывали так. Бычка колхоз купил у одинокой женщины, и стали ломать голову, как же его назвать. По имени женщины вроде неудобно. Тогда вспомнили, что какой-то моряк, возвращаясь домой в отпуск, зашел к хозяйке бычка напиться айрану. И решили, что лучше Моряка не придумаешь.

Впервые встретился Мигран с Аклимой, когда приехал на Моряке в поле возить зерно от комбайна. Тогда Аклима была совсем еще девочкой с тонкими длинными ногами, неуклюжая, неловкая, с тонкой шеей. И ребята дразнили ее Журавлиной шеей. И вот эта самая Журавлиная шея вдруг заморозила Миграна. Ему понравилось ее миловидное лицо, спокойные черные глаза и то, что, когда улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки. Длинные волосы она заплетала в две толстые косы.

И когда она поднимала мешки с зерном на пару с подружкой, девушкой постарше ее, косы ее то и дело падали на едва наметившуюся грудь. Не успевала она откинуть их за спину, как они снова падали, доставляя ей немало хлопот. Наблюдавший за ней Мигран невольно рассмеялся. Но та не растерялась и показала ему язык. Потом что-то пошептала своей напарнице. Они наполнили мешок зерном и, поднатужившись, кинули его на бестарку. Мешок оказался тяжелее, чем обычно. Держа одной рукой вожжи, другой он попытался освободить мешок, но это ему не удалось. Девушки расхохотались, Моряк испуганно рванулся в сторону, Мигран вылетел с телеги да под колесо. Правда, отделался легко, комбайнеры смеялись до упаду, но Аклима теперь молчала. Мигран держался за кровоточащее бедро и чуть не плакал. Аклима то и дело поглядывала на него с виноватым видом. С этого времени в их отношениях возникло что-то особенное. Разговаривать не разговаривали, но

при встречах так глядели друг на друга, что обоим от этих взглядов становилось приятно.

В школе теперь сидели за одной партой. В сенокос тоже старались держаться вместе. Какое-то таинственное для них чувство влекло их друг к другу и заставляло трепетать.

С каждым годом Аклима хорошела, в движениях ее появилась плавность, походка сделалась упругой. Теперь уж никто не дразнил ее Журавлиной шеей. Даже взрослые парни заглядывались на нее, пытаясь встретить взгляд ее спокойных глаз, излучавших тепло и свет. Теперь они учились с Миграном в десятом классе.

После школы он окончил шоферские курсы и стал работать на машине. И день и ночь пропадал в поле, а ему так хотелось увидеть Аклиму, что хоть бросай все да бегом к ней.

До сих пор они ни слова не сказали друг другу о любви. Но все было понятно и так. Мигран знал, что любит ее всей душой. Да и Аклима при встречах так и вспыхивала от счастья. Видел все это Мигран, но объяснить духу не хватало.

В начале сентября Миграна вызвали в военкомат, он прошел медицинскую комиссию, и ему предстояло идти в армию, но до конца уборочной оставили работать в колхозе.

Время для Миграна побежало еще быстрее. С Аклимой все не было случая поговорить.

Но однажды смотрит, а в кузове его машины сидит Аклима в красной косынке. Мигран растерялся.

— Здорово,— пробормотал он. А сердце забилося так сильно, что он испугался, как бы об этом не догадалась Аклима. А та кинула на него быстрый взгляд из-под длинных ресниц и сказала:

— Здравствуй, Мигран.

А сама покраснела, как будто в чем-то провинилась.

— Тебя что, подбросить куда? — спросил Мигран.

— Да нет. Бригадир велел... зерно сгружать.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Мигран онемел от счастья. Молча залез в кабину и газанул. Ему казалось, что машина летит как птица, хоть и нет у нее крыльев.

Те, кто работал в тот день на току, удивлялись, до чего же стал жаден Мигран к работе. И оглянуться

не успеешь, а Мигранова машина уже отъезжает от комбайна с полным кузовом зерна.

— Видно, наш Мигран перед армией решил закончить свою работу досрочно,— шутил заведующий током. Слова его подхватывали женщины:

— Пусть работает. Такие, как он, бывают счастливыми. У таких в работе все счастье.

— Да вон его счастье в красном платке на машине сидит.

— Молодец Мигран.

— Пусть побудут вместе. Это же армия, на три года разлука.

— То-то и смотришь, выскакивает из кабины и давай помогать Аклиме. Будто мало ему крутить баранку. Тут что-то не так...

— Да ведь об этом знает вся деревня. Только ты спишь на ногах.

— Тахир и Зухра...

Мигран и Аклима все слышали. Видно, женщины нарочно переговаривались громко, для них. Но тут одна пожилая, с уставшим лицом сказала строго:

— Хватит вам, бабы, языком чесать. Зачем их отпугивать друг от друга? Чего в этом хорошего?

После ее слов шутки прекратились.

Аклима грустнела с каждым днем. В кабину никогда не садилась, мол, в кабине голова у нее разбалчивается, в кузове, на свежем воздухе приятнее. Так и получалось, что целый день вместе, а поговорить толком не удавалось.

Как-то они в конце загона ждали комбайн, Мигран по привычке вышел из кабины и стал смотреть на Аклиму, держась руками за край дверцы. И вдруг Аклима тихо сказала ему:

— Мигран... до твоего отъезда осталось двадцать дней.

Проворно слезла с машины и убежала. Он видел, как она ходит по лугу и собирает цветы. «Всего двадцать дней»,— подумал он, и горький комок застрял у него в горле.

К вечеру собралась гроза. Комбайны убрали пшеницу на горе, откуда все было видно вокруг как на ладони. Едва упали первые капли дождя, комбайны остановились на дальнем конце поля.

Вдруг потемнело, молния разрезала синюю тучу пополам, ударил гром. Налетел бешеный вихрь, разбросал копны соломы, хлебные валки. Обрушился ливень с громом и молнией.

Акlima едва успела заскочить в кабину. В небе громыхало все яростнее, дождь усилился, над полем будто кто-то все время размахивал огненной нагайкой. У Аклимь глаза были широко раскрыты от страха.

— А в нас... не ударит молния?

Мигран улыбнулся.

— Да ты что, и не подумает. Она ж не дура.

И он прижал к своей груди девушку. От запаха ее волос, горячего, упругого тела, близкого дыханья у Миграна закружилась голова, и весь он опьянел. Все вокруг завертелось в одном клубке: и молнии, и земля, и небо. Мигран в изнеможении закрыл глаза и отыскал губы Аклимь. А их и не надо было отыскивать, они тянулись к нему сами.

— Акlima, я тебя люблю,— прошептал он, целуя ее глаза.— Люблю до смерти, моя Акlima! Моя Акlima!..

— Я тоже люблю тебя, я тоже. Мигран, ты мой единственный...

И они то плакали, то смеялись от счастья. Ни молний, ни ливня — ничего для них не существовало в эти минуты, кроме любви.

Эти минуты навечно остались в памяти у Миграна как яркое сияние в его прожитой жизни.

Вот и сейчас он переживает их, будто это случилось вчера, переживает, забыв о ненастье и что у него тяжесть на сердце.

Да, тяжело ему сегодня. Он встретил Аклиму, с которой давно расстался. И как встретил, при каких обстоятельствах! Акlima — жена пьяницы паромщика.

В жизни бывает всякое. Бывает, что любимые выходят замуж за других, а тебе не судьба. Но узнав, что она счастлива с другим, вроде бы и тебе хорошо. Пусть уж хоть она будет счастлива, раз тебе не суждено. Но никогда не забыть первое ощущение счастья с любимой и сознание того, что она живет на одной земле с тобой, пусть и с другим человеком, служит тебе утешением.

Но Акlima? Даже если Мигран и женится на другой, постаравшись забыть Аклиму, сможет ли он жить

без горечи на душе после увиденного сегодня? Нет, не сможет. Из-за нее он до сих пор и одинок. Не честнее ли гореть одному и сгореть в своем чувстве дотла, чем своим замороженным сердцем сделать еще одного человека несчастным?

Мигран понимал, что на каком-то повороте своей жизни сделал непоправимую ошибку. Можно ли ее исправить? Ведь недаром поют:

Молодость не вернется никогда,
Даже если воды потекут вспять...

Остается только каяться да терзать себя этими раскаяниями. Но какой от этого прок?

В то же время из самых глубин его души подымался протест: «А ты вырви ее из этой темной жизни!» Попробуй вырви, прошлого не вернуть.

Мигран швырнул потухшую сигарету в воду, и ее закрутило водоворотом.

Что же было потом? Как все вышло? Его родители из деревни переехали в Среднюю Азию. Для здоровья отца нужен был теплый климат. Он часто переписывался с Аклимой, но через полтора года письма от нее перестали приходить...

В отпуск Мигран приехал в деревню, но Аклимы здесь уже не было. Вышла замуж. И за кого? За парня, который приехал к кому-то в гости, за первого встречного, другими словами. Через две недели знакомства связала свою судьбу со случайным человеком!

С обидой на сердце Мигран уехал к родителям в Ташкент, чтобы там провести оставшуюся часть отпуска. В деревне он больше не бывал, после службы уехал в Среднюю Азию. Но родные места тянули его, и он опять приехал в Башкирию. В Уфе закончил сельскохозяйственный институт, по направлению уехал на работу. И вот теперь он здесь, в бесконечных спорах с Алимгуловым выращивает хлеб...

Услышав позади себя тихие шаги, Мигран вскочил. К нему шла Аклима, забыла даже накинуть шаль на голову. «Аклима!» — чуть не крикнул он, но взял себя в руки.

— Все еще стоишь? — спросила она. Сердце у него забилося от знакомого голоса. Он не был таким звон-

ким, как прежде, потускнел, и сама она переменялась, но глаза...

— Да вот не перевез,— сказал Мигран.

— Не жди от него добра.

Она остановилась в нескольких шагах и так глянула на него, столько было отчаяния и горя в ее взгляде, столько мольбы, что у Миграна перехватило дыхание.

— А ты все такой же, Мигран.

— И ты,— он не мог найти нужные слова, хотел сказать, что глаза у нее прежние. Она махнула рукой.

— Где уж там. Конченный я человек... Сама во всем виновата.

В ее голосе он уловил неподдельную горечь. Между ними установилась гнетущая тишина. Оба стояли, понурив головы. Да и о чем тут говорить. Мигран посмотрел на нее и подумал, хоть она и осунулась лицом, обаяние ее нисколько не уменьшилось. От нее будто струилась некая мелодия, тихая, приглушенная обстоятельствами, но влекущая и прекрасная. Будто бы две Аклимы стояло перед Миграном, одна — обычная, несчастливая в своей жизни с Ашрафом. А другая... За завесой грусти видна была прежняя Аклима, с чистой душой, его девушка тех далеких, счастливых лет. Мигран это чувствовал, но между ними стояла преграда — ее теперешняя жизнь.

Стоять и дальше рядом с ней было невыносимо. Он подумал, что все-таки Аклима замужняя женщина и, наверно, из окна дома наблюдают за ними полные гнева глаза старой женщины.

Наверно, и Аклима подумала об этом же, она вдруг побежала под берегом вверх по реке. Полы плаща развевались.

«Косы отрезала»,— подумал Мигран. В голове не было ни одной мысли, одна пустота. И тут он увидел Аклиму, которая в большой лодке подплывала к нему.

— Дай-ко хоть раз в жизни перевезу тебя на тот берег,— взволнованно сказала она.— Обойдемся и без парома.

Мигран стоял в нерешительности.

— На этой лодке?

— Не бойся, эта лодка поднимет и тебя и твой мотоцикл,— сказала она и звонко рассмеялась.— И не в такое половодье переезжали.

От смеха Аклимы, искреннего и самозабвенного, как бывало в их прежние времена, Мигран вздрогнул:

— А не попадет от мужа?

Акlima обиделась.

— Не топчи ногами мое последнее счастье, Мигран. Прошу тебя...

И они поплыли. Акlima гребла сильно, размашисто, плащ ее расстегнулся. На волосах, спадавших на лоб, сверкали серебряные капли воды.

— Не устала?— спросил Мигран.— Давай я погребу.

А сам не мог отвести глаз от Аклимы и все думал об их первом поцелуе там, на горе. Сравнивал ту Аклиму с этой и думал, как они похожи.

— Не устала.

— Все-таки давай я сяду за весла. Неудобно.

— Нет уж, ты сиди спокойно. Мне приятно. Раз уж жизнь забросила нас на разные берега, хоть сейчас я переправлю тебя на твой желанный берег.— Она опять рассмеялась, сверкая зубами.— Жизнь, Мигран, как Агидель. Вода течет, берега остаются. Годы проходят, любимые остаются.

Но берег приближался, и лицо Аклимы угасало, будто солнце закатывалось за горизонт, посылая людям последние свои неяркие лучи.

Вдруг Акlima бросила весла и заплакала безутешно, навзрыд, закрыв лицо руками. Ее плечи тряслись от судорожных рыданий.

Мигран молчал. Чем он мог утешить ее, что сказать? Да и сам он едва сдерживался от волнения, весь дрожал. Перехватил у Аклимы весла и стал грести изо всех сил.

— Не спеши, пожалуйста,— попросила Акlima, отворачиваясь и утирая слезы.— Прости меня...

Мигран стал грести медленнее. Так и молчали до самого берега. Когда лодка ткнулась носом в берег, Акlima спросила:

— У тебя семья большая? Ты счастлив, Мигран?

— Большая,— горько улыбнулся он. Она поняла его.

— Почему не женишься?

— У одинокого уши отдыхают.

— Куда ж ты едешь сейчас?

— Искать счастье,— пошутил он.

Акклима не обиделась на его уклончивый ответ, но хотела знать правду и почти взмолилась:

— Не казни мою душу, прошу тебя!

Миграну стало не по себе от ее слов, от ее тона. «Как бы твое счастье не выпало, товарищ агроном»,— вспомнил он напутствие Алимгулова. Так оно и вышло. Встретил Акклиму и опять теряет ее.

«Твоя взяла, Алимгулов,— подумал он.— Обронил я свое счастье. А семена все равно привезу и засею. Глупый ты человек. Ведь когда будем получать по шестьдесят центнеров с гектара, тебе даже орден могут дать, товарищ Алимгулов».

Мысли его перебила Акклима:

— А вон и караул явился.

На том берегу стояла мать паромщика, застыла, будто высекли ее из черного камня. Но ни Мигран, ни Акклима не вышли из лодки, продолжали сидеть. Глядя в сторону, Мигран спросил, о чем давно уже собирался спросить, да не хватало духу:

— Акклима, ты что это... тогда... не стала ждать меня?

Акклима ничего не сказала на это. Обоим было тяжело и неловко.

Вдруг на реке где-то за поворотом раздался шум моторной лодки. Акклима вздрогнула, растерялась.

— Извини меня,— сказал Мигран.— Не надо было спрашивать мне.

— Нет, ты должен был спросить,— возразила Акклима. Она потянула за рукав Миграна, который уже собирался выходить из лодки.— Если бы даже ты не спросил, я бы тебе все равно рассказала. Ты должен знать все. Ведь ближе тебя у меня не было никого на свете!

Ты тогда ушел в армию. Надо было ждать три года. Я готова была ждать тебя вечно. Пойми меня правильно. Со мной что-то случилось. Я и сейчас не могу понять. К соседям в гости приехал этот самый Ашраф с родителями. С первого же дня он стал ходить за мной по пятам. Сначала я и близко к себе его не подпускала. Но однажды... это и погубило меня. Нельзя, наверно, быть слишком жалостливой. Ты ведь знаешь, какая я. Чужая беда сразу берет меня за горло. Хотя теперь и своей хватает... Отец Ашрафа пьяный полез купаться и утонул. Ведь в гостях был. Вся деревня горевала. Аш-

раф сильно переживал. Я думала, что он не вынесет такого горя. Пойми меня, жалела его...

Ходили несколько раз на танцы. Он провожал меня домой. Две недели прожил у нас в деревне. И однажды все это случилось, я стала недостойной тебя, Мигран...

Гул мотора все приближался. Взмолнованный Мигран вышел из лодки. Акклима продолжала:

— Я думала, что умру после всего. Но вот живу. Ты видишь, какая стала я теперь. Обижает на каждом шагу. Работать не разрешает. Ребенок должен был родиться, погубил. А потом и сама уже не хотела.

Об отце они не долго горевали. Утонул, ну и утонул. Такова уж, видно, судьба. Слезы Ашрафа, я думаю, не были искренними. Да и мать у него жила в моем положении. Вон как она недобро глядит на меня. Видно, думает, что же делает ее невестка с чужим человеком. Но поверь, Мигран, я тебе не чужая. Вечно...

На исповедь Акклимы Мигран не смог вымолвить ни слова. Как только показался Ашраф на моторной лодке, он вытащил мотоцикл на берег. Затем вернулся, чтобы попрощаться. Ему хотелось сказать что-то теплое Акклиме, утешить ее, но язык не поворачивался.

Акклима сама возобновила разговор, она теперь стояла в лодке.

— Мигран, как ты сказал только что? Едешь искать свое счастье? — Голос Акклимы был звонок и в то же время грустен. — Настоящее счастье — это любовь. Жить, любя, быть любимой. Помнишь, тогда на той горе сама молния зажгла нашу любовь. Не то я говорю, Мигран. При чем здесь молния? Ведь мы и без того давно любили друг друга.

Хоть и поздно, но теперь я знаю одно: нашел свою любовь — не теряй. За нее надо драться, грызть зубами, лезть в огонь и в воду. А если надо, то и собой пожертвовать. Жалость чужда любви.

Акклима обернулась. Ее свекровь подавала сыну какие-то знаки, показывая рукой в их сторону. Ашраф заметил их и резко повернул лодку. Лицо его покраснело, волосы растрепались.

— Ну прощай, Мигран, — испуганно сказала Акклима. Прежняя решительность оставила ее. Она протянула руку. — Теперь уж стерплю, что бы ни случилось.

— Постой, Акклима.

— Иди, поезжай,— прошептала она. Но Мигран не отпустил ее руки. Он вдруг понял, что его счастье здесь. И если он сейчас уедет, то его остальная жизнь превратится в бесконечную цепочку бесцветных, серых дней. Он потянул Аклиму к себе и горячо прошептал:

— Айда, увезу!

Акlima покачала головой.

— Иди, иди, поезжай. Я сама, сама...

В этот момент глаза ее загорелись решимостью, движения обрели уверенность, тело напряглось как пружина. Совсем рядом что-то кричал Ашраф, размахивая кулаками.

Мигран поднялся было на берег, но тут же повернул обратно, беспокоясь за Аклиму. Если паромщик попытается ударить ее, он в обиду не даст.

Лодка была уже совсем близко. Ашраф приготовился прыгать на берег, держа в руках весло. Мигран толком и не понял, что случилось в следующий момент. Он только увидел, как Акlima с неожиданным проворством спрыгнула с обрыва на берег и изо всех сил толкнула большую лодку, на которой они переехали, навстречу Ашрафу. Тот этого явно не ожидал, потерял равновесие и бултыхнулся в воду. Яростно ругаясь, стал выбираться на берег. Акlima уже добралась до половины склона, когда муж с веслом в руках бросился за ней, но вдруг словно споткнулся. Сжав маленькие кулачки, на него шла Акlima.

— Ну иди, иди! — гневно проговорила она. — Поиздевался надо мной, хватит теперь, земляное твое лицо!

Тот обратился вспять, поскользнулся, упал, перемазавшись в грязи. Теперь он выглядел совсем жалко.

Мигран подал руку Аклиме. Ашраф увидел его и пошел в свою лодку, бормоча проклятия. Попытался завести мотор, но тот не заводился.

— Я тебе покажу... ты еще узнаешь меня,— бормотал он.

Мигран снял свой плащ и накинул на плечи Аклимы, подошел к самому обрыву и крикнул:

— Она больше не вернется! Понял? Никогда не вернется! А если надумаешь какую-нибудь глупость — берегись!

Мигран поднял кулак. Ашраф плюнул на мотор и, гребя одним веслом, стал поспешно удаляться от берега.

Большая лодка сначала шла за ним, затем, подхваченная быстринной, уплыла вниз.

— Пускай уплывает,— прошептала Аклима, словно она прощалась со всей своей прошлой жизнью, горькой и скучной. Будто освободилась наконец от злых чар, приковывавших ее к этому дому у переправы, к Ашрафу и его матери.

— Не жалко? — спросил Мигран.

— Лодки, что ли?

— Матери его. Одна ведь остается.

— Сама виновата во всем. Хотя, конечно, жалко. Но старший сын на той неделе обещал взять ее к себе.

Мигран прижал к своей груди Аклиму, и они стояли так некоторое время. Дождь перестал совсем. Мигран завел мотоцикл.

— Поехали?

— Поехали...

И они тронулись в путь. Аклима так крепко ухватилась за Миграна, что он даже сквозь плащ чувствовал, как горячи ее руки.

Вскоре они выехали на шоссе. Солнце выглянуло из-за кромки тучи и озарило все вокруг.

Содержание

Повести

Самая долгая ночь	5
Колокольчики	48

Рассказы

Сказка ковыльной степи	101
Косуля	111
Встреча с мечтой	117
Зуляля	128
Красавица	134
Марфуга	151
Морская мелодия	171
В ожидании очереди	188
Мешок пшеницы	202
Ворота	215
Дуб, разбитый молнией	229
Белые избы моей деревни	235
Идет ливень	245

**Денис Мударисович
Буляков**

САМАЯ ДОЛГАЯ НОЧЬ
Повести и рассказы

Редактор В. Ягунин
Художник В. Неволин
Художественный редактор В. Покусаев
Технический редактор Н. Децко
Корректоры Н. Попикова, Т. Люборец

ИБ № 1463

Сдано в набор 12.02.79 г. Подписано к печати 11.07.79 г. А10544.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литер. Печать
высокая. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,19. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 79. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Сою-
за писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Типография им. Смирнова Смоленского облуправления изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, г. Смоленск, пр. им.
Ю. Гагарина, 2.

Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, г. Электросталь Московской обла-
сти, ул. им. Тевосяна, 25.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.
Издательство «Современник».*

